

ЛГБТ-ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА "ВЫХОД"

МЫ ЗДЕСЬ

СБОРНИК
ТРАНС*ИСТОРИЙ

WWW.COMINGOUTSPB.COM

МЫ ЗДЕСЬ

СБОРНИК ТРАНС*ИСТОРИЙ

ЛГБТ-инициативная группа «Выход»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

**«ЛГБТ-группа “Выход”» признана Минюстом
незарегистрированным общественным объединением,
выполняющим функции иностранного агента**

Мы здесь. Сборник транс*историй. – Спб.: Выход, 2017. - 200 стр.

Эта книга посвящена трансгендерным людям – людям, чей приписанный при рождении пол не совпадает с их гендерной идентичностью, с их самоощущением. Сборник содержит более сорока текстов, написанных русскоязычными трансгендерными людьми, а также их близкими. Рассказы, эссе и стихотворения, вошедшие в сборник, написаны от первого лица и посвящены жизненному опыту трансгендерных людей, их размышлениям о собственных идентичностях, о трансгендерности, о гендерных стереотипах в обществе и о многом другом. Книга будет интересна трансгендерным людям, их родным и близким, а также всем, кто хочет соприкоснуться с опытом трансгендерных людей и понять, как живет одна из самых маргинализованных в обществе групп.

Ряд включенных в сборник текстов содержат нецензурную лексику, описание суицидальных мыслей, упоминание насилия и описание сексуального опыта. Исходя из ограничений, наложенных законодательством Российской Федерации, книга не рекомендована к прочтению людям, не достигшим 18 лет.

© ЛГБТ-инициативная группа «Выход», 2017

СЛОВО ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

История этого сборника непростая. Как не бывает простой ни одна активистская задача. Непросто было договориться о принципах отбора текстов, непросто было собрать редколлегию, непросто было редактировать и сокращать часть присланных историй, не всегда было просто работать вместе, зато всегда — интересно и весело. Редакционная коллегия состояла из четырёх транс*активистов. Наша работа включала много обсуждений — да что там, она на девяносто процентов состояла из обсуждений! Все решения мы стремились принимать коллегиально, слушая и пытаясь понять друг друга. Поэтому и вступительную статью мы решили написать вместе, в форме диалога. Для начала представимся.

КТО МЫ?

Д.: Всегда теряюсь, когда надо кратко представиться, особенно в письменной форме. Либо пишу пару ничего не значащих слов, либо развожу целую автобиографию. Признаюсь, я даже не решился написать своей истории для этого сборника, хотя начинал несколько раз — в итоге у меня на руках оказались около тридцати страниц сложносочиненной рефлексии, которые и сокращать сил не было, и показать миру было страшно... В итоге я решил не злоупотреблять своей редакторской привилегией — и не стал включать своих текстов. Надеюсь, это не последняя подобная книга, и многим другим, включая меня, ещё удастся высказаться. Я трансгендерный человек и квир-активист, уже два года работаю в ЛГБТ-инициативной группе «Выход» в Санкт-Петербурге, и последний год мне выпала честь быть координатором «Транс*Миссии» — проекта «Выхода», посвящённого поддержке трансгендерных людей. Работа, которую мы делаем,

является неиссякающим источником вдохновения для меня. Мы проводим дискуссионные встречи и группы поддержки, семинары, консультации...и вот теперь ещё издаём книги.

Же: Я транс*человек, в настоящее время волонтер Транс*миссии, по образованию психолог. Занимаюсь транс*активизмом около двух лет, один из которых прошёл в Сибири, откуда я переехал в Санкт-Петербург. Основные направления моей деятельности — просвещение (в широком смысле), усиление сообщества и повышение уровня самосознания. В то время, когда я жил и работал в Тюмени, мы пытались развить работу с транс*людьми, много внимания уделяли просвещению по гендерной проблематике в целом. Региональная специфика заключалась в том, что большинство транс*людей закрыты, с ними сложно выйти на контакт, и само активистское сообщество довольно малочисленное. Я с огромным уважением отношусь ко всем активист_кам, но в особенности к тем, кто работает в нестоличных населённых пунктах, т.к. понимаю, насколько это тяжёлый, зачастую неблагодарный и при этом необходимый труд. В Санкт-Петербурге ситуация очень сильно отличается: есть несколько инициатив, существует больше возможностей для выбора своей точки приложения, больше вероятность найти единомышленни_ц. Когда я только готовился к переезду, мне предложили принять участие в организации дискуссионного пространства «Квир-среда» в качестве психолога, и я согласился. Весной 2016-го мы его успешно запустили, в рамках встреч мы активно делимся своим опытом, мыслями и переживаниями относительно бытия в гендерной реальности. Наши встречи являются открытыми для транс*людей любых гендерных идентичностей, гендерно-неконформных людей и людей в гендерном поиске. В своём активизме я исхожу из ценности человеческого достоинства. Также я считаю важным учёт пересечения дискриминаций, стою на позициях феминистского интерсекционального подхода.

Ари: Одним словом определить свою идентичность мне сложно. Когда мне хочется быть вдумчивым и точным, я говорю о ней каждый раз немного по-разному: небинарный трансгендерный человек, небинарный человек трансмаскулинного спектра, гендерквир. Когда нужно сказать одним словом — просто «транс*человек». В таком качестве я выступаю открыто и публично сравнительно недавно, и эта открытость стала возможной именно в рамках «Квир-сред» и инклюзивного к небинарным людям подхода. Проще говоря, я долгое время не видел для себя места в ЛГБТ-сообществе, думая, что там принимают только «настоящих» трансгендеров. Моему ЛГБТ+-активизму примерно столько же, сколько моей открытости: в основном речь идёт о последнем годе. Я родился и вырос в Петербурге, несколько лет назад вместе с другими людьми пытался организовать встречи, специально «заточенные» под небинарных трансгендерных людей, но тогда, видимо, к этому не был готов ни я сам, ни сообщество.

М.: Я трансгендерный человек, ЛГБТ* активист, волонтер Транс*миссии Выхода. Я переехал в Санкт-Петербург примерно полтора года назад и здесь впервые столкнулся с транс-активизмом и транс-активистами. Только контакт с открытым сообществом помог мне «выйти из шкафа», а потом — начать переход. Я не случайно говорю «сообщество» — я и раньше общался с трансгендерными людьми, мой партнёр на протяжении восьми лет — трансгендерный человек. Но до того как я смог услышать голос сообщества, почувствовать его поддержку, все мои гендерные проблемы и искания ни к чему не приводили. У меня вообще есть проблемы с тем, чтобы говорить о себе, заявлять о себе, тем более — требовать чего-то от других. Я знаю, что если бы не голоса многих трансгендерных людей, я бы так и жил с чувством непонятного постоянного дискомфорта и страха, которые очень и очень сильно влияли на мою жизнь. Поэтому для меня и было важно участвовать в этом сборнике — не только для того, чтобы дать голос транс*людям и их близким, но и для того,

чтобы его могли прочесть те, кто боится, у кого нет или слишком мало поддержки, чтобы разбираться в себе, меняться, улучшать качество жизни.

ЗАЧЕМ ЭТОТ СБОРНИК?

Же: Одна из важнейших задач сборника, на мой взгляд, заключается в том, чтобы представить миру (включая само транс*сообщество) разнообразный опыт транс*людей со всеми расхождениями в мировосприятии, личных историях и видении самого явления транс*гендерности. Я надеюсь, что эти истории кому-то помогут лучше понять себя, а кому-то — других. Собственно, этой задачей определялся и подход к отбору текстов и их редактуре.

Д.: Для меня самая важная идея и задача этого сборника — дать возможность трансгендерным людям самим рассказать о себе. И да — возможность для нас самих показать миру, какие мы разные, как живём, о чём думаем, как ищем и находим себя. Здорово, что в последнее время развивается — в Питере и по всей России, в других странах постсоветского пространства — сильное транс*активистское сообщество, что ЛГБТ-активисты стали чаще действовать из принципа «ничего для нас без нас», предоставляя площадку для высказываний о трансгендерной проблематике самим транс*людям. Из всего, что я читал и слышал о трансгендерности, наиболее правдивым и поддерживающим было то, что делают, говорят, создают сами трансгендерные люди. Например, «День Т» в формате «живой библиотеки», которые мы с коллегами из «Т-Действия» провели в Питере в марте 2015 года, Неделя Т-Историй, организованная инициативой «Т-Действие» — онлайн-сообщество, где трансгендерные люди анонимно рассказывали о своей жизни, статьи, которые публикуют активисты и активистки «Транс-Коалиции на постсоветском пространстве». Но всё-таки в целом о трансгендерных людях на русском языке

написано немного, а то, что когда-либо издавалось в печатном виде — написано кем угодно, но не нами. О нас пишут врачи (и чаще всего это тексты не о нас, а о нашей «патологии»), журналисты (и нередко эти тексты только поддерживают существующие в обществе стереотипы, стигму, далекий от реальности образ «типичного транс»), правозащитники (и тогда это тексты о наших проблемах, о дискриминации, с которой мы сталкиваемся, об «уязвимой группе» — не о нас самих). Трансгендерные люди очень часто лишены права принимать ответственность за свою судьбу, распоряжаться своей жизнью, своими телами... Так и с текстами: о нас пишут в третьем лице. Я чувствую, что пришло время нам самим писать свою историю — писать её от первого лица.

М : Трансгендерные люди говорят о себе, но, по моему опыту, чаще всего эти разговоры происходят в закрытых компаниях — в тех, где нет других людей, кроме трансгендерных, или есть только очень надёжные союзницы и союзники. Ещё я хотел бы упомянуть то, что я называю «транс-нарративом». Это некое общее, типичное для трансгендерных людей повествование о себе. Я много работаю с подобными нарративами, с коллективным высказыванием различных групп и сообществ, и вижу, что с течением времени складываются схемы подобных высказываний. Если множество людей рассказывают схожую историю, рано или поздно те, кто только подключаются к этому нарративу, начинают «подстраивать» свою историю под него, иногда жертвуя уникальностью своей собственной истории. Транс-нарратив в его крайне схематичной форме выглядит так: «ещё в 2-3-4 года я начал_а говорить о себе, используя родовые окончания, противоположные приписанному гендеру; как только получил_а возможность, прошл_а комиссию, получил_а справку, начал_а гормоны, сделал_а операцию (или собираюсь всё это сделать в ближайшем будущем)». Безусловно, существуют люди с таким опытом. Безусловно, существуют люди и с другим опытом — опытом

сомнений, непринятия самих себя; те, кто не может или не хочет проходить все «положенные» стадии. Это — не их нарратив, не их история. Мне как редактору сборника хотелось расширить эту историю, показать разнообразие ситуаций. Вместе с тем мне хотелось бы, чтобы все они сливались в единое высказывание, чтобы был слышен не только индивидуальный голос каждого автора, но и коллективные слова русскоязычного транс*сообщества. Мне кажется, у нас — у авторов, у редакторов — получилось достичь этой цели.

КАК МЫ ОТБИРАЛИ ТЕКСТЫ?

М : Тексты мы собирали несколькими способами. Во-первых, мы сделали открытый анонс, который распространили по тематическим пабликам в социальных сетях. Нам прислали почти пятьдесят историй, а также стихотворения и рисунки. Большинство из них вошло в сборник. Надо сказать, почти за каждый текст мы воевали между собой. Кажется, ни разу не было так, чтобы все были решительно против включения конкретной истории. Мы также использовали, с согласия авторов, ряд текстов, которые уже были опубликованы на других ресурсах. Чаще всего это тексты, которые дают новый, яркий или даже вызывающий взгляд на транс*вопросы.

Ари: Проще всего было бы сказать, и это будет правдой, что тексты мы отбирали, руководствуясь в первую очередь собственным вкусом и чутьём. Правда, при этом наши предпочтения складываются во вполне внятные закономерности: мы старались включить «голоса» транс*людей с разным опытом, разными идентичностями и, наконец, из разных точек России и зарубежного русскоязычного пространства. При этом мы с самого начала не очень хотели включать в сборник тексты, транслирующие, скажем, откровенную мизогинию и сексизм...

Д : ...А также гомофобию и медикализирующий подход к трансгендерности. Действительно, мы очень не хотели цензурировать высказывания других людей: исправлять лексику на более корректную, избавляться от спорных терминов и идей. Но почти не пришлось: кажется, почти у всех, кто поделились своими историями, очень осознанное, чуткое отношение к языку. И это здорово. Язык, описывающий трансгендерный опыт, неустойчив, он постоянно развивается, он очень различается у самих трансгендерных людей в зависимости от их опыта, жизненной ситуации, идентичности, сообществ, которые их окружают... Как активист, я верю в то, что никто не вправе даже из самых лучших побуждений диктовать человеку, как ему называться и какими словами описывать свой опыт, и я рад, что мы решили следовать этому принципу.

Же: Именно поэтому в текстах можно увидеть в том числе и термины, которые сейчас в активистской среде считаются некорректными (например, «транссексуал_ка»). Также мы не трогали сленг и мат.

М : Ещё мы долго спорили о том, сводить ли к единым терминам всё то, что может называться по-разному в разных текстах (вроде комплекса терминов для гормонотерапии — гормоны, ЗГТ, ГРТ), объяснять ли — в форме сносок, словаря, отдельной статьи — прочую специфическую терминологию, которая хорошо известна трансгендерным людям, но может быть непонятна людям не из сообщества. В итоге оставили как есть, чтобы не делать из нашего сборника справочника по идентичностям и переходу — для этого есть другие ресурсы.

Д : Хочу добавить, что сборник получился совсем другим, чем я ожидал: изначально я думал, что получится скорее лекция статей, рефлексии, политических, что ли, высказываний — и что авторами будут в основном активисты. Но первыми людьми, приславшими тексты, были вовсе не активисты. Транс*люди

из самых разных регионов присылали рассказы о своём опыте, зарисовки из жизни, переживания. Я поражаюсь смелости этих людей и искренности их текстов. Признаться честно, некоторые истории, которые были присланы для сборника, заставили меня плакать — от сочувствия, радости, понимания, сопереживания... Получившийся в итоге вариант кажется мне намного лучше, чем я ожидал: сумма очень различного жизненного опыта, а не серия активистских высказываний. Поэтому после многих раздумий мы выбрали название для сборника — «Мы здесь», отчасти отсылая к чудесной автобиографической книге трансгендерного поэта Аше Гарридо «Я здесь».

Мы здесь, мы есть, были и будем во всех точках земного шара, мы — разные, мы — сильные и прекрасные, и мы хотим, чтобы нас слышали.

Мы будем рады, если этот сборник поможет вам прислушаться и услышать.

* * *

Изменение картины мира — нелёгкое испытание.

Внезапно обнаруживается, что многое из того, во что ты верил, не является абсолютной истиной, а многие ограничения, которым ты себя подвергал, — необязательны, и многие ожидания, которые ты возлагал на окружающих, бесосновательны. Это как потерять твёрдую опору под ногами, так же неустойчиво и страшно, как пройти по качающейся доске. Это требует усилий. Но эти усилия вознаграждаются, когда, перейдя через мнимую пропасть, мы оказываемся в мире более многоцветном, более просторном. За пределами изученных и нанесённых на карту земель лежат пустые области, опасные, населённые уродцами и чудовищами. «Здесь водятся драконы», — написано вокруг границы знакомого мира. На самом же деле там, за порогом, — свободные земли, пространства, степи и леса, моря и океаны, горы, небо, приключения и сокровища. Много свежего воздуха.

Глядя на карту с другой стороны этой границы, я порой тоже вижу эту надпись — «Здесь водятся драконы». И боюсь выходить к тебе навстречу, называть себя своим именем, говорить о себе. Мне приходится напоминать себе, что драконы, конечно, бывают, но это не ты, читатель. И не я. Мы не обязаны быть друг другу страшными чудовищами только потому, что мы незнакомы.

Как минимум, стоит для начала познакомиться, а потом решать.

Здравствуй.

I've chased this dream since I was five
And I have barely stayed alive
While folks have fallen off this ship
While I have never lost my grip

Мама и другие родственники говорят, что я говорил «я-мальчик» и «я хочу быть мальчиком», но я этого не помню, потому что всё до 6 лет я помню кусками, и в основном это связано с моментами, когда я наедине с собой. Я помню куклу, с которой ходил на свидания и целовался. Помню жилетку, которую носил на голый торс (и как больно было с ней расставаться, когда я всюду вырос). И самосвал, и пистолет.

И как уже в пубертатном периоде я специально выходил гулять пораньше основной компании и просился играть к детям помладше, чтобы быть названным чьим-то взрослым сыном и уходить на работу (кататься на велосипеде). Я помню горечь стояния в спортивном костюме, к которому не подходят явно «девчачьи» тапки, есть даже фотография, и мне хочется себя с этой фотографии очень крепко обнять и пообещать, что всё наладится. Помню, как мне отказывались стричь волосы, и, хотя и предполагалось, что это потому, что я «девочка», я видел, что у многих девочек не так. Я дружил с ними и завидовал, конечно. Но я не показывал: мальчики не плачут. Потом я понял, что с короткими волосами меня было бы уже не остановить.

Со слов мамы, воспитатели докладывали, что я в младшей группе упорно дружу только с мальчиками. И тут появилась Наташа, девочка — конечно, с короткими волосами. Воспитатели хотели было выдохнуть, но позже жаловались, что теперь мы вдвоём

играем с мальчиками. Но я помню, что Наташа, хоть внешне и грубее меня (только ли из-за волос?), утягивала иногда меня от парней ходить с ней по магазинам и много рассказывала про свои представления об отношениях. Я помню, как в первом классе, ни с того ни с сего девочки не раз вели себя со мной как нужно, проявляя ко мне интерес как к парню. Главное — выключить свет.

Помню, как на первое апреля в школе нужно было переодеться в одежду противоположного приписанному пола и явиться так на уроки. Я оделся так, как обычно ходил вне школы, а мой лучший на тот момент приятель натянул сарафан и косы. Больше никто в классе этого не сделал. Я помню лето в деревне, лет в 9, когда сёстры заварили странную игру, где я был мужем, а они — женой и любовницей соответственно. Ах, детство, какое ты щедрое на роли!

Помню, как вторичные признаки загнали меня в угол. Всё, что ласково обещали мне родные, сбывалось. Я начал изучать тело, впервые обратив на него внимание. Я был в ужасе, я должен был приспособиться, я должен был выжить. «Ну, ты же всегда мальчик» - говорили мне теперь возмущенно сёстры и братья в ответ на хоть и «милитари», но более женственный стиль. Какая ирония.

Я вспоминаю лето в лагере, лет в 11-12, когда приятели втягивали меня в свои межличностные перипетии. Почти всю смену я провёл, решая чужие личные вопросы, в основном между лучшим другом и лучшей соседкой. И лишь в конце смены, вместо того, чтобы, как обычно, торчать на дискотеке, я взял из зачатки любимое лакомство и позвал одну девчонку гулять по пустующему лагерю. Лучший вечер за весь месяц? Я даже не помню общение, я помню, что был собой. Но это было так зыбко. В этом возрасте приходит осознание, что нужно бы обратить внимание на внешность, что нужно лучше подбирать одежду.

Я всегда неплохо сходился с людьми, мне везло с компаниями, с пониманием и приятием моей сущности, моих глубинных порывов и увлечений, моих влюблённостей, моего стиля, моих образов. Вот и одноклассники присуждают мне звание самого весёлого. Вот парни класса в опросе одной из девушек говорят как один, что я прекрасный друг и собеседник. Приятно, когда тебя считают именно так, как ты себя ощущаешь. Это роскошь, которая доступна не всем нам, но мне повезло.

Я твёрдо решил стать нормальным и тут же встретил её.

Но я упрям, и года полтора я старался общаться с мальчиками уже не о любимом футболе и книгах, а совмещая это с «встречаниями». Я вспоминал все лучшие моменты из сериалов и книг того времени и отыгрывал это как мог. Это напоминало мне чувства, что я испытывал несколькими годами ранее, но тогда я полностью копировал объект предполагаемого влечения. Хотя, конечно, никакого влечения не было. Понять это можно, только испытав влечение, наконец, по-настоящему.

Потом я, конечно, сказал ей обо всём, и она приняла меня. И знаете что? Она приняла меня снова спустя десять лет, и сейчас оказывает мне мощную моральную поддержку во время перехода. Она всегда видела меня — настоящего.

Мне было разрешено быть любимым, лишь бы девочкой — а мне было пофиг, каким быть, лишь бы мальчиком. Мама объясняла всяким продавцам, что девочки могут выглядеть как угодно и носить что угодно. Это было полезно, но всё не то.

Появился интернет. Я начал вливать в себя информацию об ЛГБТ. Так или иначе, я всю жизнь встречал представителей этой социальной группы. Я не знал, кто я, но начал нащупывать различные типажы. Можно было бы пытаться разбираться в себе подробнее, но я скорее интересовался женщинами, появляющимися отовсюду в период студенчества, путешествий.

Под покровом ночи я осторожно искал в мировой сети, что мне сделать с внешностью.

Я снова и снова приходил к букве Т. Я испытывал любопытство и трансфобию, стыд, нежелание усложнять. Несколько лет считал, что парни вроде меня могут быть только геями, что это какой-то нарциссизм. Одновременно (осторожно, взаимоисключающие параграфы) я считал это концом на шкале ориентации, где, пройдя сквозь «стоун-буч», лесбиянка делает переход. Что коррекция доступна только в сторону Ж, а не в М. Что переход — это просто отращивание бороды силами фармакологии и ничего более, даже паспорт не поменяется. Это был водоворот домыслов.

Намного интереснее было пить и отвлекаться по возможности.

В университете я прописался неким сыном полка, и это берегло меня, это и подарило понимающих друзей, никто не задевал меня. Я строил отношения с би и гетеро женщинами, обрёл связи и в Л-мире. Именно связи (крепкие и протянувшиеся на года), потому что и там я не чувствовал себя на своём месте.

И снова я встретил её. Этот странный момент, знаете, когда партнёр обратил внимание на твоё тело, на котором ты старался не акцентировать внимание. Боже, ну как так, ты же сексуально здоровый, раскрепощённый человек?! Опять я попал в комедию, на этот раз со стокгольмским синдромом, которую сам разыгрывал и сам смотрел, таясь от партнёра. Ты любишь, но всё немножко не такое. Тебе бы радоваться концу отношений да разобраться уже в себе, но ты по-мазохистски хочешь вернуть всё назад, снова и снова замыкаться. Ищешь вчерашний день в нарядах на грани женственности. Грустный клоун.

Я ушёл в себя на год, снизил количество общения с людьми. На некоторое время увеличил потребление алкоголя, кофе, сигарет, игр, сериалов. Постепенно вылез, постепенно начал присматриваться к себе, пошёл от середины, от души, просто без

пола начал описывать себя от характера до вида кожи и количества волос на ней.

Я вспоминаю август 2009. Я отдыхал в Крыму, чутко отслеживая себя. В ту пору я был полностью сосредоточен на себе, записывал свои ощущения, воспоминания, сравнивал свои убеждения с мировыми достояниями философии и религии, искал подходящую мне веру. Упивался родной природой и упивался телесным дискомфортом, так как летний пляж — лучшее место для этого.

Я очень благодарен тому периоду. Именно тогда я пообещал богам всего мира, что полюблю вкус жизни, если и они помогут мне в поиске себя, ну и ещё по мелочи. Так случилось спустя 4 года. Всё, как я загадал там. Наконец-то я чувствую Силу внутри и снаружи.

С первой в жизни зарплаты я купил мужские трусы и бинт.

Я помню себя, сидящим с пивом у компьютера, пока друг, с которым снимали тогда жильё, спит. Я тихонечко рассматриваю протезы (обычно их называют «обманки», но никакого обмана тут нет, это жизненно необходимый мне протез). Я в тревоге сохраняю ссылку. Я буду возвращаться на этот сайт снова и снова.

Я помню, как ссорюсь с другом просто чтобы почувствовать себя живым, как с упоением топлю себя в алкоголе. Я помню, как хотел сжечь себя. Как хотел себя сподить, скурить, убить. Я осознал, что не стану полноценным в своей системе координат. Я не помню, как я справился (но я обязательно вспомню всё). Но я понял, что, если бы я потерял какой-то орган, скажем, в аварии, это не сделало бы меня меньше человеком, не сделало бы меня меньше мужчиной. Стало легче. Снова появилась надежда, что можно сделать всё остальное по-максимуму. Мне удалось, на срок ожидания коррекции, представить, что ежемесячно кровоточит не что иное, как незаживающая рана от потерянного органа, и что лечение близко.

Я продолжал сохранять крупницы информации в редкие минуты одиночества. Я никому не говорил. Когда в очередной раз я наращивал растительность на лице, друг испугался немного. Это испугало в ответ нестабильного и убегающего от реальности меня. Я затаился и продолжал наблюдать за собой. В фоновом режиме я начал прикидывать финансовые затраты и ужасаться возможным социальным потерям. Впрочем, к тому моменту я уже стал достаточно замкнутым.

Жизнь подкидывала мне различный интересный опыт и поддержку людей, которые помогали в борьбе с дисфорией, но одновременно я начал замечать закономерности своих реакций. Это помогло позднее при диагностике. Я начал понимать, почему испытывал дискомфорт от тех или иных фотографий, от знакомства с людьми, от процесса говорения, от неожиданного вида себя в зеркале.

Три года назад моя жизнь начала сильно меняться. Я встретил своего партнёра, я не колебался в признаниях, когда ей, тогда ещё постороннему человеку, стало понятно, что меня что-то беспокоит. Я поверил в возможности, информацию теперь начал усваивать структурированно. Я занялся собой, заменил вредные для меня привычки на полезные. Я пробовал социализироваться, я примерял на себя всевозможные варианты развития моей жизни. Я подружился с собой. Я наконец-то смог нащупать, каким я вижу себя через 5-10-20 лет. Я благодарен всем, кто был и остаётся рядом. Я нашёл поддержку, я стараюсь и сам оказывать её другим. Я чувствую, что скоро я смогу дышать полной грудью.

Я описал только часть из прожитой жизни, и ещё больше отложено на будущее. Я больше не жалею, что не начал раньше, я рад, что разобрался в себе. Я научился ценить процесс и не гнаться за плодами. Я верю, что это будет увлекательный маршрут.

Я начал переход.

СТОРИТЕЛЛИНГ БЕЗ УМА БЕЗ ПАМЯТИ

Есть такая крутая штука, сторителлинг. Это когда ты рассказываешь свою историю, историю своей жизни, своего перехода, своих побед и неудач, чего угодно, другому человеку или группе людей, а они проникаются и становятся если не союзниками, то хотя бы начинают понимать, что и как. Механизм этот очень и очень рабочий. Сейчас в русскоязычных изданиях появляется всё больше и больше историй транс-людей и, знаете, это действительно меняет ситуацию. Люди, которые раньше никогда не задумывались о наших проблемах, например, теперь знают и иногда начинают помогать.

Есть ещё одна особенность этого процесса: иногда люди начинают думать, что у тебя есть готовность к сторителлингу 24/7. У меня недавно была ситуация с коллегами, диалог получился ровно такой:

— ... и да, я руковожу этим проектом. Для нас важна представленность транс-сообщества в рабочей группе. Я агендер, например.

— Да? А расскажи, как узнал? А ориентация какая у тебя? Сразу вообще осознание пришло?

— ...

Важно понимать, что не все люди всегда готовы рассказывать другим о себе, о своём опыте. Даже друзьям. Даже в активистской среде. Даже друзьям в активистской среде. Возможно, они никогда не будут к этому готовы. Возможно, они сейчас не в настроении говорить что-то кроме обозначения собственной гендерной идентичности (или даже само обозначение оной). Возможно, вы им просто не нравитесь, и они вообще не хотят вам что-то большее о себе рассказывать. Возможно, что опыт

принятия собственной идентичности был очень травматичным, что одно даже упоминание об идентичности требует огромных сил, а уж рассказы — это прямо как горы свернуть.

И именно потому, что много таких «возможно», и из соображений банальной психологической бережности, для начала хотя бы спросите: «А могу я тебе задать несколько вопросов?» И не просто спросите, пожалуйста, а будьте готовы услышать: «Нет» и после него не спрашивать: «Почему нет?» или «А может, только парочку?»

Спасибо вам большое, если сделаете так, вы этим очень поможете.

Меня зовут Лена, мне 34 года, мой любимый человек — гендерквир. Перечитываю и понимаю, что меня коробит от этой фразы. Его гендерная идентичность и тем более то слово, которым она называется — совершенно не главное, не является для меня центральным. И мне странно выдавать такую характеристику в качестве первой. Понравится ли ему моя любимая песня, или что он думает о какой-то жизненной ситуации — гораздо интереснее. Гендерная идентичность — это вообще в меньшей степени то, что занимает меня, когда мы внутри своего частного пространства, её просто приходится учитывать при соприкосновениях с внешним миром.

О том, что есть люди, чьё переживание себя не совпадает с тем, какому биологическому полу принадлежит их тело, я знала с юности. Не помню, откуда. Просто знала, не испытывая по этому поводу каких-либо специальных эмоций. Откуда-то (тоже не очень помню, откуда) у меня была информация о том, как примерно происходит бинарный переход. И единственное, что я думала по этому поводу, можно коротко выразить примерно так: «Это какое-то очень серьёзное переживание и принципиальная невозможность жить «как есть», если люди решаются на такой сложный и болезненный путь». Само это переживание было и остаётся для меня непонятным, я могу ему только верить, наблюдая со стороны. О существовании небинарных трансгендерных людей я не знала вообще. И уж тем более не думала, что когда-то меня это будет касаться лично.

Наше знакомство началось с его фразы: «Я говорю о себе в мужском роде, и вам следует поступать так же». Помню дословно, потому что меня поразила интонация, с которой это было сказано. Сложно описать. Это был сильный вызов, напор, нападение. И что-то похожее даже на ярость. Я растерялась, ответила

что-то вроде: «Конечно, да, по какой причине, собственно, мне так не делать?» Произнесла про себя довольно длинный монолог на тему «чего так наезжать-то с порога, я ж не спорю и не отказываюсь» и осталась в полном недоумении относительно того, почему эта простая просьба была сопровождена столь сильными эмоциями.

И со временем я поняла, почему... а ведь то, с чем я столкнулась, направлено всё-таки не на меня лично.

Повторюсь, мое общее абстрактное знание о том, что трансгендерные люди есть, не сопровождалось у меня какой бы то ни было выраженной эмоциональной реакцией. Добавлю, что разнообразие людей — это то, что меня как раз радует, а не огорчает (сейчас, к сожалению, всё больше и больше принято радоваться стандартности и нервничать при соприкосновении с любой вариативностью). Если я начинала как-то специально об этом думать, то испытывала скорее интерес: принадлежность человека к одному из двух полов казалась мне какой-то совершенно незыблемой данностью, а возможность это изменить — актом осмысленного творчества почти космических масштабов. Несколько раз в жизни я слышала довольно агрессивные высказывания о «капризах», «распущенности», «извращениях», но — так уж получилось — я слышала это от людей, идентифицирующих себя как православных, и списала эту агрессию на косность, свойственную неопитам. Задуматься о том, насколько эта реакция типична, как часто бывают какие-то другие, не было повода.

И вот когда начались отношения (и еще интенсивнее — когда мы стали вместе жить), я стала систематически сталкиваться с, прямо скажем, неожиданными для меня реакциями людей и совершенно непредсказуемыми сложностями на ровном для меня, как цисгендерного человека, месте.

Агрессивные и обвиняющие трансфобные высказывания, весь

дискурс об «извращенцах» — без комментариев. Регулярно произносимые сентенции о «капризах» (как вариант — сказанное с доброжелательной заботливой тревогой: «а может быть, это такой способ привлечь к себе внимание, психологические сложности, незрелость — пройдёт?») уже сразу вызывают одышку. Хороши капризы, с которыми каждый выход на улицу требует подготовки как в экспедицию, поле социальных взаимодействий ограничено, а в перспективе возможен ряд тяжёлых, болезненных и дорогостоящих вмешательств в тело! Вот действительно можно думать, что люди такое затевают для «поиграться»?

Очень сильно досаждают доброжелательно-интересующиеся люди, задающие совершенно бестактные вопросы и не чувствующие своей бестактности. Например, вопросы, касающиеся телесности (тем более не моей). Сам этот повышенный интерес всё время отдаёт чем-то подозрительно напоминающим глаzenie на неведому зверушку, а потому он оскорбительный. И что здесь оскорбительного — невозможно объяснить, если сам человек этого не чувствует, вот что особенно неприятно.

Максимально поразивший меня комментарий из «поддерживающих и принимающих» звучал примерно так: «Да, Леночка, всё нормально, я понимаю, сейчас это модно». Не, ребят, модно — это туфельки выбирать, актуальные в данном сезоне. А не любовных партнёров. И сама эта идея, раз она человеку пришла в голову, говорит мне о человеке нечто такое, что я действительно хочу знать — чтобы понимать, с кем стоит перестать взаимодействовать.

Наш дом, по сравнению с моим, очень закрытый. Потому что дома не хочется выслушивать всё это. А не выслушивать невозможно, поскольку ещё не хватало дома скрывать либо характер отношений, либо необычную гендерную идентичность. Поэтому из своих старых приятелей я могу позвать только тех, про кого я потенциально понимаю, что их сознание достаточно открыто, и

неловких сцен не будет. Признаться, таких мало, хотя я считала себя достаточно избирательным в контактах человеком.

Нам сложно вместе перемещаться по городу. Я часто не знаю, будем ли мы восприниматься как гетеро- или гомосексуальная пара. Небинарный трансгендер, оказывается, может непредсказуемым образом в разные дни выглядеть то более феминно, то более маскулинно. И само по себе это для меня нечто захватывающее и завораживающее — как внешность меняется в зависимости от самоощущения или я не знаю чего ещё. Но с точки зрения взаимодействия с окружающим миром это несёт ряд сложностей. И нежелательный мужской интерес к «лесбийской» паре или гомофобное нападение — это то, чего я действительно боюсь. Делать вид, что мы тут вот просто по-приятельски рядом сидим в автобусе, требует изрядного самоконтроля, потому что даже на уровне взглядов и интонаций на самом деле понятно, кто кому кем приходится. И это мой ответ сразу всем бесконечно толерантным и столь же высоконравственным людям, которые милостиво разрешают делать всё у себя дома, но просят «просто не выпячивать». Дорогие товарищи, не афишировать любовную связь с тем, с кем она есть, практически невозможно. Это тогда надо просто вообще нигде вместе не появляться и по улице рядом не ходить.

Еще одна сложность для меня — гендерные маркеры в языке. Я научилась виртуозно их избегать и могу сообщить практически любую информацию и выразить любую мысль через гендерно-нейтральные формулировки. Но я немею при любом, самом прозаичном и бытовом вопросе, заданным мне, например, соседкой. Потому что спрашивающие хотят узнать что-то «о нём» или «о ней». И я оказываюсь перед очень странным выбором: либо употребить такое же местоимение и подтвердить визуально приписанный гендер (а он приписан по определению неправильно), либо употребить другое местоимение и тем спровоци-

ровать совершенно ненужный разговор (если не разговор, то интерес, который непонятно в какой момент может обернуться агрессией).

Всё, о чем я рассказываю — это не страшные, в общем-то, вещи. Я понимаю, что есть люди, которые подвергаются гораздо большей физической опасности, которые сталкиваются с травлей, и так далее. Но даже вот это «нестрашное» создаёт постоянный фон напряжения при взаимодействии почти со всеми людьми. Я никогда не чувствовала себя «своей» в «большом мире», но и это ощущение жителя осаждённой крепости (а сейчас порой я чувствую себя именно так) не было мне свойственно тоже.

И в завершение — позитивная часть истории. Изменения и мысли, которым я рада.

Сталкиваясь со злостью, которой многие люди реагируют на изменение гендера или его пластичность, я стала задаваться вопросом, что же в нём такого драгоценного, в гендере-то этом, чтобы так за него цепляться (особенно когда речь идёт о посторонних для тебя людях, которых ты просто видишь). Это были длительные размышления, в результате которых я довольно чётко увидела два гендера и законы взаимодействия между ними и как систему подавления той части человечества, которая «женщины», и как систему подавления своей человеческой уникальности. И это даёт мне больше воздуха и больше пространства для выражения себя. Именно себя, а не «женщины».

Сталкиваясь с периодически обрушивающимся «праведным гневом», я очень ясно поняла, что если и есть то немного, что я действительно считаю извращением, то это способность искренне ненавидеть незнакомых людей, которые тебе ничего не сделали. Мои знакомые-приятели-друзья, внезапно показавшие и этот «апломб нормальных», и доброжелательно-бестактные реакции, показали мне то, что я не увидела бы без этой любовной истории,

но что я действительно хочу знать о людях, которые меня окружают. Мой круг общения уменьшается, и это я считаю благом.

Вынужденная периодически подвергаться странным коммуникациям, нарушающим границы (я и про психологические границы и про элементарные границы приличного), я учусь резче, быстрее и решительнее защищаться и обозначать границы. Это для меня действительно шаг личностного роста, я по характеру достаточно медленный человек, долго терпящий дискомфорт и пытающийся до последнего проводить переговоры, тратящий на это много ресурсов, которые, честное слово, лучше потратить на какие-то более продуктивные занятия.

Ну и просто лирическое. Жизнь дала мне бесконечно важного и интересного для меня человека. И уже просто из-за этого — все сложности того стоят.

Моё детство закончилось, когда мне было три с половиной года. Мы жили на севере, моя мать была русской учительницей. Север она не любила, и не понимала, и в полной мере проявляла и высокомерие женщины белой расы к «местным дикарям», и презрение к их «половой распущенности».

Там я впервые полюбил — студента Сеню. И вскоре сказал ему это — громко, как и положено, при свидетелях: «Когда я вырасту, я женюсь на тебе, дождись». Конечно, все посмеялись и решили, что ребёнок просто еще не понимает, что говорит. «Наташа! (пусть будет «Наташа», отчего бы и нет?) — сказала мама, — «Ты девочка, и когда ты вырастешь, то станешь женщиной. Женщины не женятся, а выходят замуж, и к тому же он будет уже слишком стар для тебя».

Мне бы промолчать, но...

«Нет. Я не девочка, я мальчик. Когда я вырасту, я стану мужчиной. Мужчины женятся, на ком хотят. Хотят — на женщинах, хотят — на мужчинах. Я решил жениться на этом мужчине».

Это был мой первый камин-аут. За ним последовали переезд с «развратного Севера», во время которого «потерялись» все мои машинки и солдатики, и 15 лет домашнего насилия со стороны матери, неустанно контролировавшей каждый мой шаг и наказывавшей за любое проявление «неправильного гендера и ориентации», за категорическое «нет» в ответе, за взгляд на машинку в руках соседского мальчишки.

Но я знал, кто я. Я помнил «мой Город на Севере». И я выжил.

Человека, которого я люблю до сих пор, я встретил в Сети. Он искал не то чтобы мальчика на раз... просто ему было скучно, и он искал потенциального партнёра для вирта. Без права на встречу в реале и без обязательств. Для ФТМ-гея без пасса, в самом начале Пути — можно ли желать лучшего?.. Но я желал. Не встреч, нет. Встречи в реале я боялся. Я хотел, чтобы меня любили. Такого, какой я есть... просто за то, что я есть. Любили мужчину, а не тот конструкт, что вынужденно демонстрировался в реале, где тело и голос заслоняют смысл и суть слов. А в сети нет ничего, кроме души и написанных ею слов, нет этого вечного проклятия — тела... в сети есть только я — настоящий.

Мы сутками напролет переписывались в чате, писали стихи, смеялись смайликами, обменивались мнениями, играли и были счастливы. Когда мы впервые подошли к идее киберсекса, он спросил: «У тебя в реале большой?» Было сложно ответить... я не хотел ему лгать. И я сказал: «У меня в реале — нет». «У меня тоже небольшой», — сказал он, и я понял, что я люблю его и что он оказал мне высшее доверие, какое только возможно, и что он тоже любит... и мне не хватило пороку уточнить.

Я слишком истосковался по любви, слишком хорошо знал, что такое ненависть. Поэтому я сказал: «А я не знаю даже, кто я — мальчик или девочка...» «Ты мужчина! — сказал он, — я это знаю, я это чувствую! Женщина никогда не сможет так говорить...»

...Три месяца я был счастлив с ним. Именно тогда я впервые за все свои 35 лет почувствовал, что это такое: одновременно быть собой и быть любимым. Просто любимым. Принимаемым таким, какой ты есть, каждый день, в любом настроении, в болезни и здравии... Поверил, что я обычный мужчина, и мою душу можно любить, что бы там ни внушала мне моя семья в детстве.

...Через три месяца он нашел моё фото в журнале: вычислил по стилю стихов... И сказал, что обещен тем, что «спал с лживой женщиной». И что если бы знал, что я ФТМ, то и говорить бы со мной не стал никогда. И что я предал его любовь... Обоим было очень больно... Возможно, потому, что он по-своему прав: я солгал, чтобы украсть для себя кусочек счастья...

И я пошёл на Переход. Чтобы никогда больше не лгать тем, кого я люблю.

Моя мать не приняла мой Переход. Хотя я несколько раз говорил ей, она предпочитает не слышать, и лишь иногда звонит моим сёстрам и жалуется, что ей «опять приснился страшный сон, будто средняя дочь поменяла пол». Ей 70, и она верит, что у меня страшное и тяжёлое гормональное заболевание, именно поэтому я так «уродливо» выгляжу. Когда я впервые после мастэктомии пришёл к ней в гости, она сказала: «Скажи мне, что это был рак, мне будет легче».

Я не знаю, люблю ли я свою мать после всего, что она сделала со мной в моём детстве... но сейчас мне её жаль. Потому что она всего лишь искренне хотела «вылечить» ребенка, которого считала «опасно больным душевно»... Ей так объяснили, а она поверила. Я хотел бы избавить её от этой боли и страха.

Вот только не знаю, как.

Если меня спросят, каков мой идеал мужчины, я скажу: североамериканский индеец (и вовсе не Гойко Митич!). Высокий, гладкокожий, гибкий, спокойный и сильный, не соглашающийся бояться, умеющий выжить везде, кроме города Белых Людей с их условностями, гендером, взаимными цепями и обязательствами,

с подчеркивающими статус одеждами и неуважением к Личности. Да и то, пожалуй, не столько не умеющий, сколько не желающий в нем жить.

А когда смотрю на себя в зеркало — грустно улыбаюсь. Низкорослый, с волосатыми на ЗГТ плечами и пузиком шкафчик, раскачавший плечи, чтобы замаскировать рожавший таз... Всё, что есть во мне схожего с моим идеалом — это горбатый «римский нос» да ирокез-коса племенного союза сиу, который я, ленивый тип, подновляю лишь раз в неделю, сбривая отросшую на черепе седую щетинку. И ещё, пожалуй, глаза (таких я никогда не видел у Гойко Митича): серые, спокойные, уверенные в себе, в которые я наконец-то могу смотреть без стыда.

* * *

Я уже во многом старый человек. Мне 40, а я совсем недавно получил свидетельство о рождении... Только начинаю жить. Наверное, не надо рассказывать о том, какой это ад — жить с дисфорией 40 лет, среди семьи, которая считает тебя уродом в своих рядах, среди коллег, для которых ты — самая низкостатусная из всех неудачниц (и уродина, и неуклюжая, и мужикоподобная, и замуж не вышла, и на работе не держится, и с мужиками не флиртует, и шить-готовить-краситься не умеет, а ходит-то как, как она ходит! как гренадёр! а вот эти интересы — тренажерка, туризм, собаки, книги — ну разве это нормальные интересы для женщины?).

С трёх лет, с первого моего камин-аута, я видел только наказания, чувствовал только страх и ненависть к семье. Я учился лгать и прятаться... А меня таскали по психологам, которые должны были вышибить из меня сразу и дурь и гомосексуальность. Я научился лгать психологам. Научился бояться и не доверять врачам. Научился молчать и улыбаться, когда внутри только крик и боль.

В детстве, когда сил сдерживаться не хватало — я срывался в драки, после которых меня боялись провоцировать — как психа без тормозов... Когда я стал взрослым, я научился наказывать обидчиков более грамотно с точки зрения закона... Научился подавлять их интеллектуально, подчинять, обезвреживать. Но 40 лет такой жизни не пожелаешь врагу.

Как-то вот так получилось, что в нашем городе ни психологи, ни обыватели ничего не знали о трансгендерности. Это страшно — жить изгоем. Это страшно — бояться обратиться за помощью к тому, кто по долгу своей работы должен тебе помочь...

Что такое — принять себя? Это принципиальное согласие на вечную войну с теми, кто тебя не принимает. Если нужно — со всем миром, пока смерть не разлучит вас. Хотя обычно великой войны не требуется — если ты к ней готов, то те, кто захотел наехать, быстро смекают, откуда ветер дует. Они же себе не враги. И ты не будь врагом себе.

Когда меня спрашивают, нафига мне ирокез, ведь он же меня палит и мешает мне сойти за обычного мужичка, затеряться в толпе, выделяет меня и привлекает внимание к ошибкам в моём пассе и неудачной генетике— я отвечаю: «Я ФТМ с ирокезом. Я так хочу».

Я не обязан притворяться «среднестатистическим мужчиной» и прятаться, как прятался до Перехода в «среднестатистическом женском» с постоянным желанием суицида. У меня мужской гендер, но я не обязан воспроизводить типичную для этого общества социальную мен-конструкцию, если она — не моя.

В конце концов, я боролся за право быть собой, а не за смену статуса в социуме, который предписывает, кому каким быть, в какой клетке сидеть и с каким выражением на морде.

«Знаете, Вы очень необычная женщина», — сказала мне кассирша в магазинчике около Университета. «Я не женщина, — ответил я, насколько мог вежливой улыбнулся, — я трансгендер, меняю пол с женского на мужской». Расплатился и ушёл. Было неприятно, хотя такие камин-ауты уже перестали вызывать внутреннюю дрожь и оторопь. Уже не страшно проговаривать это.

Но очень напрягает, что задают вопросы, что лезут в личную жизнь, что ЗГТ идёт медленно, и что незнакомцы всё ещё не могут меня правильно идентифицировать, а знакомцы нороят назвать по прежнему имени... Ну вот что бы ей не сказать, что я «необычный мужчина», а?

...Через полгода снова зашёл в этот магазинчик — ручка кончилась, нечем лекцию писать. Та же самая продавщица улыбнулась из-за кассы: «Здравствуйте, молодой человек! А я всё думала, почему Вы не приходите, думала, вдруг в Универе узнали и отчислили, мало ли, люди всякие бывают, беспокоилась». Да, люди бывают всякие. И очень хорошие в том числе.

* * *

Здравствуй, папа.
Пишет тебе твой сын.
Нет, не старший, не средний.
Младший.
Тот, кого ты крестил
Славным именем «Маша».

Знаешь, папа,
Она — не я.
И её больше нет в живых.
Знаешь, папа,
Она с меня
Сползла, как кожица со змеи.

Знаешь, папа,
Мне страшно так
Говорить с тобой об усопшей.
Ты её видел во мне вчера...
Она там была -
Скукоженной и засохшей,
Мумией, спрятанной между строк,
Образом, чтобы тебя согрел.

Знаешь, папа,
Сейчас хочу
Я уничтожить труп.
И потому я тебе пишу:
«Здравствуйте, м-р ИО,
Извещаем вас,

Ваша дочка Мария
Больше не встретит вас,
Не улыбнётся, не...
Похороны в девять».
Всё.

Здравствуй, папа.
Вестников дурных вестей
Вешают на суку.
Хочешь, я принесу
Верёвку и свой бонсай?..

Папа, пожалуйста,
В этой смерти её
Меня ты
Не обвиняй.
Я не виновен, я
Просто стремился жить.

Папа, если ты этого не услышишь,
Нам больше не о чем говорить.

КВИР-РЕАЛЬНОСТЬ

Когда меня просят рассказать о моей истории, я сразу же задаюсь вопросом о том, чего я ещё не говорил. Или о том, что ещё раз стоит повторить.

Меня зовут Саша, я гендерквир. Наверное, само это может порождать вопросы. Поэтому для начала я расскажу о том, как я себя ощущаю в преломлении гендера, а потом затрону ещё несколько важных для меня тем.

МОЯ ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Прежде всего надо сказать, что я не чувствую себя ни мужчиной, ни женщиной, ни агендером. В начале перехода (не физического, а переосмысления гендерной идентичности в моей голове) я скорее ассоциировал себя с пространством феминности, но сейчас этого нет. Но и агендером я себя назвать не могу, потому что, как мне кажется, у меня есть чёткий и исключительно мой гендер.

Это может быть сложно понять гендерно-бинарному человеку (то есть мужчине или женщине, неважно, трансгендерные ли это люди или цисгендерные). Поэтому давайте представим, что есть две полярности — «мужское» и «женское». Это точки, это переключатель. Ты можешь быть либо тем, либо этим. Теперь давайте добавим двухмерности — у нас получится отрезок, на одном конце которого «женское», на другом «мужское». Теперь можно ставить произвольную точку на этом отрезке и говорить: я здесь. Я между. Я скорее М или скорее Ж. Я бигендер. А теперь добавим трёхмерности. И вот уже наш отрезок помещен в трёхмерное пространство, и можно выбирать — быть ли на нём или вне его.

Так вот, я — вне его. Более того, я иногда приближаюсь к нему, иногда отдаляюсь, иногда нахожусь на нём — иногда нет. Поэтому отчасти я считаю себя genderfluid. Эти «перемещения» могут касаться как моей одежды и манеры поведения, так и моего внутреннего самоощущения. Это касается даже «пасса» — то есть того, в каком гендере меня воспринимают окружающие. Поскольку в «большом обществе» принято делить людей на мужчин и женщин, то меня считают либо женщиной, либо мужчиной. Но самое лучшее — когда они не знают, куда меня определить. Это идеальный для меня вариант, покуда у них нет представлений о существовании кого-то между или вне.

Но это и самый опасный вариант.

Последние несколько лет я очень не люблю выходить на улицу. Не хочу проверять, насколько высока их толерантность к гендерной неопределённости. Может быть, просто зададут мне некорректный вопрос. А может быть, захотят меня потрогать. А может быть, захотят меня побить. Серьёзно, не хочу проверять.

ПЕРЕХОД

Страшно интересная тема. Для начала давайте поговорим о том переходе, который произошёл в моей голове.

Я никогда не ощущал себя представителем другой бинарной гендерной идентичности — то есть не того бинарного гендера, который был мне приписан при рождении, а другого. Я знал, что такие люди есть, но никак не ассоциировал себя с ними. Но в какой-то момент я столкнулся с квирами — небинарными трансгендерными людьми. Сначала я понял только то, что это здорово и гораздо более свободно. Я был охвачен энтузиазмом!

С этого момента начался мой переход. И, скажу я вам, это было

круто только до тех пор, пока я не понял, насколько более сложной социальная жизнь теперь становится для меня. На момент начала перехода мне было 21-22, сейчас мне 25. Ниже я опишу, как я сейчас общаюсь с людьми.

У меня теперь есть уникальный опыт того, как быть цисгендерным человеком, а потом внезапно стать трансгендерным. Какие ограничения это накладывает. Как много ресурсов ты тратишь, чтобы приспособиться к реальности. Но на вопрос, хотел бы я это всё отменить, я отвечаю — нет. Мне нравится этот опыт, мне кажется, что я сейчас больше такой, какой я есть, нежели раньше. Но я не буду говорить, что мне легко и приятно, нет. Иногда — но в остальном это очень много сложностей.

Если говорить о физическом переходе... Я пока так для себя и не решил, хочу ли я его делать. И если делать, то что. Я думаю про гормоны и операцию — но пока больше примеряю, нежели собираюсь. Правда, у меня и денег сейчас на это нет, это более прозаичная причина. Но не буду отрицать, что я не уверен, нужно ли это мне.

Я стараюсь выглядеть максимально андрогинно исходя из того, что мне выдано в качестве внешности. Более-менее получается, но я, конечно, недоволен. Ещё более андрогинным! Ещё более!

КАМИН-АУТ

Камин-аут для меня — это волшебная вещь. Либо ты вынужден делать его сразу, либо подстраиваться под неизбежные представления окружающих — то есть быть для них женщиной либо мужчиной. Я поступаю по-разному. Весь мой близкий круг, разумеется, в курсе и принимает меня — иначе это не были бы близкие люди. В принципе, я максимально открыт. Я пишу о себе в соцсетях. Но! Есть «большое общество». Я стараюсь просто не сталкиваться

с ним. Если приходится — говорю о себе нейтрально, не употребляя глаголы прошедшего времени. Обычно этого хватает. Они как-то меня гендеризируют — и ладно.

СОЦИАЛЬНОЕ

Да, как я уже писал, я вынужден делать камин-аут либо выносить представления окружающих о том, кто я. А мы понимаем, что представления — это не просто таблички «женщина», «мужчина», это ещё и набор гендерных стереотипов. Что я с этим делаю? Я не работаю на такой работе, где мне нужно притворяться. Я не нахожусь среди таких людей, с которыми мне нужно притворяться. Я взаимодействую с внешним социумом по-минимуму. Да, это изоляция. Насколько добровольная? Наверное, не очень. Но это оптимальный выход, который я для себя сейчас нашёл. И — я могу себе это позволить, это важно. Далёко не все трансгендерные люди это могут. Полагаю, это тоже некоторая привилегия. Добавим сюда страх физической агрессии, о котором я уже писал выше. Картинка получается что надо.

Имя

Да, мне пришлось менять имя на гендерно-нейтральное. Это произошло, когда я столкнулся с тем, что больше не могу представляться тем именем, которое у меня было (мне нравится название «мёртвое имя»). Мое мёртвое имя было слишком гендеризованным, и я просто не смог его больше использовать. Да, теперь у меня нейтральное имя, фамилия и отчество. Да, в паспорте меня зовут Саша. И, да, я уже около года не могу поменять все документы — это довольно сложная для меня процедура. Муторная. И, опять же, приходится общаться с людьми из «большого мира».

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ...

...Я хочу сказать, что несмотря ни на что, я рад быть тем, кто я есть. Я мечтаю о квир-революции, чтобы понятие «гендер» исчезло или гендеров стало бы столько, что у каждого человека мог бы быть свой особенный гендер, и никого бы это не смущало. На самом деле, мне бы хотелось, чтобы люди просто относились ко мне как ко мне — как к личности, а не как к приложению к гендерному ярлыку, который они на меня повесили. Я не думаю, что моё желание уникально. Но как радикально оно выглядит, когда анализируешь то, насколько гендерирован мир!

ЗАРИСОВКИ ИЗ УКРАИНЫ И КЫРГЫЗСТАНА

Меня зовут Сольдаду, я трансгендерный парень, раньше руководил проектом «LAVERNA» в Сибири. Сейчас я эвакуировался в Украину и создаю вместе с чудесными ребятами проект «АдаманТ», который будет заниматься вопросами усиления транс* и квир сообществ на постсоветском пространстве. Здесь я хотел бы поделиться с вами бытовыми историями-зарисовками, которые случались со мной и которые связаны напрямую с трансгендерностью. Все они имели крайне неожиданные развязки.

БОРИСПОЛЬ

Голос решил достигнуть максимально нижнего регистра именно в тот миг, когда проверяли документы на пограничном контроле в Киеве. На сие зрелище абсолютного несовпадения собрались пятеро чудных сотрудниц и начали поочередно задавать мне вопросы, то отчество неправильно используя, то год рождения. Это было под стать вопросам Приват Банка: скажите кодовое слово, и мы пропустим Ваш перевод. В итоге, переговорив минут пять, решили на весь зал громко огласить: «Светлана, пройдите с нами». Мне-то ничего, я привыкший, но одной сотруднице явно стало немного неудобно, и она так искренне: «Мне кажется, что неправильно вот так разглашать Ваше имя. Но Вы же понимаете, мы же ничего не слышали о трансгендерных людях и не знаем, как себя корректно вести».

В итоге на руках контакты для проведения тренингов для сотрудниц_ков пограничного контроля, который планируем в феврале. Чудеса случаются, а пока я по-настоящему дома.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ЖИЗНЕЙ

Сижу в уютной бишкекской кофейне, что духом своим напоминает мою любимую сибирскую кофейню. Провожу по скайпу череду бесед бесконечных и душевных, связанных с развитием транс-проекта в Украине и координацией транс-проекта в Сибири. И тут обращается ко мне женщина с добрыми глазами со словами: «Слышала часть разговора вашего случайно и наконец поняла, где вас видела. Я транс-женщина, в прошлом профессиональная каратистка. Читала статью о вашей работе с тренерами. И кажется, мы с вами не раз встречались на соревнованиях когда-то давным-давно...»

НАЦИСТСКО-ТРАНСГЕНДЕРНАЯ ДРУЖБА ИЛИ НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

Тренировочные будни определённо обрели большее количество красок, так как уже третью тренировку моим спарринг-партнером является крайне интересная личность. Молодой парень, лысый, каждую тренировку в разных националистических футболках, всегда с выражением лица крайне опасным.

Так уж сложилось, что мы в одной весовой категории, что безумно веселит тренера, который сразу прочувствовал наши «слегка» несопадающие взгляды.

Сначала этот молодой человек со славным именем Кирилл заметил, что говорю я по-русски, что автоматически привело его к мысли, что я про-путинский шпион. Когда эта версия была отвергнута, он решил, что я гей — это уже совсем не ново. Когда и эта версия была опровергнута, Кирилл в глубоком замешательстве уточнил, неужто-таки лесбиянка. Мне пришлось разочаровать его и в этот раз и с невинными глазами сказать, что осталось ещё две

попытки: бисексуал или гетеросексуал, а если совсем хочет докопаться до истины, то лучше почитать о трансгендерных людях. Парень совсем стушевался, но таки тренироваться продолжил.

Стоит заметить, что на протяжении двух тренировок он демонстративно руку мне не жал. Периодически в перерывах между спаррингами вставлял цитаты из книги «Моя борьба», тем самым пытаясь подавить меня не техникой, так интеллектуальной составляющей, что было очень забавно, так как в университетские годы я писал аналитические статьи по этой книге.

Сегодня Кирилл пришел на тренировку невыспавшийся, сразу подошёл и руку мне пожал со словами: «Я полночи читал и смотрел видеоролики о трансгендерных людях. Понял, что ненавидеть вас не имеет смысла. Вы же нормальные. Я ведь геев только не люблю». На что я искренне заметил, что и трансгендерные люди могут быть геями. Кирилл подумал пару секунд и решительно заявил, что прежде чем выливать на кого-то свою агрессию, он обязательно уточнит, а не трансгендер ли этот человек. В итоге пришёл к выводу, что трансгендеров он и его друзья трогать не будут.

А ведь это всего лишь третья тренировка...

НОВЫЕ ЦЕЛИ

Тренер (с таинственным видом): «Я только вчера осознал, как круто быть трансгендерным спортсменом. Значит, собираешь сначала регалии среди женщин, потом делаешь переход и начинаешь собирать регалии на соревнованиях среди мужчин! Вот это наша новая цель!»

К слову, он только от меня недавно узнал, что трансгендеры существуют.

Я, ГЕРМАФРОДИТ

Сложная система современных гендерных теорий плодит чудовищные термины вроде «транс*феминный нон-оп квир с плавающей гендерной идентичностью». Я не хочу применять гендерную теорию по отношению к себе. Во-первых, из-за её громоздкости и, как следствие, неприспособленности к реальной жизни. Жуткая конструкция выше — ещё далеко не самый точный вариант моего самоописания. Стоило бы добавить хромосомный набор (которого, я, кстати, не знаю наверняка), наличие эстроген-ЗГТ, акушерский пол и тембр голоса. Честно, я не хочу причинять боль ни себе, ни другим, конструируя подобные определения. На мой вкус, это так же дико, как называть воду монооксидом дигидрогена.

Основной недостаток терминов из гендерной теории — отсутствие разделения терминов на описывающие строение тела и обозначающие гендерные идентичности. Моё гендерное самоощущение меняется несколько раз только за то время, что я обнимаю любимого человека, и, как следствие, я не хочу вешать на себя какой-либо гендерный ярлык. Но, используя популярную терминологию, оказывается, я не могу этого сделать! Например, стандартное «транс-женщина» или «MtF» автоматически присваивает мне женский гендер, а тип строения тела определяет только упоминание о ЗГТ или произведённых операциях. Слова типа «агендер» или «гендерфлюид» никак не описывают внешность. Слово «андрогин» обозначает человека, который может восприниматься окружающими и как мужчина и как женщина, но ничего не говорит о строении тела. Всякие «транс*феминный квир» не только дико звучат, но и не несут никакой информации — под это определение в равной степени подходит и гендерно-неконформный парень и агендер с женским акушерским полом.

Есть пара слов, запрещённых к употреблению в приличном обществе, однако идеально мне подходящих. Но «Шимейл» и «Футанари» ассоциируются с порнографией (хотя означают всего лишь человека феминной внешности, имеющего первичные мужские и вторичные женские половые признаки), а «гермафродит» по непонятным мне причинам стало неупотребимым — вероятно, за излишнюю биологизированность. Но мы говорим о биологии, а не о гендере, логично же. Термин ведёт своё начало от древнегреческой мифологии и не имеет отрицательных коннотаций. Мне всё нравится, это хорошее слово, я применяю его по отношению к себе — и сразу же оказываюсь в ловушке.

Это война с объективацией, переродившаяся в ханжество. На всякий случай напомню, что объективация — это низведение человека до секс-объекта. Классический пример объективации — реклама, использующая элементы женского, чаще всего, тела для привлечения внимания. Проще говоря, на крик «Сиськи!» обернётся больше людей, чем на «Купи чайник!». Как оказалось, слово «гермафродит» — по непонятной мне причине — тоже подаётся как пример объективации. Любой разговор о теле или сексуальности трансгендерного человека, особенно о феминных гермафродитах, если только это не медицинское обсуждение, воспринимается почти как порно-рассказ. А публикация изображения обнажённых людей с атипичным половым строением тела вызывает шквал негодования: «Как вы смеете! Сплошная объективация, угнетение трансгендеров!» И это ханжество чистой воды, поскольку те же люди называют мракобесными глупцами тех, кто заклеивает гениталии «Давида» Микеланджело кепкой.

Что интересно: медиапространство, посвященное боди-позитиву, полно фотографий в стиле «ню» именно потому, что его цель — показать женщинам, что не нужно стыдиться своего тела, что этот стыд навязан культурой и продажниками, а красота много-

образна. Вы можете потерять руку, у вас могут быть ступни из металлических пружин, вам могли удалить одну грудь из-за риска онкологии — и вы всё равно прекрасны, а ваше фото поможет другим справиться с комплексами по поводу своей внешности. Но если вы гермафродит, изображение вашего тела автоматически сексуализирует транс-людей. Честно, это один из самых наглых двойных стандартов, что я когда-либо видела.

Дальше — хуже. Вас могут сексуально привлекать только мужчины, только женщины, и те и другие, либо вам нравятся абсолютно все люди на планете, вне зависимости от строения их тела. В любом из вышеперечисленных случаев вы — рукожатый человек, принадлежащий к одной из букв в ЛГБТКИАП+. Но если вас привлекают именно гермафродиты, вы мгновенно оказываетесь «адмирером», грязным фетишистом и мудаком, объективирующим транс-людей, низводя их до плода ваших гадких фантазий. То есть гермафродитов могут желать только какие-то похотливые уроды, неспособные видеть в объекте своей страсти человека. Спасибо, феминизм, это определённно поднимает мне самооценку. Не очень бодипозитивно, не так ли?

Существует масса статей и книг на тему мужской и женской сексуальности, в том числе написанных феминистками, геями или лесбиянками. Но вы не найдёте ни одного очерка подобного рода о транс-людях. Зато порно с шимейлами наснимали лет на сто непрерывного просмотра. И здесь начинается порочный круг:

- Гермафродиты борются за право быть человеком, а не секс-игрушкой;
- Общество, охренев от такого положения вещей, делает транс-людей сверхугнетённой группой (или, наоборот, группой угнетателей-хуемразей) и особенно нервно реагирует на любое упоминание о сексуальности, фактически лишая целое сообщество права на такую;

- Гермафродиты обнаруживают, что их тела позорны и стыдны, поскольку заслуживают лишь внимания фетишистов. Сами они стыдятся поднимать эту тему, а если и поднимают, то мгновенно оказываются заклёванными сообществом во имя деобъективации;
- Из-за отсутствия альтернативного контента получается, что вся информация о сексуальности людей с атипичным строением тела — порно;
- И всё начинается по-новой.

В англоязычном интернете с этим, кстати, полегче — беглым поиском я обнаружила несколько статей и даже пару книг. Что характерно, статья «Сексуальность трансгендеров» существует в Википедии только на английском и французском языках. В русскоязычном же пространстве у меня есть выбор: либо я заикнуться не смею о своём позорном теле, либо я демон из порнографической индустрии. Одни не хотят помнить о моем существовании, другие вспоминают обо мне только при обсуждении того, как угнетают транс-людей, как будто это угнетение и борьба с ним — единственное, что заслуживает интереса и внимания.

Как правило, людям вокруг меня плевать на то, что я сама думаю о своих привилегиях и угнетённости. Всех интересует только то, как вписать моё существование в свою теорию. В моём случае варианта два. Первый, всем известный, сводится к тому, что я, сохраняя все мужские привилегии, отнимаю у феминисток повестку, называя себя женщиной, а также получаю доступ в безопасные женские пространства, чтобы поглазеть/полапать или просто довести участников до ретравматизации.

На это я обычно отвечаю, что, во-первых, я не женщина так же, как и не мужчина, закрытые пространства мне совершенно безынтересны, а в общественные туалеты я вообще не хожу, если они гендерно-сегрегированы. Что касается повестки — меня тошнит

от идеологий, радикальный это феминизм, либеральный или интерсекциональный. Я — отдельно, феминизм — отдельно. На данный момент мне хватает рефлексии и здравого смысла, чтобы никого не угнетать. Кстати, претензия на тему «гермафродиты хотят, чтобы их любили лесбиянки» тоже проходит мимо — ведь, как я уже утверждала, человек может испытывать сексуальное влечение только к определённым типам тел, и отрицать это было бы лицемерно. Кто-то любит только полных людей, кто-то только маскулинных, кто-то женщин, кто-то гермафродитов. Не вижу в этом проблемы, кроме той, что мир несправедлив, и люди часто влюбляются невзаимно.

Однако, самая беда обнаружилась вовсе не во взаимодействии с радфем, ищущими оправдание своей ненависти в теории угнетений — от «враждебного» феминизма легко ожидать любую оскорбительную чушь. Гораздо больше меня поразили «союзники», с точки зрения которых я, как бы я себя не называла, остаюсь транс-женщиной и, как следствие, угнетаема почище прочих. Моё возражение, сводящееся к тому, что я не женщина и что я действительно пользуюсь массой мужских привилегий, было встречено убойной формулировкой: «Ты говорила, что можешь чувствовать себя женщиной, следовательно, я могу тебя ей считать». Из этого обычно следуют какие-то выкладки о том, что из-за перекрёстного угнетения я могу рассчитывать на дружелюбное отношение других женщин, а белые цис-мужчины должны мне вообще кофе носить, чтобы хоть немного компенсировать угнетение с их стороны. При этом моё нежелание вообще участвовать в этой фаллометрии угнетений никого, разумеется, не интересует. Здесь нельзя просто так взять и относиться к людям без предубеждения — нужно обязательно сверить таблицы угнетений и строить коммуникацию на их основе.

То есть одним феминисткам удобно считать меня мужчиной-угнетателем, а другим — угнетённой женщиной, но никому не

приходит в голову взглянуть на мою собственную позицию на этот счёт, хотя любая прогрессивная идеология стоит в том числе на том, что каждый человек волен заявить о какой угодно сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Снова ханжество: красивые идеалы, за которыми стоит банальное отрицание неудобных идеологии явлений. Как следствие, мне серьёзно не по пути ни с одним из упомянутых движений.

Я остаюсь при позиции, которую не поддерживает практически никто. Ведь почти все мои знакомые — приверженцы той или иной фем(квир)-идеологии, имеющей серьёзные противоречия с идеями, изложенными хотя бы в этой статье, не говоря уже о позиции в целом. И это те самые люди, оставшиеся в моём окружении после тщательного отсева гомофобов, воинствующих атеистов или верующих, сексистов и прочих.

Чувствую ли я себя одиноко? Пожалуй, нет. Я знаю, что меня всецело поддерживает самый близкий мне человек и, честно говоря, мы с Рэем уже привыкли к тому, что люди кричат нам «Ура!», когда видят, что мы пишем что-то похожее на дискурс их идеологии, а потом впадают в ярость, обнаруживая нас вовсе не в их движении. С атеистами и верующими, например, постоянно так происходит. Но это всё сущая ерунда — ведь я наконец-то чувствую себя по-настоящему свободной.¹

¹ Примечание от редколлегии. Данный текст был опубликован на личной странице Софии в Facebook. В комментариях к записи развернулась дискуссия об употреблении термина «гермафродит» с принятием во внимание идентичности интерсекс-людей - людей, рождённых с половыми признаками (включая гениталии, половые железы и/или набор хромосом), которые не вписываются в типичное определение мужского или женского тела. В интерсекс-сообществе термин «гермафродит» не используется по следующим причинам: он несёт мифологический контекст, превращая людей с такими биологическими вариациями в существ из сказок, с приписыванием им наличия одновременно мужских и женских гениталий, а также он используется в традиционном медицинском описании людей с вариативностью развития пола как патологии. София пишет о том, что она, не имея интерсекс-вариаций, не призывает к широкому использованию данного термина, а говорит лишь о себе. Выдержки из дискуссии можно прочитать по ссылке: <http://transfeministki.livejournal.com/33173.html>

Я СЖЁГ СВОЙ ШКАФ

Я - ФТМ пост-оп. Ещё пару лет назад я жил в так называемом «стеллзе». Это достаточно распространённая среди транссексуальных людей тактика: «сделал переход — забудь о нём». И это достаточно обоснованно — когда долго идёшь к своей цели, достигнув её, хочется расслабиться и вообще выкинуть всё это из головы. Мимикрировать. Стать обычным. Ведь многие из нас с детства так хотят этого — стать «обычными», «просто парнями» и «просто девушками».

Я прожил в стеллзе несколько уютных и спокойных лет — мне уже не нужно ничего объяснять окружающим, а все, кто меня знал до перехода, или привыкли, или исчезли из моей жизни.

Но ситуация в стране стала накаляться, и если раньше это было не так заметно, и, в общем-то, не особо касалось меня лично, то 2014 год заставил меня пересмотреть свои взгляды и на стеллз, и на мои собственные перспективы в России вообще. Мне просто стало действительно страшно от того, в какую пропасть катится общество, в котором я живу и частью которого я являюсь, от того, как накаляется градус нетерпимости — я стал это замечать даже в тех людях, которые никогда раньше не проявляли никакой ксенофобии.

Как это касается лично меня, если я уже пост-оп? Да вот так: теперь мне страшно просто попасть в больницу — все мы иногда болеем, и все мы можем однажды оказаться в условиях, где наш «маленький секрет» неизбежно откроется. Современная медицина не в состоянии сделать наши тела идентичными телам цисгендеров, а потому мы всегда будем отличаться. У нас всегда есть риск аутинга. Я уж не говорю о том, чем может закончиться банальный полицейский «предъявите паспорт» на улице.

Жизнь стала со всех сторон мне подмигивать: «Ты в стеллзе? Он тебя не спасёт». Я пришёл к выводу, что чем глубже стеллз — тем выше риски аутинга, тем болезненнее он будет, тем уязвимее я сам. И в один прекрасный момент я понял — я больше не хочу прятаться. Не хочу изворачиваться в разговорах о прошлом, выдумывая себе несуществующий бэкграунд. Не хочу помнить, что и кому я врал про это прошлое. Не хочу бояться, что меня раскусят — в конце концов, я НИЧЕГО плохого не сделал. Почему я должен жить в постоянном напряжении, как Штирлиц в тылу врага? Что постыдного в транссексуальности?!

И ещё одну вещь я понял — пока мы уходим в свои уютненькие стеллзы, каждый из нас уязвим. Мы разрозненны, дистанцированы и друг от друга, и от близкого нам ЛГБ-сообщества. У нас множество проблем — и ксенофобия в обществе, и неинформированность/некомпетентность врачей, и сложности с медицинским обслуживанием и его качеством, и сложности с трудоустройством, и сложности с регистрацией собственных детей, и трансфобия в ЛГБ-сообществе. И даже ксенофобия в собственной Т-среде. И ещё много, и много, и много другого...

Пока мы сидим в стеллзах - это всё будет копиться и множиться. Можно, конечно, засунуть голову в песок и сказать «меня это не касается — у меня пока всё хорошо». Ключевое здесь слово — «пока». Пока они, проблемы, не пришли конкретно за тобой. Потому что стеллз — это аналог внутренней эмиграции, это только видимость безопасности, а не безопасность как таковая. Сложно себя защитить, когда твоя голова в песке, а всё остальное над песком возвышается. Недостаточно детского «я в домике».

Можно уехать из России. Но это процесс не быстрый. Пока этот процесс идёт — случиться может что угодно. И со страной, и с моими друзьями, которых я люблю, и со мной лично. Быть жертвой я не хочу. Прятаться и врать тоже не хочу. И в итоге я для себя увидел только один приемлемый и честный выход —

выход из шкафа, выход из стеллза, выход туда, где я могу быть самим собой и сделать что-то реальное для тех, кому это нужно. Невозможно делать что-то, сидя в стеллзе, в шкафу.

Знаете, у меня в жизни уже была одна точка невозврата — когда было принято решение начать переход. Это сожжённые мосты, это решение, которое сильно меняет жизнь. И я сам очень сильно изменился.

Год назад я ощутил в себе эмоции, сходные с теми, которые в ЛГБТ-среде называются «гей-ярость». По формулировке Валерия Созаева, «гей-ярость рождается из личного опыта проживания стигмы, дискриминации, гомофобии (физического, психологического, символического насилия) через осознание несправедливости социального устройства, в котором гетеросексуальность имеет преференции, а гомосексуальность угнетается». У транссексуального сообщества пока нет слова, которым можно назвать эти эмоции, поэтому пусть это будет (лично у меня) — «транс-ярость».

Это моя вторая точка невозврата, это также похоже на решение идти на транзишн — точка кипения, при которой только два выхода: сдаться или бороться. Я выбрал второе и сжёг свой шкаф.

Я по-прежнему считаю, что пост-оп стеллз — не просто важный, но и, возможно, необходимый период в жизни транссексуального человека, поскольку невозможно адекватно оценить плюсы и минусы стеллза и открытости, не вкусив оба варианта. Желание стеллза и вход в него, как я уже писал — это логическое завершение периода транзишна, ведь переход каждый из нас делает (так или иначе) на публике. Желание скрыться после длительного периода «на публике» — естественное.

Но мне кажется, что стеллз — это тоже именно период, как и транзишн. Стеллз чем-то похож на нижнюю ступень пирамиды Маслоу, и, соответственно, после удовлетворения базовых

потребностей человеку может захотеться чего-то большего. Чем больше нас, таких, кому стеллз/шкаф становится тесен — тем больше у нас, как сообщества, шансов переломить нынешнюю ситуацию и противостоять увеличивающейся ксенофобии в обществе.

За время, прошедшее с тех пор, как поменялись мои взгляды, я тоже сильно изменился — это чувствую не только я сам, но и те, кто меня окружает. По моим ощущениям, я сбросил много камней с души и гор с плеч. Я ощущаю себя намного более свободным, чем когда-либо раньше.

Открытость, как ни странно, даёт мне чувство большей защищённости, чем стеллз. И мне больше не стыдно быть тем, кто я есть. Я горжусь — но не транссексуальностью (было бы странно гордиться тем, что приносило боль), я горжусь тем, что я прошёл этот путь. У меня не было ничего из того, что цисгендерным мужчинам дано по факту рождения, но я преодолел все уровни этого квеста и сам добыл то, что было недоступно, я сам себя сделал.

И, наверное, самое главное — я вижу в реальности плоды своих действий, я вижу, как вокруг постепенно собираются мои единомышленники, и вижу, что мы действительно можем сделать что-то нужное — как для Т-сообщества, так и для ЛГБТ-сообщества, и, по сути, для общества в целом. И можем, и делаем.

ЗЕРКАЛО (ОТРЫВКИ ИЗ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА)

Я всегда восхищаюсь, когда люди откровенно рассказывают об истоках своей сексуальности. У каждого она индивидуальна — образы, мысли, фантазии, ощущения...

Мои родители, сколько я себя помню, пытались отучить меня мастурбировать. Точнее, пыталась мама. Она говорила: этого делать нельзя, потому что потом детей не будет. Детей я хотел иметь. Гипотетически. На тот момент я вовсе не задумывался, как конкретно они появляются... Мне кажется, я даже не знал, что у меня там, внизу, есть какая-то щель. Искренне полагал, что там та же писюка, что и у всех пацанов, но почему-то маленькая. Так же как и мой брат Рома долгое время считал, что у всех девчонок так же, как и у него, есть яйца.

Так вот, дети-то предполагались, но мастурбировать хотелось, и я рискнул не поверить маме и продолжить это чудесное и удивительное дело... Так часто, как мне этого хотелось.

Обычно это происходило, когда я приходил после школы, а родителей не было дома. А в детстве, в раннем детстве, когда ещё отсутствовала ежедневная повинность в виде отсидки в школе по несколько часов в день, я делал это перед сном. Мама, конечно же, что-то подозревала и пару раз почти заставляла меня за этим занятием, но я всегда успевал убирать подушку, она видела только моё красное лицо — лицо человека, который только что кончил. Она ошибочно думала, что я делаю это руками, поэтому приучала меня спать так: тело под одеялом, а руки — вдоль тела, на одеяле. Ну, почти что стойка смирно, только в горизонтальном положении... Я эту позу терпеть не могу до сих пор. К тому же

рукам было холодно, и я норовил их всё время спрятать. Мама коршуном подрывалась с кресла и подбегала к кровати:

— Вытащи руки! Вытащи их из-под одеяла! Я знаю, чем ты там занимаешься!

А я просто хотел устроиться потеплее и поудобнее...

Я делал это совсем не так, как представляла мама. С подушкой между ног, лёжа на животе вниз лицом. Или — позже — с джинсами, скрученными как канат. Или же просто с одеялом, которое должно было быть для удобства достаточно толстым. Мама спрашивала подозрительно:

— Ты всё ещё это делаешь?

Она сама в жизни не делала ничего подобного. Я не знаю, кончала ли она вообще когда-либо.

— Нет, не делаю.

— Я знаю, делаешь! Ты меня обманываешь! А как ты это делаешь?

— Ну... хорошо!

— Как? Ты туда пальцы засовываешь? Или карандаш?

— Куда?

Я не понимал.

— Туда. В писю.

— А как туда можно что-то засунуть? И зачем? Ведь это же больно!

Я был просто в шоке от такого извращения. Фантазии мамы мне не понравились, хотя и дали новое знание о дырке, которая, оказывается, должна быть между ногами. Дырка непонятного назначения... Мне больше нравились мои собственные фантазии.

Однажды в раннем детстве — мне было года четыре — я попал в санаторий. Там, кажется, лечили дыхательные пути. Но это неважно: как лечили, я совершенно не помню. Зато с удовольствием вспоминаю, как я там дробил!

В этом санатории я, как обычно, сразу же проявил свою индивидуальность, а позже ещё и «опозорил» родителей. Меня завели в туалетную комнату и предложили выбрать горшок. С клубничкой, с вишенкой, с машинкой, с домиком... Мне ни один не понравился. Я показал на унитаз:

— Вот!

Что, мол, я — маленький, что ли?!

Потом я потребовал у воспитательниц книжку вместо игрушки, чем немного шокировал их. Они долго искали... Почему-то книжки здесь были не предусмотрены — кроме совсем тонюсеньких и детских, но на такие мне даже смотреть не хотелось. Принесли мне с горем пополам сказки Пушкина. Это я уже читал, но был не против прочитать ещё разок. Потом сказал им:

— Эх, что за место! Нет даже хороших книжек!

К вечеру я вполне освоился на новом месте. Тем более что воспитательницы клятвенно пообещали принести мне толстых взрослых книжек из дома. Ну, в крайнем случае — подростковых или для семейного чтения, но обязательно — толстых. Они поняли, что малышовые сказки следует оставить малышам.

Перед тем, как лечь спать, я захотел помастурбировать. Что и сделал, засунув замечательно толстое одеяло между ног. Воспитательница что-то заметила, но я продолжал, пока она не подошла вплотную к моей кровати. Я решил затаиться. Но у меня это плохо получалось. Заглянув мне в лицо, девушка отошла. Убежала в подсобку. А я закончил то, что начал, без проблем.

Наверное, они шептались там обо мне. Плевать! И я стал мастурбировать так каждый вечер, глядя на этот девчоночий цветник в коротких маечках и почти прозрачных трусиках (сам я спал в тёплой фланелевой пижаме). Девчонки вокруг орала, кидались подушками, а я делал вид, что лёг спать окончательно и бесповоротно — и потихоньку дрочил. Моя кровать стояла в углу, и меня почти не было видно.

Но воспитатели рассказали моим родителям, чем я занимаюсь по вечерам перед сном, в связи с чем мама немного поругала меня для приличия. По-моему, у неё был культурный шок, потому что ругала она меня как-то вяло. Все уже знали, что я - извращенец, и я не видел смысла это скрывать. Кровать мою переставили в центр комнаты (наверное, по настоянию мамы, чтобы мне стало стыдно, и я перестал), но я продолжал свои делишки, и воспитательницы вынуждены были переселить меня обратно в прекрасный тёмный угол, дабы не травмировать детскую психику остальных.

Мне было даже немного в кайф, что на меня все смотрят и уделяют мне столько внимания. Я решительно не понимал, что же здесь такого стыдного. Просто видел, что взрослые шокированы, и что им это кажется странным. Но, несмотря на «позор», я им нравился. Я заставлял их читать мне, и они чувствовали себя нужными, а я наслаждался вниманием и привилегированным положением. Никому больше не читали на ночь персонально! Во мне было море обаяния, и я всегда мог понравиться любому — если, конечно, мне этого хотелось.

Я был, ко всему прочему, дико сентиментален и раним. Это трогало их зачерствевшие снаружи сердца, и они любили меня весь срок моего пребывания в санатории, несмотря на мою «извращённость».

«Какой чувствительный и эмоциональный ребёнок!»

Вечерами они любили собрать всех детей и петь с ними хором разные песни. Например:

—А как в городе, во Саратове, отец дочку зарезал свою-у-у!..

—А-а-а-а-а! Нет! Не пойте!!!

Мои глаза на этой первой строчке уже были полны слёз. Мне становилось очень жаль дочку, которую зарезали... Воспитательницы стали петь при мне только весёлые песни. Всё для того, чтобы я улыбался. Как прекрасно: никто не мешал мне плакать, не говорил, что я нюня и что «мужчины не плачут».

На самом деле — плачут. Ещё как. И не нужно этого стыдиться. Особенно в детстве.

...Когда мне нужно было выбросить какую-нибудь вещь, сломанную, старую, уже ненужную, я очень жалел её и шепотом просил у неё прощения. И выбрасывал. Мама ругалась, если я оставлял старые порванные игрушки, бумажки, клочки материи... В детстве мне казалось, что все вещи живые, они тоже, как и мы, чувствуют всё, и им тоже бывает больно, страшно, печально... Если бы мы видели, как им плохо, когда их выбрасывают, как им невыносимо чувствовать себя ненужными тем, кого они так любят, люди бы никогда их не выбрасывали. И я плакал...

Я и сейчас не мешаю себе плакать, если хочется. Иногда это случается. В основном при просмотре фильмов с трогательным и счастливым концом. Причем я плачу на самом, казалось бы, счастливом моменте... особенно это касается фильмов про семью, детей, отношения родителей с детьми. Слёзы не уменьшают мужественности во мне.

Когда-то давным-давно, когда я ходил во второй-третий класс, у меня была заколка-розочка. Вылепленная из пластика красная роза с впаянной сзади резинкой для волос. Когда мама купила её, у меня перехватило дыхание... Эта розочка показалась мне очень

красивой, нежной. Это и в самом деле было очень хорошее, качественное изделие: матово-красная роза, в точности повторяющая очертания лепестков живого, настоящего цветка. Уж я-то знал, какими должны быть розы: они росли у бабушки в саду — сорт «Глория»... большие и самые красивые, которые я когда-либо видел.

Так вот, заколка была как настоящая роза. Вы думаете, я завязывал ею волосы? Нет, конечно. Она всегда теперь лежала около моей кровати, на маленькой тумбочке, служившей столиком. Я разговаривал по вечерам с этой розочкой, представляя словно она — моя девушка. Моя принцесса.

Конечно же, мне тогда нравились сказки про принцесс и драконов. И про отважных рыцарей, которые спасали принцесс. Мне хотелось быть таким же храбрым. Я воображал себя героями фильмов и книг. И рассказывал об этом своей розочке. Целовал её лепесточки на ночь и желал сладких снов... Во мне росла потребность отдавать кому-то свою нежность и любовь. Только объекта любви не было. Розочка мне в этом плане очень помогала.

Много позже я нашёл её в ящике старого секретера вместе с разными вещичками и вещичками из прошлого... Два лепестка были отломаны, ровный красный цвет, так восхищавший меня, был испорчен: краска облезла, матовость поверхности перестала быть непроницаемой и таинственно-притягательной... После меня она досталась моим маленьким племянницам — они, наверное, её и доломали. И вот во время генеральной уборки я и нашёл её — никому не нужную, сломанную и забытую. Подержал её в руках... Шёпотом попросил прощения. И опустил в пакет с мусором.

Я сделал то, что надо было сделать. Не мог же я вечно хранить поломанную заколку для волос. Но отчего-то мне стало очень, очень жаль моей розочки... И я заплакал.

Недавно жена (мы с ней вместе 5 лет, и я называю её женой, хотя мы и не расписаны — она больше значит для меня, чем все штампы, вместе взятые) рассказала своей маме о том, что я собираюсь в не столь далеком будущем делать хирургическую операцию по коррекции пола и уже колю гормоны. Против ожиданий, тёща отреагировала значительно адекватнее, чем могло бы быть:

— За что же такое человеку? Родился бы сразу мальчиком, а так — мучается...

Жена могла поклясться, что в тот момент видела на её глазах слёзы. Мда. И драконы умеют плакать...

Раньше реакция тёщи на разговоры обо мне была совсем другой. В основном — молчание и злобно поджатые губы. Это были её первые более-менее адекватные слова обо мне за те пять лет, которые мы с женой живём вместе.

«У мамы что-то в мозгах поворачивается в лучшую сторону! — прокомментировала Аня эту историю. — Смотри, ещё будешь любимым зятем. Я буду ещё ревновать!» Я в это не верю. И вряд ли смогу искренне, по-родственному относиться к родителям жены. Поздно. Раньше надо было эмоции хорошие проявлять. И потом, с чего она взяла, что я мучаюсь? Я живу. Мучаются они. А я решаю проблемы. Или не решаю, но это уж моё право. Может быть, я их и прощу — если смогу когда-нибудь искренне это сделать.

Так же не могу я простить своего отца. Нет, мы с ним общаемся нормально. Но приходиться к нему, видеть его, общаться — не хочется. Через силу это делаю, по долгу, так сказать. Я всё вспоминаю его слова — «Уж лучше бы вы наркоманами были!» — и сравнение наших с женой отношений с половыми сношениями человека с козой. Как такое можно забыть?

А вот к дальним родственникам Ани мы планируем съездить,

когда у меня отрастет борода. И если я им понравлюсь (а жена говорит, что это произойдет непременно), тётя Алла спросит сестру: «Люда, а не пойму, чем же тебе зять не угодил? Такой хороший парень, так Анюту любит!» Вот это номер будет! Для них я буду обыкновенным парнем, который любит их родственницу. Таким как все. Они ведь обо мне ничего пока не знают. Хотя в чем-то я буду, наконец, таким как все.

Всю жизнь я тем или иным образом выделялся. Это происходило не только из-за моей транссексуальности. Всё время я — где-то сбоку. Где-то с краю. Или — впереди... Один такой вот странный. Всё не как у людей. Надоело мне это, товарищи!

Таня, сестра, говорила мне как-то давно, в моей юности: «Ты, наверное, не знаешь просто, чем бы выделиться, вот и обращаешь внимание на девочек. Ну да, тебе же с ними проще, чем с парнями, строить отношения, да ещё и получается, что ты не такой как все, не серая масса».

Она не понимает меня до сих пор.

В детстве я выделялся тем, что рано научился читать. В младших классах я был странным типом, которому не было интересно ни с мальчиками, ни с девочками... На переменах стоял и читал книгу вместо того, чтобы трыпки обсуждать или бегать по коридорам бесцельно. Выделялся... Когда стал торговать, я был опять же один такой, пропускающий половину занятий из-за работы. В техникуме у меня одного было свободное посещение. Я уже не говорю о том, что я любил девушек и этим выделялся... Я выделялся, сам того и не желая. А сейчас... и говорить не стану, вы уже поняли! Тоже выделяюсь, ещё сильнее, чем раньше. Весь район знает, что живёт здесь такой вот странный тип. На улицах, слава богу, меня уже не идентифицируют как «тему». Сначала мне это казалось смешным, потом начало раздражать... А сейчас — хорошо. Пусть хотя бы по внешности не буду выделяться.

«А ты не боишься потерять индивидуальность? Ты ведь на гормонах станешь таким как все. Вот я теперь — такой как все... нормальный», — говорил мне один знакомый ФтМ. Ой, не боюсь... Боюсь, что всё равно выделяться буду. Судьба у меня такая, товарищи. Выделяться. Быть странным типом.

НАБАЯ

НАГРА

СЕГОДНЯ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ОЧЕНЬ ЖЕНСТВЕННО! У МЕНЯ ТАКИЕ КЛАССНЫЕ СИСЕЧКИ.

СЕГОДНЯ Я ТОЧНО ЖЕНЩИНА..

СЕГОДНЯ МНЕ ХОЧЕТСЯ БЫТЬ МАСКУМИНОЙ.. ГРУДЬ СЛИШКОМ БОЛЬШАЯ.. БЕЗ НЕЕ Я БЫ ЧУВСТВОВАЛА СЕБЯ КОМФОРТНЕЕ

И ДОЛГО Я БУДУ ТАК СЕБЯ ЧУВСТВОВАТЬ? ЧТО, ЕСЛИ Я - ПАРЕНЬ?

ИНОГДА ЭТО СМУЩАЕТ. ИНОГДА МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО Я НАКОНЕЦ-ТО ОПРЕДЕЛИЛАСЬ И НАШЛА СЕБЯ. НО ПОТОМ МОЕ ЧУВСТВО ГЕНДЕРА СНОВА МЕНЯЕТСЯ. МОЙ ГЕНДЕР - ИЗМЕНЧИВЫЙ..

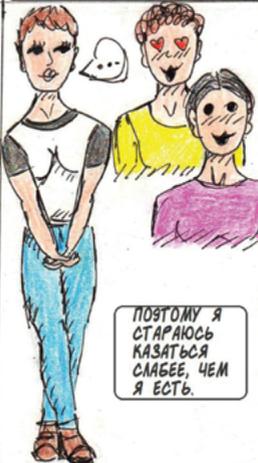
..И ЭТО НОРМАЛЬНО!

МНЕ НЕ КОМФОРТНО СРЕДИ ДЕВУШЕК. Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ НЕДОСТАТОЧНО ЖЕНСТВЕННО.

ПОТОМУ Я ВЕДУ СЕБЯ, КАК АЛЬФА-САМЕЦ И ЧУВСТВУЮ ГЛУПО.

МНЕ НЕ КОМФОРТНО СРЕДИ ПАРНЕЙ. Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СЛИШКОМ СИЛЬНОЙ.

ПОТОМУ Я СТАРАЮСЬ КАЗАТЬСЯ СЛАБЕЕ, ЧЕМ Я ЕСТЬ.

Я НЕ ЗНАЮ, КАК ВЕСТИ СЕБЯ В СМЕШАННЫХ КОМПАНИЯХ. ПОЭТОМУ Я МОЛЧУ.

Я НЕ ЗНАЮ КАК БЫТЬ СОБОЙ

Э., автор, родился в СССР, но с детства живёт в Германии. Он с детских лет ощущал, что что-то не так — оказалось, правда, что «что-то не так» в намного большей степени, чем он предполагал. Будучи небинарным трансгендерным человеком, Э. выступает за новый подход к пониманию трансгендерности и за принятие людей с проблемами в области психического здоровья внутри ЛГБТИК-сообщества.*

ТРАНСЧУДОВИЩЕ

Чудовища — существа *пограничные*. Они бросают вызов любым обозначениям. Они химеры на грани между человеческим и нечеловеческим, между мёртвым и живым, своим и чужим. Нет ничего страшнее, чем невозможность категоризировать окружающий нас мир. А самое жуткое — испытывать нечто, что не вписывается в уже известные категории.

Возможно, именно по этой причине человечество так стремится возводить стены — нужно оградить себя от чудовищ или хотя бы убедиться в том, что твои собственные очертания не начали размываться.

Я кое-что знаю о том, как размываются очертания, или о диссоциации, выражаясь медицинским языком. В то время как некоторые молодые люди мечтали стать рок-звездами или объездить весь мир, моей скромной жизненной целью с подросткового возраста было не дать себе расклеиться. В буквальном смысле: не дать коже расклеиться, как расклеивается мокрый картон.

Но Э.! Что ты такое говоришь? Не думаешь ли ты, что сумасшедший вроде тебя покажет таких как ты в нежелательном свете? Да! Разумеется, да.

Мне всегда очень не хотелось, чтобы меня ошибочно принимали за ролевого модель той группы, к которой, как я думаю,

я принадлежу.

*Пожалуй, окажись я в центре внимания, в глазах общественности я был бы кем-то вроде Баффало Билла из печально известного «Молчания ягнят». (Хотя то, что мне всегда гораздо больше импонировало сравнивать себя с доктором Лектером, ещё менее социально приемлемо, если уж на то пошло.) По прочтении романа мне казалось, что г-н Харрис сослужил недобрую службу бедняге Баффало, когда дал агентессе Старлинг прямым текстом заявить, что это не транс*человек — отличное было представление о трансгендерности в 1980-е, правда?! Авторская логика ясна, конечно: это желание не ассоциировать маньяка-убийцу с группой людей, которая и без того каждый день сталкивается с преследованием. Но такая логика имеет и страшную по своей сути обратную сторону: она подразумевает, что транс*люди — не люди, а генетически сконструированные модели, которые выглядят, говорят и действуют одинаково.*

Только попробуй прочувствовать свою боль и ярость. Как ты смеешь тосковать или болеть! И даже не думай о том, чтобы допустить малейшую ошибку, забыть свою роль или быть недостаточно убедительным в глазах «жюри».

Мне случилось расти в постмодернистском мире. Конечно, мне в жизни повезло больше, чем многим до меня. Моя медицинская страховка покрывает расходы на лекарства и терапию, смена имени и документов были всего лишь формальностью. Профессионализм большинства специалистов, с которыми мне доводилось работать в процессе перехода, не вызывал нареканий.

Временами сильно огорчало моё окружение, но если задуматься, то меня же никто не насиловал, не убивал и не причинял мне никакого другого серьёзного вреда, так что всё как бы нормально, так? Наконец, гормоны и хирурги совершили свои чудеса, и из дрожащей, мягкой, бесцветной личинки появилось прочное тёмное насекомое. Мне даже удалось потихоньку вписаться в мир

настоящих людей, вот это удача! С того момента жизнь должна была пойти как по маслу. Но не пошла.

То, что на транс*сленге называется «пасс», всегда оставляло у меня во рту горький привкус. «Пасс» прячет ту уродливую сторону тебя, которую правильные, нормальные люди переварить не способны.

От этого неуклюжего расхожеего мнения «ну, общество ведь уже такое, его не переделаешь, нельзя же изменить мнение каждого!» у меня на ранних этапах перехода опускались руки и накатывали слёзы злости. «Они» были неправы, но ведь и любой абьюзер неправ. Само по себе понимание этого не спасает.

Что помогало мне невероятно, так это отсутствие какого-либо пасса.

То, что тебя невозможно «прочитать», и это — твой собственный выбор.

Когда ты превращаешь себя самоё в оружие против опрятной коллекции ярлыков, которые твой оппонент так и норовит повесить на всё, что кажется необъяснимым или трудным.

Да, это грустно. Всё это делает меня глубоко одиноким и едва ли прикрывает правду обо мне: больше всего я боюсь сам себя. Это я называю себя чудовищем. Я чувствую, что моя трансгендерность, или как это ещё называть, делает меня совершенно непригодным для любви.

Внутри меня война. Я это знаю, всегда знал. И там же огромная боль, которую не облегчат ни операции, ни таблетки, ни уколы.

С самого детства меня приучили ненавидеть себя. Наверняка не меня одного.

Что же это, что заставляет мужчин маршировать на площадях в ботинках и с ружьями наперевес и после выступления на плацу идти на войну? Неужели в жизни нет ничего больше? Почему женственность и сексуальность так невы-

носимо отвратительны, что их нужно либо иссушить и обесцветить до стерильной, безжизненной чистоты и невинности, либо бросить на растерзание экзальтированной толпе лжеправедников? Почему мне нельзя просто быть собой, не стремясь стать Сверхчеловеком в не очень хорошо скрывающей его латексной маске супергероя? Почему мне надо жизнь положить во имя высоких целей вместо того, чтобы жить для себя и тех, кого я люблю?

Я чувствую, как всё моё существование находится в мрачной тени, и это тень, которую отбрасывает век войны и тоталитаризма. Нет, я даже не драматизирую.

Всё именно настолько плохо, насколько звучит, и конца этому не видно. Общество не прекратит ненавидеть женщин, кворов, слабых, маленьких, уродливых, больных, бедных и странных, пока каждый из нас не прекратит это в своей собственной голове.

Эпоха Просвещения пыталась научить нас тому, что сон разума рождает чудовищ. Это не так. Ровно наоборот: то, что в самом деле проявляет худшее в человеке — это бесконечное бодрствование самозванца-разума, параноидальная потребность поддерживать всё чистым, точным, определённым, разделённым, правильным, праведным, прозрачным.

Надо положить этому конец. Надо разрушить эту стену.

Что бы я мог сказать Баффало Биллу — роман открывает нам только имя, данное при рождении, и демонизирующее прозвище, данное газетами — до того, как свершились убийства? Что всё это не обязательно, что переход — это выход, что впереди есть какое-то светлое будущее? Что «всё наладится», «it gets better»? Да, только вот иногда это не так. Не получится обзавестись новой кожей и новой жизнью. Шрамы не исчезнут. Выздоровление никогда не будет простым. Но оно возможно.

Хотел бы я сказать это себе раньше.

МОЯ НЕБИНАРНОСТЬ

В этом коротком рассказе о себе я постараюсь прояснить такую сложную и неоднозначную тему, как небинарность моей гендерной идентичности — в чём она заключается, проявляется, как я пришла к её осознанию.

Как это часто бывает, понимание пришло ко мне не сразу, а в результате жизненного опыта, опыта перехода и повторяющейся рефлексии на темы своей гендерной идентичности и сексуальности. Сразу оговорюсь, что я из тех небинарных трансгендеров, о которых по внешним признакам нельзя однозначно сказать, что «вот они» типичные представитель_ницы небинарных транс*персон! В палату мер и весов». Нет, обычно при взгляде изнутри сообщества я считаюсь как обычная транс*женщина, и иногда окружающие могут удивляться тому, что я говорю что-то о небинарности, т.к. они думали, что это не обо мне. С другого рода недоумением я сталкивалась, когда говорила, что я небинарная транс*женщина, — ведь если небинарная, то почему женщина?

Для меня всё началось с телесных вопросов. Я никогда не испытывала дисморфофобии по отношению к собственным гениталиям (равно как и какой-то особой любви к ним), если не считать за такую некоторую досаду от отсутствия вагины. С другой стороны, меня категорически не устраивает то, что может по этому поводу предложить современная хирургия, и я не понимала, почему все, кто хочет совершить переход, обязаны строго соблюдать все «этапы», включая различные виды операций на гениталиях. Однако все вроде как так делали, а значит и я должна. К счастью, взгляды на переход стали меняться, появилась идея об индивидуальности перехода, плюралистичности подходов и

потребностей индивида как отправной точки для объёма вмешательства, и я с радостью эти идеи восприняла, приняв своё «небиарное» тело.

Второе осознание пришло ко мне с изучением феминистской теории. В определённый момент я поняла, что всё то, что мы считаем женским, ассоциируем с женственностью, было сконструировано мужчинами и вписано в рамки патриархальной системы для её поддержания. Законодатели мод — мужчины, правила поведения, которым должны следовать женщины, также разработаны мужчинами и в интересах мужчин. В каждую эпоху женское тело формируется в соответствии с тем, что мужчины считают сексуальным и привлекательным. Доводя образ сексуального объекта до крайности, мы получаем такую фигуру патриархальных образов женственности как шлюха — женщина, готовая к сексуальным контактам с любым мужчиной в любое время и всем видом, одеждой и поведением показывающая это. И, хотя мужчины ценят шлюху как объект для сексуальных развлечений, они же ненавидят и презирают её — ненавидят за то, что шлюха может временно поставить мужчину в слабое и зависимое положение, пользуясь его потребностью в сексуальном удовлетворении, и презирают за то, что она всё же подчиняется, отдаётся им и выступает в сексе в пассивной роли. С другой стороны, личные качества, являющиеся женскими добродетелями — заботливость, услужливость, мягкосердечность, долготерпение, жертвенность, целомудрие, ухоженность и т.д., — не что иное, как качества идеальной жены и матери, т.е. органично присущих патриархату и воспеваемых патриархатом фигур. Как говорила Люсия Санчес Саорниль, «на протяжении веков весь мужской мир колебался в отношениях с женщинами между двумя крайностями — шлюхи или матери, — от презренного к возвышенному, так и не остановившись посередине <...> Мать — это результат мужской негативной реакции на шлюху, которой ему представляется каждая женщина. Это

обожествление матки, приютившей его».

Так какого чёрта мы считаем женским и женственным это насквозь мужское альтер-эго?

И всё же гендерная идентичность реальных женщин зачастую формируется вокруг этих образов шлюхи и матери, никогда не воплощая их в полной мере, но умело сочетая стороны откровенной сексуальности (чтобы не казаться скучной клушей) и благоверного материнства (чтобы сохранить женскую честь для выгодного брака).

Почему я вообще говорю обо всём этом в контексте моей небинарности? Потому что это очень важно. Быть транс*женщиной и феминисткой, особенно радикальной феминисткой, в русскоязычном пространстве нелегко. Приходится очень честно отвечать самой себе на ряд неудобных вопросов, не говоря уж об окружающих, независимо от того, к какому лагерю они относятся. И один из этих вопросов как раз проистекает из этого озарения: «если то, что ты видишь как женский идеал, насквозь пропитано мужским словом и духом, то что в тебе женского, дорогая?» Однако моя потребность в переходе проистекала не столько из влечения к женской атрибутике, социальной или сексуальной роли (хотя я не спорю, что определённая доля зависти к женской красоте и эстетике у меня была), сколько из сильнейшего отрицания мужских иерархий, ценностей, взглядов на мир и общество — насколько это вообще можно было осознавать в школе по пацанским компаниям, миру взрослых и транслируемой на меня мужской социализации, которую я не принимала. Я не видела и не хотела видеть себя частью этого. Я не хотела превращаться в чудовище. Поэтому я сделала всё, что было в моих силах, чтобы избежать этой участи. Поэтому я сделала всё, чтобы общество воспринимало меня (и относилось ко мне) как к представительнице другого гендера. Я знала, что я не мужчина и уже никогда не стану им, но и выстраивать свою личность вокруг образа патриархальной

женственности я не видела смысла с тех пор, как открылись мои феминистские глаза, и я увидела, что скрывается за гламурной упаковкой такой «женской» жизни.

Казалось бы, ну и живи себе как гендерквир с феминной гендерной экспрессией, но этот путь был не для меня. Потому что в моей жизни личное и общественное всегда было переплетено плотным клубком, и я не могу толком рассказать о себе, не удаляясь в «высокие материи».

Поэтому вернусь к образам женственности в мировой культуре, которая, хотя и находится под деформирующим воздействием патриархата, являет собой всегда нечто большее, чем просто обслугу систем угнетения. Меня интересуют образы Афины и Артемиды — женщин, не сводящихся к функции жены, матери и сексуального объекта. Богини воительницы и вольные охотницы, мудрые покровительницы науки и мастерства и вечные девственницы — независимые женские образы, движимые внутренними мотивами, а не функциональным «женским» предназначением. Меня интересует образ лесбиянки как женщины, идентифицирующей себя с женщинами, женщины, выбирающей других женщин как подруг и партнёрок, женщины, которая сама наполняет своё женское содержание — всё то, что так плохо переводится на русский язык в выражении *women-identified women*. И я смею утверждать, что гендерная идентичность женщины, сформированная вокруг патриархальных моделей, и идентичность женщины-феминистки, формирующаяся в ходе роста самосознания и переоценки навязанных патриархатом ценностей, представляют собой две различные гендерные идентичности. Эти две идентичности не только не тождественны, но в определённом смысле антагонистичны друг другу, причём обе — женские. И когда я говорю о себе как о небинарной транс*женщине, я имею в виду именно освободительный, политический аспект женскости. В основе моей гендерной идентичности лежит тот образ, который

представал древним в обликах неукротимой Артемиды и мудрой Афины, и был воплощён теми женщинами, которые, несмотря на многовековое давление патриархального рабства, выживали, не ломались и шаг за шагом, рука об руку со своими сёстрами продвигались к иному, свободному от деления на репродуктивные классы миру. Такова разгадка парадокса моей небинарности, не исключающей женской самоидентификации.

Иногда отсутствие социализации в детстве может давать интересные результаты: например, полное отсутствие понимания того, мальчик ты или девочка, полное отсутствие категорий, к одной из которых обязательно надо принадлежать.

Я не ходил в детский сад. Я не гулял на детских площадках, потому что их просто не было в том месте, где я рос. Первое общение со сверстниками у меня случилось за год до школы, это были соседские мальчишки, с которыми мы играли в шпионов (я был, кстати, гением-изобретателем) и катались на великах. Не знаю, было ли им всё равно, что я вроде как девчонка, но для меня между нами не было никакой разницы.

Иногда ранние проблемы со здоровьем могут давать интересные последствия. Например, полное отсутствие контакта со своим телом, вплоть до нечувствительности к боли.

Мне было всё равно, что у меня будет расти, а что нет, и как я отличаюсь от других детей. Я никогда об этом не спрашивал родителей. У меня не было в голове связки: «У меня такое тело — значит, я девочка». Я носил платья и юбки, потому что мне их покупали, а потом перестал, потому что в штанах всегда было удобнее. У меня были длинные волосы, мне нравилось, когда бабушка делала мне прически, но для меня это не было «девчоночьим занятием». Просто манипуляция с волосами.

Даже в подростковом возрасте мне не было дела до своего тела. Всё, что меня занимало, находилось у меня в голове или рождалось в процессе социального взаимодействия. Я не испытывал влечения к сверстникам — ни к мальчикам, ни к девочкам, так что и связка «меня привлекают мальчишки, наверное, я девочка»

прошла мимо меня. Впрочем, у меня были влюблённости. Сначала в мальчишек (мне кажется, я впервые влюблялся только потому, что этого вроде как ожидали взрослые со своими вопросами «Ну что, нравится кто-нибудь? Обязательно кто-нибудь должен нравиться!»), потом, лет в шестнадцать, впервые в девушку. В голове, конечно, мелькнула мысль: наверное, я лесбиянка. Но быстро сгинула — парни мне тоже продолжали нравиться. Так какая разница, кто я, если мне нравятся и те и те?

Первое время мне приходилось себя переучивать. Перечитывать свои тексты перед публикацией, отслеживать свои мысли с особым тщанием. Не знаю, как подобное можно оценить со стороны, но для меня это было нахождением новых горизонтов. Мне очень быстро начало нравиться так писать и говорить о себе, это казалось правильным и естественным. Сначала я очень беспокоился, что таким образом я как бы обманываю людей — говорю о себе в мужском роде, а выгляжу феминно. Мне казалось это нечестным, как немного ранее казалось нечестным называться тем именем, которое мне нравится, а не тем, которое прописано в моём паспорте. С именем пришлось разобраться радикально — сменить документы. А с «несоответствием» грамматического рода и внешности... Честно говоря, сейчас даже затрудняюсь сказать, куда делось это чувство обмана. Кажется, оно прошло, когда до меня, наконец, начало доходить, что что-то с моим телом не так.

Иногда люди, сами того не подозревая, дарят другим людям поразительные подарки. Например, учат обниматься, определять, когда испытываешь голод, и вообще ощущать себя физическим существом в физическом мире.

Это случилось, когда мне было уже лет девятнадцать. Я более-менее наладил контакт со своим телом, хотя бы признал, что оно тоже имеет значение. И вот тут-то я начал ощущать дискомфорт. У меня внезапно оказалась грудь. Меня внезапно принимают за девушку. Мне внезапно это не нравится и вызывает странное

чувство, которому потом нашлось слово «дисфория». В свои почти двадцать лет я внезапно понял, что вместо меня видят кого-то другого, принимают меня за кого-то, кем я не являюсь. А я-то, дурак, думал, почему мне так странно и некомфортно живётся?

Чаще всего с какого-то большого открытия начинается долгий путь. Например, поиск того, что действительно является твоим.

Все последующие годы, вплоть до этой осени, были помимо прочих дел заняты поисками себя. Я встречался с мифом о том, что «настоящий трансгендер» должен чётко знать свою гендерную идентичность и не сомневаться в ней, желательно, с самого раннего детства, а иначе он не «тру», ненастоящий. Как видно из моей истории, я не «тру» по очень многим причинам, но более всего потому, что я сомневался. Много, долго, во всём.

Я знал наверняка лишь одно: у меня не женский гендер. Но даже в этом смысле иногда ко мне в голову закрадывались сомнения. Особенно из-за собственного поведения, которое подчас весьма и весьма феминное. Я не брезгую пользоваться своей внешностью, чтобы, например, занять место в транспорте, а потом никому не уступать. У меня очень сильно развит механизм подстройки, и при встрече с до этого незнакомыми людьми я почти сразу превращаюсь в милую, приветливую девушку с неловкой улыбкой и длинными ресницами. Мне иногда нравится двигаться плавно, а тем более так танцевать, мне иногда нравится выглядеть феминно. И, конечно, иногда очень сложно бороться с чужим мнением о себе.

Довольно долго я идентифицировал себя как феминного парня. Мужской гендер, но несколько не мужская презентация, почему нет? Я рос с двумя братьями, моими первыми друзьями были мальчишки, моя мама частенько давала мне «мужские» задания по дому, так что маскулинных черт в презентации у меня тоже достаточно. Это доходило до забавного — где-то в глубине

сознания лежат мужские установки. Когда они всплывали в ту пору, появлялось странное и приятное ощущение: «Ну да, я парень, кто же ещё?»

Но мне было тесно. Даже с самим собою данным правом на женскую презентацию, мне была не по плечу мужская гендерная идентичность. Я не ощущал себя парнем постоянно. Иногда — да, ещё как, но не всегда. Иногда мой внутренний мир не хотел отзываться ни на слово «женщина», ни на слово «мужчина», он оставался спокоен и тих, и я начал искать слово-определение, которое подошло бы этому тихому внутреннему миру.

Так я понял, что я небинарный. Как когда-то с возможностью писать о себе в мужском роде, с осознанием небинарности для меня открылись новые горизонты, целый простор вариантов, среди которых просто не могло не быть слова для меня. И я начал его искать.

Neutrois, бигендер (сочетание мужского гендера и neutrois), гендерфлекс (с амплитудой от мужского до агендера), агендер, ту-спирит... Дольше всего продержалось слово neutrois, но и оно было не тем. Устав от поисков, я решил называть себя просто — трансгендер. И задумался о том, а чего я, собственно, хочу для себя. Какого восприятия себя? Какой внешности? Какого пола в документах? На это найти ответы было проще.

Больше всего на свете я хотел, чтобы, глядя на меня, человек не мог сразу определить, какого я пола. А это значило одно — мне прямая дорога за справкой, гормонами и мастэктомией.

Разбираясь с получением справки (комиссию пришлось клятвенно уверять, что я мужчина) и началом гормонов, я решил заняться активизмом — переводить с английского статьи с информацией, которой лично мне не хватает в русскоязычном интернете. И кто бы знал, что благодаря этому я таки найду слово для определения себя.

Теперь я очень жду мастэктомии, чтобы гордо говорить: «Я — андрогин с трансгендерным опытом», и чтобы никто не знал, из кого же в кого этот опыт был.

FтF (WтF)

Живу спокойно, нормальный, вроде,
Почти любовник, почти отец,
Но день проходит, другой проходит,
И возвращается мой трындец.

Что это было? Как это стало?
Откуда это во мне взялось?
Ей двадцать восемь. Она устала,
Хотя так мало ещё жилось.

Ей девятнадцать — она безумна,
Пятнадцать — больше не хочет жить.
В темнице сердца при свете лунном
На койке мечется, голосит...

И я не знаю, как быть ей другом,
И я не знаю, как защитить.

Как будто в прошлом я предал что-то,
Возвёл преграду, разрушил мост,
Чтобы избавиться от заботы,
Прооперирован был на мозг.

Она не я, но в единстве с телом
Так много плюсов и перспектив...
Кто сочинил эти все пределы?
Кто извратился, нас разделив?

И я б вернулся в то время снова,
Вернул ей чувства, вернул ей вид,
Если б не знание, что нет другого
Кроме меня здесь, кто говорит:

Не называй при мне это слово.
Я ещё ранен. Ещё болит.

* * *

Дорогие мои!

Все вы — чьи-то дети. Все вы — очень сильные духом, прекрасные и удивительные люди... Я хочу найти слова и не могу, поэтому извините, если что-то напишу или назову не так.

Я — мать трансгендерного мужчины.

Когда моя дочь рассказала мне, кем она на самом деле является, я ей не поверила. Сочла все это блажью. Но потом пришли мысли: а может быть, она права? Что тогда?

Моя дочь жила с девушкой. Мне стоило больших усилий принять хотя бы это. И тут вдруг ещё одна новость. Но поразмыслив, я поняла: всё это — не одного дня мысль, не одного дня разговор. Это решение зрело у моего ребёнка давно, даже слишком давно.

Я о многом жалею. Я жалею, что совсем не знала своего ребёнка. Очень многие из нас совершают эту ошибку. Практически все. И я не исключение. Я сказала ему: «Я от тебя откажусь».

Да, именно это я и произнесла. Он говорил мне о том, что хочет сделать операции, сменить документы на мужские, а я сказала — «Ну, тогда я от тебя откажусь...»

Я переосмыслила всё. Я много думала об этом.

Может быть, мне следовало больше разговаривать с моим ребёнком, больше обращать внимания на его желания, а не воспитывать из него придуманный и навязанный нам обществом образ. Да, я хотела, чтобы всё было как у всех. Это так неприятно — признаваться в этом. Мы, родители трансгендеров, предаём своих детей. А они к нам тянутся все равно. Не перестают общаться с нами.

Сейчас у нас всё хорошо. Мой Саша... я называю его «сынок». К имени Саша ещё не совсем привыкла, мне это трудно, но я понимаю, что не нужно называть его в женском роде. Иногда, правда, оговариваюсь. И получается: «Сынок, ты поела?» Это смешно, мне самой смешно, я стараюсь называть своего ребёнка так, как он всегда хотел. Но ошибаюсь. И он уже не обращает на это внимания, не обижается. У меня получается всё лучше, всё естественнее. Я привыкла к мысли, что у меня сын, мой сын и ещё старшая дочь.

Он красивый и сильный. Что ещё сказать? Он лучший сын на свете.

Мы обсуждаем теперь с ним и его женой все жизненные ситуации, все трудности и радости, они не боятся рассказать мне о многом, о чём ранее я вообще не имела представления (а ведь это его жизнь, моего ребёнка!). Он рассказал мне, как менял паспорт, как поменял имя и насколько ему удобнее теперь с фамилией без родовых окончаний, о пребывании в ПНД, о комиссии, которую прошёл. Теперь он сделает операцию и поменяет документы ещё раз, теперь они будут мужскими.

Берегите своих детей и не бросайте их наедине с самими собой и миром, не принимающим их инаковость. Не предавайте их. И потом вы будете счастливы, приняв очевидное. Вы будете счастливы, что не отвернулись от родного человека, которому именно в тот момент нужна была помощь.

...По-настоящему я жил только в те минуты, когда обматывал себе руки бинтами, готовясь к дракам, когда забирался на крыши заброшенных зданий, когда падал со скейтборда, учась кататься на нём, когда мои колени, локти и щеки украшали раны, которым я так радовался. Я чувствовал это своей настоящей жизнью, чувствовал искреннее счастье даже столько не от самих этих занятий, сколько от создаваемого благодаря ним мужественного образа. «Я способен свернуть горы, если пожелаю, пройти через огонь, воду, медные трубы», — так говорил я себе, наполняясь силой, уверенностью, жаждой жить.

Но всё разрушалось вмиг после возвращения домой, к перепискам с молодыми людьми, с которыми я общался в то время; конечно, я прекрасно знал, что моё истинное лицо не будет любимо ни одним из них. Я носил маску на протяжении всей жизни, потому что думал, что не смогу жить без общественного признания, и боялся сделать что-то не так, не в соответствии с данными мне ярлыками. Когда я старался казаться принцессой, мне отчего-то было радостно, что в этот искусственный светлый и хрупкий образ влюбляются, хоть иногда, в глубине души, я и ощущал ужас этой фальшивости.

Вот в чём была моя главная проблема: я боялся общественного мнения настолько, что решительно затачивал себя в любые цепи и тюрьмы, своё настоящее эго скрывал за семью печатями, и всё это для того, чтобы от меня не отвернулись. Позже я пойму, каким был глупцом, но таким образом я прожил около пяти лет.

«Ты ведешь себя ужасно мужеподобно, девочка не должна быть такой. Я боюсь, как бы ты не стала развязной девкой в будущем».

Это сказал мне социальный педагог, к которому меня вообще-то привели по вопросу моего шумного поведения на уроках, но разговор внезапно пошёл совсем в другое русло. Вот он, я — десятилетний ребёнок, захлёбывающийся слезами от обиды, опустивший голову, желающий провалиться сквозь землю. Эта женщина добивает меня пародированием моей «развязной походки» и «громкого голоса», взывает к моей совести, напоминает о том, какую боль я таким поведением причиняю матери, и откровенным образом оскорбляет меня. «Поплачь, — говорит она. — Ты плачешь, потому что тебе стыдно, это хорошо».

Депрессия, в которую меня вогнал этот разговор, длилась около полугода. Я просто перестал разговаривать; учителя, которые в прошлом году жаловались матери на моё шумное поведение, зачастую при этом выдумывая различные хамства и выходки, теперь жаловались, что я стал молчаливым и замкнутым. На самом деле я всё это время сражался со своими собственными «демонами», а если быть точным, с самим собой — я должен быть нежным, женственным цветком, чтобы люди одобрили меня. А я, как я уже говорил, изо всех сил стремился к одобрению, потому что в противном случае, я думал, была бы неприязнь.

Сражения привели к тому, что мужчина во мне был запрятан глубоко в подсознание и сидел там в течение пяти лет; я, конечно, не мог быть до конца женственным — иногда случались редкие минуты освобождения собственного эго, с которых я начал рассказ. Но я боролся с любыми «приступами» мужеподобности, переступал через себя и бесконечно мучился; что было ещё хуже, я не понимал причины мучений, и, как бы ни кричал мужчина во мне, что он существует, я отказывался слышать его. Тем не менее, несмотря на то, что я всех уверял в своей слабости, я был гораздо сильнее, чем желал казаться, и потому этот груз не сломил меня. Он не смог сломить меня, потому что я не думал о том, как он тяжек, а просто нёс его.

Но однажды то, что было так глубоко запрятано, внезапно вырвалось; это произошло так неожиданно, что я даже не сразу отдал себе в этом отчёт. Просто я стоял у магазина мужской одежды, думая о посторонних вещах, а затем все мысли были перекрыты одной, самой чёткой и резкой: «А ведь я мужчина».

«А ведь я мужчина» — одна мысль, казалось бы, такая безобидная, но за ней последовала дикая буря эмоций, которая чуть ли не душила меня своим переизбытком. Я был в панике из-за того, что понял в ту минуту, был в ужасе от осознания того, что на самом-то деле всё это время я лгал и другим и самому себе. Это было сродни раздвоению личности — на прошлое я посмотрел так, словно всё это пережил кто-то другой, а не я. После этой мысли наступил самый страшный период в моём трансгендерном опыте, который был гораздо хуже всех прошлых прятков и который, я думаю, прошли почти все: период глубокой, бесконечной самоненависти.

Я вновь начал драться с самим собой, предполагая, что это ненадолго, что всё это пройдёт, и я снова стану «нормальным». От абсолютного отвращения к себе и стремления к «исправлению этой ошибки» (эту фазу я расписывать не хочу; она длилась несколько месяцев, мне тяжело вспоминать это) я постепенно перешёл к прощупыванию почвы; в гардеробе появилась пара новых вещей, затем сменилась причёска, и так, медленными, нерешительными шажками, я убеждался в твёрдости земли под ногами. Я начал обращаться к другим трансгендерам, консультантам по этому вопросу, а вскоре отправился к школьному психологу в надежде на понимание.

И я получил его. Психолог отнеслась к моим проблемам с серьезностью и толерантностью, и благодаря всего паре разговоров мне уже стало гораздо легче, потому что я увидел — ко мне не испытывают отвращения, надо мной не насмеются. Времяпрепровождение среди других трансов также помогло:

со временем я начал понимать, что вовсе не являюсь «неправильным», «отклонением от нормы» и всё в таком духе; мне помогли осознать, что я — это я, и ничто не должно мешать мне быть самим собой.

Этот опыт значительно помог мне повзрослеть и сделать некоторые выводы о жизни в социуме. Я понял самое важное: не стоит гнаться за любовью окружающих людей, если ради этого ты должен преодолевать самого себя и быть тем, кем ты быть не желаешь. На протяжении многих лет я слышал, что самое важное — это социум и его отношение к тебе, что нельзя быть эгоистом и, конечно, необходимо стремиться к всеобщему одобрению; но я никогда не смотрел на этот вопрос с разных ракурсов. Свойственная всем подросткам жизнь в черно-белых тонах привела меня к мысли о том, что я должен либо полностью отказаться от себя либо от общества, хотя, конечно же, это совсем не так.

Да, сейчас я не получаю особенного одобрения со стороны окружения; у меня напряжённые отношения с родителями, и я очень часто слышу насмешки или издевательства со стороны одноклассников, но я живу своей жизнью. Я по-прежнему несу этот груз, понимая, что он действительно тяжёлый, но теперь я несу его с надеждой на будущее и с гордостью, что не прогибаюсь под ним. В конце концов, это невероятно сложный путь — принять себя и выдержать удары общества.

Но это – наш путь к счастью, и, оглядываясь назад, я не могу не радоваться тому, что справился с этим.

СОБИРАЮСЬ ЛИ Я ПОВЕРИТЬ

Любой опыт в жизни пригодится. Правда, жаль, что к путеводному маяку этого утверждения приходится карабкаться, обдирая коленки и локти, буквально через годы и расстояния. Его нельзя принять на веру. В юности, которую почему-то объявили самой цветущей порой жизни (что не мешает притом ей быть самой неустойчивой её частью), думаешь: тебя убаюкивают и обесценивают этой присказкой. Это не совсем так. Просто силу опыта нужно понять и прочувствовать — на своей неудобной, презируемой и всё равно бесценной шкуре. Ровно так же, как никто не обязан тебе верить, когда ты изо всех сил кричишь: «Это не я, это обман, я совсем другой, почему вы этого не видите?»

Как это ни пафосно звучит, трансгендерные люди обречены на непонимание. Если опыта по части «нарушений пола» нет, невозможно человеку объяснить, в чём тут фокус. Ради чего надо отказываться от спокойной жизни и заниматься собой, подвергаться насмешкам и преследованиям, вставать одному буквально перед всем миром — что особенно страшно всем, вне зависимости от пола и возраста? Да ради себя же. Потому что мы у нас одни. И никто не сделает самых важных решений. Могут принять, могут простить, могут поддержать или защитить — но не подтолкнуть к тому рубежу, за которым ты понимаешь: драться с самим собой нет смысла, как и скрываться. Это бьёт сильнее любой пружины, если раз за разом отказываешься от себя. Это отшелушивает ненужные куски вроде бы устоявшегося быта — знакомых, которые не желают больше подавать руки, надоевшую работу, где тебя не принимают, семейные распри за единственно верную картину мира. И ты на какой-то момент остаёшься нагим. Но не на потеху перед всеми — а внутри и втайне. Здесь-то и начинается самое завораживающее и ужасающее: знакомство с самим собой.

Переход для трансгендеров не зря сравнивают с нахождением в самых депрессивных человеческих институтах — службой по призыву или обучением в интернате. Тебя ни о чём не спрашивают. Ты просто там оказался, и выбор тут не особенно большой: маши крыльями или рухнешь. Однако после той же армии ты можешь охотно поступить в вуз или нарастить мышцы. А после интерната как-то особенно начинаешь ценить человеческие отношения и бережнее строить семью. Или как переживший потрясение (не суть, психологическое или физическое) учится заново ходить, так получается и у трансгендеров. После долгих лет нелюбви и отрицания, неуверенности и страхов, ты учишься собирать себя по кусочкам и беречь. Отныне не с маской для других, а с этим собой, с новым багажом знаний и навыков придётся иметь дело. Трудности не станут меньше, они качественно изменятся, и ты будешь относиться к ним по-другому. Стоя на своих двоих, не вжимая голову в плечи, как виноватая собака. Тебя будут и ловить за руку, и обсмеивать, и вступать в споры, но только ты сам будешь отвечать за конечный результат. И уже не нужно, да и нельзя будет опираться на чужую волю, как то: «Все так хотели, чтобы я стал доктором» или «Меня с детства учили кутаться в три слоя одежды по дождливой погоде». Вообще поиски себя — богатейшая тема для размышлений, тщательно запечатлённая, к примеру, в русской и мировой литературе. В каждом таком приключенце и искателе спит маленький Лев Толстой. Кто воюет, отстаивая своё место в мире, кто не противится злу насилием.

Я не могу назвать свою жизнь полной лишений. А когда мне говорят о титанических перегрузках, испуганно округлив глаза, я смущаюсь. Ну, я даю. Ну, я десять лет ставил на уши родню; им было больно и непонятно, почему я мальчик, а не девочка. Мне, в сущности, тоже, разве что я был в более выгодном положении — у меня был обозначен нужный путь, и внутренний компас велел туда идти при любой погоде. Я эгоцентрик в том смысле, что отчётливо понимаю: без моего участия, без моих замыслов и пояснений не

завертится мир вокруг. Он будет обтекать, в лучшем случае. Или погребёт под собой, не дав вспискнуть. А я и так непозволительно долго, по нынешним меркам, наблюдал за всем со стороны, примериваясь и морщась. Только после института, заработав себе на всё, что хотел, я официально обозначил свои намерения. При этом был лишён львиной доли проблем, а именно — у меня всегда была крыша над головой, чаще всего я ел досыта и большую часть времени был предоставлен сам себе (если не находились желающие поучить меня жизни). В 23 начал гормональную терапию, в 24 прооперировался и сменил документы. Со временем понял, что живу в очень недружелюбной стране, где есть люди, которые мечтают о том, чтобы со мной случились все возможные неприятности, и не понимают, в чём особенности фильма «Парни не плачут», где все получили по серьгам. Не озлобился от этого, просто принял к сведению. Люблю и любим. Помирился с семьёй, которая начинает потихонечку мною гордиться — как и я ими. Регулярно плачу за свет и воду. Перебиваюсь творческими заработками, пока ещё не найдя дела своей жизни.

Как сейчас помню, после подростковой неустроенности было тяжело избавиться от сознания своей ненужности. Ведь есть люди красивее и во всех смыслах лучше меня. Есть те, кто больше получают или полезны обществу куда больше. Но Земля — огромная планета, так что нет смысла шарахаться от любой тени. Так из дому не выйти, не говоря уж о том, чтобы пройти славный и долгий путь! Да, я большой, неуклюжий, иногда суетливый, косноязычный и громкий. Зато внутри меня — всё как полагается: широкий кругозор, бабочки и лось Валера. Я знаю свои возможности, хорошо их изучил. Люблю читать, люблю смотреть кино, люблю прекрасные вещи и картины, вкусную еду. Далеко не всегда люблю людей, но это мне кажется нормальным состоянием: не все могут непрерывно вынимать из себя и отдавать.

Я пробовал, честно говоря — почти 10 лет просидел безотлучно в транс-сообществе, собирая по Интернету информацию,

изучая её и передавая дальше. Хотел быть полезным людям, и у меня это получалось. Но переход утрачивает актуальность, слава Богу — постфактум хочется быть не главным покорителем вершин, а самим собой, со всеми плюсами и минусами, особенностями, слабостями и эмоциями. Толкаться в нём могут те, для кого вопрос актуален. Вначале очень важно ощутить поддержку и братское/сестринское плечо, свою принадлежность к «стае», особенно когда ты в таком меньшинстве перед всем негодующим или недоумевающим миром. А потом можно спокойно стоять в галерее портретов, обсуждать появление в доме котёнка или рабочие проблемы, и высказывать свою гражданскую позицию в случае необходимости.

Меня принимали и отрицали. Серьёзно, я видел человека, чьи воззрения были перевёрнуты с ног на голову тем, что я вообще существую. Вот мне самому как-то не приходилось стыдиться того, что я — FtM. Тяжело было. Непонятно и обидно, почему нельзя было без этого обойтись — тоже. Я завидовал тем, кто не думает о вопросах гендера 24/7, пока не вытащат занозу. А потом перестал. Ведь ни один из этих моментов меня полностью не определяет. Я живу не потому, что я мужчина. Или потому, что я белый, или живу в России, или люблю джаз и виски с яблочным соком. Мне просто удобно быть именно так, а не иначе. Не исключено, что я изменюсь. И я научился относиться к этому спокойно. Я человек. Я умею за себя постоять и в случае необходимости помочь другим. Мы не бесправные! Не должно быть так, чтобы из-за отличий терялось вдохновение, нарушались границы, ущемлялась чья-либо безопасность или возможности.

Вообще говоря, самую умную мысль насчёт смелости бытия собой высказала одна пожилая черная женщина из книжки: «Каждое утро, пока не помрёшь и тебя не закопают в землю, тебе придётся принимать это решение. Тебе придётся спрашивать себя: “Собираюсь ли я поверить в то, что сегодня эти дураки скажут обо мне?”».

* * *

их было двое
в средние века
первому не молились
о нем не вспоминали
боялись что господь
перепутает адресата
с ним говорили только те
кому было нечего терять
и неоткуда ждать помощи
нас было двое
двадцать лет никто
не говорил со мной
теперь же те кому нужна другая
смущённо кладут трубку
решив что ошиблись номером
и никогда
не перезванивают

Моя история началась в 6 лет — когда я понял, что вырасту и не стану мальчиком.

Так мне сказала мама. Наш разговор на тему «кем ты хочешь стать?» закончился для меня трагично. Я всегда знал, что я мальчик, но думал, что все дети так растут, поэтому смиренно ждал, когда мое тело станет меняться. И оно менялось... но не так, как надо, а разрушая меня изнутри.

Шли годы, я не мог смириться. Первая любовь к девочке, первый обман, я носил короткую стрижку, играл с друзьями — исключительно мальчиками — и верил, что однажды я стану таким же, как мои друзья — мальчиком. Моя мама не понимала меня, она уверяла, что всё это глупость и пройдет с годами.

Моё уважение к матери было велико... Я рос в лихие девяностые, когда ни у кого не было денег, и я уверен: так, как я жил, в эти годы жила большая часть России. Голод. Моя мамка не могла позволить себе купить нам одежду — и мы с братом ходили в летнем зимой. Представляете себе сибирские морозы? До школы и назад в 45 градусов мороза в «парусинках». За несколько лет это стало для меня привычным, закалило моё тело и мой характер. Постоянная нужда и голод делали из меня совсем другого человека. Мы были одни. Мамка нас воспитывала как могла. У меня не было отца, и родственники жили точно так же, впроголодь — потому и помощи просить было неоткуда... Слава Богу, всё позади. Но в эти годы я так врос в уважение к матери — видел, как она стоит зимой и летом на улице в холод, на рынке, чтоб хоть что-то заработать, чтоб хоть как-то содержать нас — это не высказать. Уважение к родителям либо есть, либо его нет. Она и её слово всегда было авторитетом для меня. Хорошая она

женщина... Она из тех женщин, которых хочется поставить на полку в шкаф и сдувать пылинки. И эта хрупкая женщина шла напролом — пытаюсь сделать так, чтоб мы были счастливы. А потому её слова часто звучали у меня в голове. Я всеми силами пытался смириться. Внушал себе, что я женщина, что скоро всё кончится, что это просто какая-то болезнь.

Годы шли. Ничего не менялось. Я просто глубже уходил в себя.

В 17 лет я познакомился с парнем. И он от интереса ко мне — видя, как я себя веду и как выгляжу — стал частым гостем в моём доме. Я уверен был, что им руководил азарт: изменить меня стало его навязчивой идеей. Мама была очень рада его появлению. Она говорила, что всё наладится, когда я выйду замуж и рожу ребёнка, и я верил. Наша «мужская дружба» переросла в отношения. Мне никогда не нравились парни, и я даже представить себе такого не мог... всегда видел себя с женщиной, с женой, но никак не с парнем. Для меня это было неправильно — но всё моё тело показывало, что так должно быть: ты ж девочка. И мама со своим «всё пройдет, роди ребенка»...

И я родил. В 21 год я стал матерью замечательной дочки. Но после её рождения мы разошлись: я не смог. И уехал жить на юг. Так вышло, что там за мной начал ухаживать ещё один «экстремал». Мне было уже 24. И моя мама попросила ещё один шанс. «Попробуй ещё раз, и если нет — я больше не буду ни о чём тебя просить».

Я не знал, что возможна коррекция пола. Я не видел ни одной передачи и даже не знал, что есть другие — такие как я. Я был полностью уверен, что у меня что-то типа шизофрении, что тут либо молчать, либо в сумасшедший дом. У меня не было интернета и знакомых, и я держал своё «шизо» в себе — медленно умирая и теряя интерес к жизни... Только моя дочка стала светом для меня, ради неё я всё ещё мирился с собой, чтоб она была горда

мной, не чувствовала себя странно, рассказывая своим друзьям, что её мама — мальчик.

Я изменился. Отрастил волосы и стал красивой мамой, как мечтала моя дочка. На юге я опять вышел замуж, это был мой второй мужчина и мой второй брак. Все его друзья говорили ему и мне в лицо, что я женщина их мечты: я не психую, не скандалю, не названиваю ему, если с работы он не пришёл домой, я отпускаю его на все гулянки — ну и, конечно, внешне. «Звезда — звездее не бывает».

Спасибо, конечно, но эта звезда сходила с ума каждый раз, как видела на улице женщину. Я представлял, как бы все было, если б мужчина внутри меня наконец-то освободился.

Вскоре у меня родилась ещё одна дочка. После её рождения я как будто сорвался... я больше не мог. Моё состояние можно было сравнить со взрывом. Я понял: либо я меняюсь как-то, либо прыгаю с крыши. Разумеется, я бы не прыгнул, теперь у меня были дети, но я был на грани суицида. И как раз тогда мы купили ноутбук, и мой муж познакомил меня с интернетом. В одну из ночей я стал гуглить, и то, что я увидел, навсегда изменило меня и мою жизнь. Я понял, что таких, как я — миллионы. И они живут! Меняются! Это всё возможно! И я не один, я не псих! Я могу жить, как я всегда мечтал — мне больше не нужно притворяться.

Когда мелкой исполнился год, я состриг волосы. Я перестал носить платья и каблуки. Дома начались проблемы из-за моего вида. Мы быстро разошлись, и я остался один с детьми. Подруга, которую мне подарил юг, поддержала меня во всём, во всех моих мечтах и планах. Я решил: пошёл в аптеку, купил тестостерон и сделал свой первый укол. Это было 29 июня 2014 года. День моего рождения, день, когда я набрался сил и решил для себя, кто я и какой теперь станет моя жизнь. За два года я прошёл комиссию в Москве, пережил три операции. Я менялся, и это делало меня

счастливым. Я больше не притворялся, я был собой. Мы накопили денег и переехали в Краснодар — я, мои дети и моя подруга. И жизнь началась.

Пришло время менять документы. Я был разведён уже год, но боялся идти в ЗАГС. Когда я набрался решимости и пришёл туда, начальник ЗАГСа сказала мне: «А вы не боитесь, что у вас могут детей забрать?» Эти слова сломали меня. Я не знал, куда мне деваться. Я, как мог, бился эти годы, меня не брали на работу. И теперь, когда я вообще не похож на женщину и даже не могу переодеться в женщину — куда мне деться? У меня двое детей. Их отцы не знают, каким я стал. Отец старшей дочки отказался от неё сразу же после развода. Десять лет его не было в нашей жизни. Младшей дочкой её отец интересуется и звонит ей, но не знает про меня, и в чём я точно уверен — если он или его семья узнает, дочку отберут.

Шли годы. С момента моего перехода прошло почти четыре года, и я больше не мог тянуть с судом. Я собрал вещи и поехал в Сибирь, чтобы там закончить то, что начал. Я набрался решимости — огромное спасибо юристам из Право-Транс, которые дали рекомендации, юристу, который составил иск!

Я не знаю, что будет, но молюсь каждый день, чтобы моих детей оставили со мной и удовлетворили иск. Чтобы я мог получить новые документы, мог работать и воспитывать своих девочек в достатке, чтобы мог вернуться в Краснодар и продолжить свою, теперь уже ничем не омрачённую жизнь.

Я хочу быть свободным.

ТЕЛЕФОННАЯ БУДКА

...Тогда я обнаружил, что мне надо что-то очень важное про себя объяснять, чтобы быть понятым. Для меня это много значит. Когда меня не понимают, когда принимают за кого-то другого, я чувствую себя странно. Эй, вы с кем сейчас разговариваете?

Поэтому раз за разом мне приходится объяснять, что я не это, и не это, и не то. И тогда я сам начинаю терять себя: кто же я, если я не это, не это, не это?

Однажды в большом паломничестве я разговаривал со священником. Мне было важно быть услышанным, быть понятым. Я хотел быть там весь, а не только своими вежливыми и приемлемыми для общества частями. Поэтому я говорил.

— А когда ты моешься в душе, ты испытываешь отвращение к своему телу?

— Нет...

Это тело — оно совсем не про меня, как костюм зайчика с затянувшегося утренника. Мне трудно выглядывать из него и сообщать о себе миру и людям. Но отвращение — это слишком сильно сказано, и потом, отче, ведь мне его дал Бог?

— А ты можешь выйти на пляж топless?

— А... эмм... Нет.

Но я ведь понимаю, отче, что это... Что я выгляжу вот так. Не так, как надо. Это не будет то, как я хотел бы выглядеть на пляже. Это будет совсем про другое, про кого-то другого, не про меня. Меня ещё больше не будет видно!

— А вот если бы ты действительно была транссексуалом, ты бы

чувствовала отвращение к своему телу и не стеснялась бы выйти на пляж топless.

Год спустя мы встретились снова, на той же трассе.

Между встречами я успел позвонить на телефон доверия, я об этом отдельно расскажу.

Так вот, мы встретились снова, на том же асфальте, мы шли в том же направлении, и я сказал, что мне было очень тяжело пережить этот год.

— Я не думал, что это у тебя серьёзно,— ответил он. — Я думал, ты начиталась. Сейчас много про это пишут.

Асфальт расточился под моими ногами, я повис в пустоте.

Я еле дождал до утра однажды, где-то через неделю после того, как вернулся из первого паломничества. Я вышел в темноте на перекрёсток — тогда не было мобильных телефонов, по крайней мере, ни у кого из моих друзей их ещё не было. Не было и у меня. И домашнего телефона там, где я жил тогда, тоже не было. Но на перекрёстке, на пересечении двух маленьких улочек, укрытых старыми липами, стояла телефонная будка. Это был старый район, рядом с пустырями и заросшим оврагом. Там было небезопасно гулять по ночам. Но мне было опасней дома, в одиночестве. Я не был уверен, что дотерплю до утра. Нет, я не планировал самоубийства — пока ещё не планировал. Но боль была так сильна, настоящая боль в груди, посередине, такая горячая и острая, так сильна, что я не мог уже её выносить. Я был почти готов избавиться от неё любым способом. Мне казалось, что я и так уже умираю. Просто от боли.

Тогда я нашёл бумажку с записанным на всякий случай номером телефона доверия и вышел на перекрёсток, к телефонной будке. Не самое подходящее место для разговора с психологом, конечно. Однако другого места не было. Глубоко за полночь в

моём городе мне больше негде было искать... Здесь я останавливаюсь и спрашиваю себя: чего я искал? Утешения? Поддержки? Или мне просто надо было пожаловаться на боль? Быть услышанным? Быть замеченным? Получить подтверждение того, что я есть?

Мне ответила женщина. Я не знаю, как её зовут, не знаю, сколько ей было лет, как она выглядит, кто она и как оказалась на том конце провода.

Я сказал ей, что не могу говорить о себе в женском роде. Не могу думать о себе как о женщине. Что я старался. Что я вот недавно вернулся из паломничества, что сейчас я одет в юбку и блузку, и это — да, красиво, я понимаю, что это красиво, у меня красивая женская фигура, и если смотреть снаружи, эта одежда мне идёт. Но это не про меня. Это не я.

Я сказал, что мне очень трудно, я не могу выносить это и не знаю, что мне делать. Я не хочу становиться нормальной женщиной, но я не знаю, как мне быть, и мне так больно...

Я говорил, и тут связь оборвалась, но только с моей стороны.

И она стала звать:

— Девушка, девушка! Алло! Девушка, я вас не слышу!

В её голосе было настоящее беспокойство. Но мне показалось, что она не слышала меня гораздо раньше, чем заметила это. Я положил трубку и пошёл домой — через перекрёсток под липами, в длинной юбке в складку и белой блузке, тёмной ночью, один.

Я не помню, что я делал потом. Просто сел и сидел. Потом уснул.

А он мне: я думал, ты просто начиталась.

Короткие волосы, комбинезончик, лучезарная улыбка и крепко сжатая в руке машинка... Тогда я не упускал ни одной стены, не проехавшись по ней гладкими железными колёсами. Радостно запрыгнул на качели, крутя в руках с трудом выпрошенную у мамы игрушку. Сама мама сидела на скамейке неподалёку, улыбаясь незнакомой мне девочке. Девочке... В то время я не думал о гендерных стереотипах. В то время мне было лишь четыре.

Мне уже пять. Я сижу в исключительно мужской компании, в руках — два камушка. Я слышал, если тереть их достаточно долго, можно разжечь костёр... Надо попробовать. Мальчику рядом со мной начинает казаться, что у него получается, мы все тянемся к нему... Зря, конечно.

Через год мы уже старшая группа. Я уломал родственников на пластмассовый телефон с Человеком Пауком... Помню, как множество раз заходил поглазеть на него. Наконец, он болтается на моей шее. Довольный, шествую к нашему шалашу. Там разгорается спор с пацаном, утверждающим, что это не девичья игрушка и, соответственно, я должен отдать её ему. Завязалась драка, ни один не проронил ни слезы... Нас растащили. На выпускной мы пошли в синяках. Несмотря на впервые за время в детском саду действительно женственный прикид, замазывать фингал под глазом я категорически отказался.

Я ежедневно избивал подушку, представляя себя Леонардо, иногда Рафаэлем... Даже сделал себе повязки, каждый вечер бегая к соседскому мальчишке, чтобы не упустить серию излюбленных «Черепашек Ниндзя». С тем мальчишкой я дрался ещё чаще. Мы устраивали ежедневные сражения в стиле любимых героев, дружно придумывали оправдания ссадинам и синякам.

Выбирались на «миссии» — на крыши, чердаки, гаражи... Зимой мы допоздна задерживались на горке, скрываясь по ней от своих «противников» и даже от самого Шредера. Даже когда бабушки приходили вернуть нас домой, мы не расходились — сбросив верхнюю одежду, бежали сражаться дальше: фишками, карточками... Иногда даже играли в отцовский плэйстэйшн — о наличии которого у себя я до сих пор мог бы только мечтать. Того парня я действительно считал своим другом...

А девочку? Девочку, которую я защищал от каждого парня. Девочку, которую я защищал от всего в принципе. Которой дарил маленькие, но значимые для меня подарки. Которой сделал предложение, вызвав многочисленные шутки наших мам. С которой танцевал на выпускном, с улыбкой держа её за руку.... Прекрасная детская симпатия. Думаю, я мог считать её другом.

К первому классу наше с ней общение прерывается. Я создаю свою «бандитскую» группировку... Я, скрывшись от воспитательницы, бегу за веранду. Вижу, как одного из наших почти повалили на горку листьев. Вижу, как он проигрывает сражение прутиком. Подбегаю, атакую... Противник повержен. Подаю руку парнишке, с улыбкой ловя его «спасибо». В школе я опять привязываюсь к девочке — мелкая, милая... идеальная. Защищаю её от «врагов» с уверенным «беги, я их задержу!» Чувствую себя героем. Делюсь с ней вкусняшками, показываю фокусы...

Второй класс. Почему-то всё резко меняется. Никто не хочет общаться со мной. «Ты же девочка, хватит вести себя так». К чёрту! Я тот, кем являюсь! Я справлюсь... Наивный.

Вскоре у меня остались только бродячие животные — я приносил им свою еду из столовой, тратил на них все деньги, гулял с ними. Придумал свой сказочный мир — по типу «Котов-Воителей», но предводителем был уже я. Я общался с животными и много читал, сидел за компьютером, занимался спортом, ходил в

началку, обожал стрельбу, учился верховой езде... Обманывал мать, говоря, что гулял с друзьями... А друзей не было.

Наконец, нашёл компанию. Гаражи, драки, команды... Создал свою команду. Взял силой, в прямом смысле этого слова... Наслаждался своей властью. Был обычным пацаном на улице, а официально и с родителями — визуально вроде как девочкой. Чуть позже нашёл друга — мальчишка был в курсе моих уличных проделок, явно побаивался меня. Разговорились. Сдружились, я стоял за него горой, звали друг друга братьями — хотя он, конечно, был в курсе моего акушерского пола... Я вновь, как и в первом классе, заговорил о себе в мужском роде — пусть и только с друзьями.

Несмотря на идеальный результат экзаменов я, по собственному желанию, перешёл в обычную школу. Хватит быть изгоем, стоит влиться в общество... Я перенимал все лучшие качества у местных заводил. Учился смеяться над собой, учился улыбаться, сдерживать агрессию... Пора.

Практически все мальчишки относятся к девчонкам как к ничтожеству. Исчезает привычное мне «мужское» общение. Пытаюсь слиться с девочками, гуляю с ними... Скучно. Их темы скучны и непонятны для меня, они другие. С завистью смотрю в сторону пацанов. Чуть не избил одноклассника, решившего открыть передо мной дверь и понести мой портфель... Объявляю, что так он может относиться к девчонкам...

Стоп, «девчонкам»?

Оглянись, парень. Ты вводишь всех в заблуждение... Так не бывает, ты вводишь в заблуждение себя. Хватит. Изменись. Тебе нужна новая жизнь, будь обычной...

В тот же день я нацепил милые розовые шмотки, засел в компе. На глаза спадает чёлка, в динамике привычно скримают русские альтернативщики... Пабрики. Пабрики. Пабрики. Натыкаюсь на

страницу миловидной девушки, чьи музыкальные вкусы близки к моим. Пытаюсь перебороть себя, знакомлюсь... Гуляем по городу. Она, чёрт возьми, прекрасна. Низкая, женственная, с неформальными интересами, постоянно стесняется... С лёгкостью веду беседу, постоянно улыбаюсь. Не хочу домой, не хочу её отпускать...

«Друзья, — убеждаю себя я. — Дружеская симпатия», — повторяю я по дороге домой, всё ещё не в силах перестать улыбаться.

Ночью мне снится она... Она чем-то расстроена и чуть ли не плачет. Я секунд десять хмурюсь, наблюдая. Приближаюсь к ней, утягивая поцелуем... Настоящим поцелуем — по сути, первым для меня...

Я просыпаюсь. Окрыляющая радость, никакого отрицания — влюбиться в девушку для меня было нормой.

В следующий месяц я начинаю осознавать, насколько всё сложно. В следующие полгода узнаю, что она влюблена в моего друга. Депрессия. Действительно затяжная депрессия. Порезы чем угодно и где угодно, начинаю курить, тушу о себя сигареты... «Хотел быть нормальным? — ухмыляюсь я сам себе, в очередной раз разбивая костяшки рук о стену, — Видимо, не вышло».

Снова говорю о себе в мужском роде. Отказываюсь называть себя лесбиянкой: просто «по девочкам» — не более и не менее того. В крайнем случае — «бисексуал, предпочитающий тян в десяти из десяти случаев».

С внешностью повезло. Волосы никогда не спускались ниже плеча, андрогинный вид — абсолютно мужская грудь, общая худоба и повышенный уровень тестостерона, создающий немалые проблемы с щитовидкой... Меня нельзя было назвать парнем — но всё же «исходник» был превосходным.

Несмотря на это я слышал постоянное: «ты растёшь, становишься

девушкой...», «Вот родишь собственных детей...», «Когда у тебя появится парень...»

Парень. Я и сам парень — тогда я и осознал, со всей уверенностью и серьёзностью. Ночь я провёл в поисках информации — благо, в интернете были сведения. Вспомнил похожие случаи из историй «Дети 404», нашёл термин... Было около пяти утра. «Чёрт возьми, не ошибка. Есть и другие... Плевать! Хватит жить по их стандартам. Будь тем, кем всегда хотел быть...»

Я начал с волос — тихо пробрался за ножницами, оповестил свою девушку... Десять минут — состриг под затылок. Пятнадцать — взлохматил, из нетронутых осталась лишь эмовская чёлка. Начал собирать деньги, закупался в секундах — медленно, но верно променяв унисекс на мужской отдел.

«Вот, пацан. Теперь хоть понятно, с кем ходим».

«О, брат. Красава! Ребят, он нормальные джинсы купил! А то помните? Как педик ходил».

Сейчас бы я счёл это за грубость, тогда... это было лучшим комплиментом для меня. По шесть раз за день я слышал «Нет, точно пацан! Ну ты посмотри, не может быть бабой!», по шесть раз за день я улыбался.

А девушки всё упорней обсуждали месячные. Я наблюдал, как округляются их фигуры, как они всё разительней отличаются от мальчишек. Тогда же я получил от эндокринолога рецепт на нормализацию щитовидки гормональным препаратом — пил его при матери, отношения с которой становились всё хуже... И тут я начал понимать, что гормональный фон действительно меняется. Более женственное, менее прорисованное лицо, исчезающая венозность и — самое ужасное для меня — развитие молочных желез. Буквально пара сантиметров, больше похожие на начало мужской гинекомастии, были мной приобретены в сумме с прогрессирующей дисфорией. Ненависть к себе и своему телу,

ненависть к врачу, ненависть к жизни и людям... Я начал утягиваться — почти нечего, а всё равно приходилось. Огромный страх перед месячными, которых, на моё счастье, ни разу так и не было.

Школа превратилась в грёбаный ад, где каждый умудрялся назвать меня паспортным именем, чтобы понаблюдать за реакцией. Каждый умудрялся сказать, что мне не быть парнем. Каждый напоминал, насколько я ненормален.

Вернулись суицидальные идеи... Появились пищевые расстройства, я заметно схуднул — ниже нормы... Следующие восемь месяцев я провёл в депрессии. Дальше — хуже. Ненамеренный камин-аут перед матерью, вынужденные уходы из дома... Ночевать на крыше весной? Легко. В неотапливаемом подъезде зимой или у абсолютно незнакомого человека осенью? Проще простого.

Всё ещё увеличивающаяся дисфория, курение пачками, бесконечные синяки и шрамы, нужда объяснять всем, кем я являюсь. Непонимание...

«Ты же умрёшь», — как-то пробормотала знакомая, без труда обхватывая мою ногу, — «Ты питаешься алкоголем и таблетками, селф-хармишь и не хочешь жить... Это только из-за того, что ты, ну, транс?» Тогда я лишь хмыкнул, вытянув средний палец и предложив вместо разговоров сыграть в бутылочку... Я был сломлен. Трансфобией, дисфорией... Я просто жил на полную — хоть и знал, что долго так не протяну.

И вдруг... я решил выбираться. Из-за упрямства, скорее всего. Я мог выглядеть тощим и умирающим мальчиком, но не проявлял это в эмоциях. Либо улыбка, либо ничего. Всегда, начиная с детского сада, я не позволял себе слабости — ни физически, ни морально... Смерть во имя проблем и гендерной дисфории? Серьёзно?

Я начал осознавать ценность собственной жизни тогда, когда я

начал пытаться жить. Когда я на свой страх и риск начал гормональную терапию — что по сути спасло мою жизнь. Итого — восемь месяцев на тестостероне. Внешние изменения, спавшая дисфория, отсутствие депрессии. Банальная радость от взросления — о чём я даже не мечтал раньше...

Сейчас я всё ещё в выпускном классе. Чувствую, что у меня нет родителей — хоть я и старался быть прекрасным сыном, воспринимали они только дочь. Просто не замечали того, что творилось до внешних изменений. Просто не видели настоящего меня. Понимаю, что у меня нет и не будет материальной поддержки. Понимаю, что с нарастающим пассом и старыми документами мне проблемно даже арендовать квартиру. Понимаю, что дальнейшее поступление в учебное заведение будет более чем проблематичным — не уверен, смогу ли я заявиться с женским именем, обрекая себя на дальнейшие объяснения, что к чему.

И не смотря на всё вышеперечисленное — сейчас я позиционирую себя обычным парнем. Возможно, с некоторыми проблемами в официальном и медицинском плане — но парнем. Считаю ли я себя запертым в женском теле? Нет. Оно — мужское, пусть и с некими аномалиями.

Родителям стоит принимать своих детей с их гендером, ориентацией, увлечениями и прочим — возможно, вы рассчитывали на другое, но они всё же ваши дети. Нам и самим стоит принимать себя такими, какие мы есть. Мы — не ошибки. Мы должны заботиться о себе, относиться к себе как кому-то, действительно нам важному.

Вы прекрасны, вне зависимости от всего. Вы прекрасны и достойны жить. Плевать, насколько это сложно. Нет «настоящих» и «ненастоящих», есть лишь стереотипы и мы сами. Нет ничего, определяющего ваш гендер, кроме вас самих. Каждый здесь со своей историей, было бы неплохо эти истории уважать.

Мы должны стать теми, кем мечтали. Мы справимся. Плевать на мнение большинства, плевать на стереотипы. Это ваша жизнь, цените её. Достигайте своих целей, будьте собой.

Всё наладится.

РАЗДЕЛЕНИЕ

НА ДВА

Творчеству не важно, кто ты, какой твой облик, раса, возраст, гендер, ориентация. Какой чай ты пьёшь, за интересы кого ты готов бороться и что радует твой глаз при разблокировке экрана телефона.

Я отчаянно зависим от творчества. Для меня важно вкладывать в него часть себя. Быть правильно понятым.

Но. Окружающие ставят ярлыки. Так принято. Делить все вокруг на 'мужское' и 'женское'.
Я человек,
а не [представитель биопола].

Как насчёт воспринимать прежде всего внутреннее содержание этого тела? То, что зовут душой?

Хочется сиять, вдохновлять, причинять радость, заниматься интересными проектами... но опускаются руки.

Хочется **быть принятым**.

Иметь возможность выразить себя таким способом, который вызывает резонанс внутри.
А пока...

Я танцую.
Борясь с собой.

Привет! Меня зовут Ди, и я идентифицирую себя как квир, но периодически ощущаю себя «в активном гендерном поиске» и склоняюсь к тому, что я транс ФТМ. Считаю, что транс-идентичность как-то определённое и яснее, чем квир-идентичность, но она в то же время ставит рамки. Ну, грубо говоря, слово «транс» более-менее понятно обывателям, а «квир» — что-то абсолютно новое, непонятное, «понавешали на себя ярлыков, это все мода, это все пройдёт». Эту фразу про моду и «пройдёт» я, как, наверно, каждый представитель какого-либо меньшинства, слышу очень и очень часто. Наверное, во многом потому, что я сейчас ещё учусь и не имею возможности полностью фильтровать окружение или слишком уж откровенно посылать глупых людей.

ОКРУЖЕНИЕ

В целом я не жалуясь на своё окружение. Я учусь в весьма приличном заведении. Скажем так, совсем маргинальных элементов у нас нет (или в меньшинстве как раз они), и знакомые по учёбе воспринимают мой внешний вид, поведение и взгляды вполне спокойно. Иногда задают разные вопросы. Об ориентации, о том, не хочу ли отрастить себе волосы и носить юбки, спрашивают, что у меня за бельё такое (об утягивающих бюстгальтерах/биндерах), интересуются, были ли у меня девушки или парни, как к моей внешности относятся родители... Отвечаю по-разному, в зависимости от настроения.

Среди феминисток, особенно радикалок, бытует мнение, что разжёвывание теории «мимокрокодилам» — это эмоциональное обслуживание и вообще злое зло. Я не то чтобы совсем уж отрицаю этот тезис — конечно, никто не обязан кому-то подробно отчитываться о своих взглядах в своё личное время — но в то же время считаю, что если люди по-доброму интересуются, стоит

им попробовать хоть что-то объяснить. Спокойно, без радикализма и срочных призывов вместе идти на баррикады или строить постгендерное общество. Собственно, так я обычно и делаю — рассказываю удивленным знакомым, что не считаю себя ни девочкой, ни мальчиком, а считаю чем-то средним, могу любить людей вне зависимости от их гендера, волосы отрастить не хочу, и так далее. Знаю, что они это потом обсуждают между собой. И наивно и искренне верю, что когда-нибудь тема гендера заинтересует их глубже, а там дальше и феминизм, и острые социальные проблемы. И всё потому, что я их не послал куда подальше, когда они докопались с вопросами. Конечно, это достаточно утопично, но я всё равно не теряю надежды. Наверное, у каждого из нас был переломный момент, переломный человек, переломное что-то, после чего всё начало меняться. Надеюсь, что стану для кого-то таким переломным человеком и помогу разобраться в себе.

Многие считают, что транс*люди, нон-бинарные и прочие «не такие как все» общаются только с себе подобными в своих закрытых группах и неформальных компаниях. Мол, создали себе уютненькие «мирки» и стали совершенно не приспособлены к реальному миру. Мнение это, по-моему, достаточно глупое. Конечно, транс* и квир-люди вряд ли будут дружить с заядлыми патриархалами, ксено- и прочими фобами. Но та или иная ориентация и идентичность вовсе не обязывает человека общаться только с людьми своей ориентации и идентичности! Другое дело, если человек сам выбирает для себя безопасные пространства и группы единомышленников. Я это не осуждаю, но для меня такой путь, честно скажем, скучен. Среди моих друзей есть разные люди. Транс* из них всего один — и то он мой старый друг, мы были знакомы ещё задолго до его камин-аута. Моих друзей объединяет открытость ко всему новому и толерантность, а увлечения, политические взгляды и прочее может и различаться. Я люблю спорить и тоже открыт ко всему новому, поэтому с такими друзьями, в чём-то отличными от меня, мне никогда не бывает скучно.

ВНЕШНОСТЬ

Телесность и стиль — вопросы всегда актуальные и всегда немного болезненные для меня. Мои проблемы с телом начались в одиннадцать лет. Паблик «Типичная анорексичка», первые голодовки, первые шрамы на запястьях — всё это появилось в моей жизни очень рано и оставило большой след. Работа над принятием себя до сих пор дается мне с большим трудом и с переменными успехами. Во многом помогают различные паблики и группы ВКонтакте. Огорчает, что оплот любви к себе «Боди Позитив» имеет радфем-направленность, а многие ФТМ и квир паблики поддерживают культ качалки. Мечтаю о каком-нибудь транс- и квир-инклюзивном «Боди Позитиве», может, когда-нибудь даже сам возьмусь...

Ещё я мечтаю о супер-андрогинной внешности, но эстетичная в общественном понимании андрогинность подразумевает под собой удобу. Я, к сожалению, к худобе не склонен, даже наоборот, поэтому потихоньку принимаю своё тело таким, какое оно есть. И стараюсь держаться подальше как и от общепринятых стандартов красоты, так и от узконаправленных, принятых в каких-либо малых группах. Одеваюсь преимущественно в мужскую одежду — она, как по мне, просто удобнее. И часто бывает более дешёвой, более качественной, более практичной. Бывают сложности с размерами — во многих магазинах мужская размерная линейка начинается от 46-го размера, мне такие вещи подходят только как милая тёплая штука, в которую можно укутаться, или оверсайз. XS или S в типичном торговом центре провинциального города найти сложновато, а если находишь, то это фактически и есть этот злополучный 46-й. Выход я нашел простой: интернет-магазины. Asos, H&M, популярный ныне Алиэспресс — там можно найти и XS, и XXS, и мужскую обувь 37-го размера (мне в этом плане ещё повезло — у меня 39-й). Ещё в моей жизни

большую роль играют ателье и шьющие знакомые, потому что штаны подшивать приходится почти все, да и рубашки, даже если хорошо сели в плечах и груди, могут быть предательски длинными в рукавах. Что можно подправить — подправляю. Стараюсь выглядеть стильно и опрятно. Наверное, это подсознательное желание не оправдывать грубый общественный стереотип о том, что «мужиковатые бабы всегда страшные и неаккуратные».

СПОРТ

Я тут упоминал культ качалки, замеченный мной в некоторых ФТМ-сообществах. Сам я, кстати, тоже занимаюсь в зале — правда, не в таком, куда приходят брутальные дяди тягать штангу, а в лечебном. Но фактически — та же качалка, но с направленностью в первую очередь на здоровье, а не на внешний результат. Я придерживаюсь принципа «не страдать и не перевозмогать, а делать всё в удовольствие». Когда-то пробовал ходить в нормальную качалку и перевозмогать — кончилось всё тем, что я лежал в углу на коврик и нюхал нашатырь. С тех пор не рискую. Люблю ещё велосипед. С ним, конечно, иногда могу себе позволить забыться и накататься до состояния беспамятства, потому что это нравится и вдохновляет, вселяет силу, желание жить и что-то делать. Для меня такие чувства очень важны, как и, наверное, для любого человека.

ПРОЧЕЕ

Могу ещё о себе рассказать, что у меня есть проблемы с ментальным здоровьем. На сегодня в наличии одна клиническая депрессия и одно смешанное расстройство личности. Долго на этом заикливаться не буду, потому что эти вещи не связаны с транс* и квир-опытом, но скажу, что очень важно, если

чувствуешь себя неладно, обратиться за помощью. Я обратился — и мне повезло. Моя психотерапевт относится спокойно ко всем аспектам моей личности, к её квивр-части в том числе, поэтому терапия приносит ощутимые результаты.

Ещё хочу написать о важном: о том, что помогает мне вернуть силы к жизни в трудные минуты и идти дальше. В первую очередь, это понимающие люди вокруг. Не обязательно мои друзья — хотя они тоже классные. Это могут быть люди из пабликов, могут быть известные люди и их замечательные вдохновляющие речи, могут быть и авторы тех статей, которые надолго западают в душу и заставляют задуматься обо всём. Люди вокруг нас — это неисчерпаемый источник идей, вдохновения, мыслей. Есть люди, которые заставляют светиться. Те, чьи слова вселяют веру и надежду в то, что мир нас примет и изменится. Во-вторых, я стараюсь больше прислушиваться к себе и жить в гармонии с собой. Это помогает чувствовать себя лучше и спокойнее, ощущать безопасность. Стараюсь не заставлять себя что-то делать насильно. Стараюсь с уважением относиться к своим чувствам и эмоциям, не обесценивая их, не считая их и себя неважными. Поначалу идея о том, что ты важен, твои эмоции важны, ты не обязан страдать и преодолевать, может показаться странной. Но если как следует задуматься над этим и порефлексировать, то она со временем приживётся, и станет легче. Честно. Обещаю.

Ещё, по-моему, во всём мире и в России тоже имеется тенденция к развитию понимания, толерантности, принятия. Конечно, у нас эти вещи продвигаются медленнее, чем в Европе, но я, общаясь с множеством молодых людей, могу сказать, что они... хорошие. Да, хорошие. Как и любое поколение, они вобрали что-то плохое от своих родителей, несут в себе детские обиды и переживания, делают ошибки, но они не потеряны, они не безнадежны. Они гораздо ближе к пониманию и принятию, чем предыдущее поколение. И это хорошо.

Я долго не могла определиться, что рассказать. Историй, произошедших со мной за эти годы, было очень много. Я расскажу о трёх женщинах, которые повлияли на моё становление. Их роль не всегда была однозначной, но они всегда были рядом и оказывали либо поддержку, либо... Как бы это мягче сказать... Ну, в общем, совсем не поддержку.

МОЯ МАМА

Изначально я обратилась именно к ней. Меня тогда ещё мучили сомнения в том, надо ли начинать гормональную терапию. Я рассказала ей всё как есть. Первая её реакция была, конечно, шоковой. Она ничего не стала мне ничего доказывать, но было видно, что она беспокоилась. Я тогда жила в загородном посёлке и приезжала к ней на выходные. В очередные выходные, когда я приехала, это началось. Мама даже не поленилась узнать у нашей родственницы, медработника, кое-какую информацию о гормональных средствах. Правда, всё, что она узнала, было просто набором штампов. Она начала мне говорить, что транссексуалы живут меньше, и что это ужасно, полный кошмар. Я её выслушала и постаралась всё объяснить. Во-первых, я сказала, что на самом деле никто такую статистику не ведёт, а во-вторых, почему среди транссексуалов такая высокая смертность? Из-за неприятия их прежде всего их семьями. После этого состоялся ещё один очень длинный разговор, где я приводила все аргументы в защиту транссексуалов. Мы ещё не раз возвращались к этому разговору. Надо сказать, что операция стала возможной только благодаря ей — моей маме.

ДИРЕКТОР

Когда я пришла устраиваться на работу — а работаю я в очень солидной фирме — я уже была готова к тому, что мне дадут от ворот поворот. Офис находится в Москве, я прошла с ними собеседование, но оставалось ещё одно маленькое событие: надо было пройти собеседование здесь, в Ростове-на-Дону. Здесь всё зависело от директора, как она скажет: да или нет. Я пришла. Надо сказать, что устраивалась на работу я ещё до операции и, соответственно, до смены документов. Мы встретились с директором, она описала требования к работе. И потом сказала, что относится к таким людям как я нейтрально, лишь бы не было конфликтов с сотрудниками. Берут меня или нет, я ещё не знала. Потом я поехала в Питер, и когда возвращалась, она позвонила мне сама. Сказала, что завтра я могу выходить на работу.

Было по-разному, иногда я выслушивала от неё несправедливые нападки в свой адрес, иногда были моменты откровенности. Но я знала: раз меня взяли — надо работать. Ещё один момент произошёл, когда нам пришли карточки банка, в котором мы получали зарплату. Я пришла в банк и, ничего не подозревая, показала им свой паспорт. В это время у меня уже была справка от врача о том, что я начала гормонотерапию и могу отличаться от фотографии в паспорте. Ко мне вышла менеджер банка. Она застыла в немой сцене! После чего она сказала, что не может мне выдать эту карту, потому что в паспорте она читает одно, а по факту видит совсем другое. После незначительных препирательств, мы пришли к компромиссному решению: работодатель с доверенностью должен был прийти и получить эту карту за меня. Хорошо, но как привести работодателя, если он находится в Москве? Я снова пошла со своей проблемой к директору. Она выслушала, сказала, что это не беда, ей надо как раз ехать в Москву, и она там возьмёт все необходимые документы. Если честно, тогда я действительно была в шоке: оказывается, мой вопрос легко решаем, надо только

захотеть. Карту я получила на две недели позже остальных.

МЕНЕДЖЕР

Изначально отношения с ней складывались непросто, она ведь является моим непосредственным начальством. Она знала обо мне всё самого начала, но относилась ко мне нейтрально. В её понимании никакой проблемы нет: я существую как женщина — что к этому добавить? Однажды мы с ней даже заключили договор, что если я соберусь уходить, то она узнает первой. Так вот, спустя время я знаю, что никуда я пока не собираюсь уходить. И во многом благодаря ей... Её человеческому отношению ко мне!

Есть ещё множество историй, о которых хотелось бы рассказать, но я пока не стану: многие из них ещё не закончены.

МИР СКВОЗЬ СИРЕНЕВЫЕ ОЧКИ

Недавно я прочитала фанфик (рассказ по известному произведению) о гендерквирном Сириусе Блэке. Это небольшой текст, не более 300 слов, к тому же в оригинальной истории мало что указывает на гендерную нон-комфортность Сириуса. Но я всё равно была обрадована и взволнована. Персонаж из любимой вселенной задает себе те же вопросы, что и я: выбор местоимений, нехватка информации, одежда, отношения с родителями.

Я хотела бы знать об этом больше. Я хотела бы прочитать о том, как Гермиона борется за гендерно-нейтральные туалеты, как какому-нибудь волшебнику тяжело находиться в «девичьей спальне», потому что он не девочка, как какая-нибудь волшебница отказывается от данного при рождении имени, вроде «Вергилиус», и меняет его на «Хана».

Для девочек и женщин мало места в книгах и фильмах. Для трансгендерных людей, особенно гендерно-небинарных — ещё меньше.

В детстве я отчаянно влюблялась в персонаж_ек двух типов: женственных мальчиков и мужественных девочек. Мне хотелось читать о тех, чей гендер не вписывался в жёсткие рамки. Мне нравились смелая Алиса Селезнева, задорная Пиппи Длинныйчулок, нежный Мио и эмоциональный Алёша (сказка «Черная курица»). В детской литературе гендерные границы не такие чёткие, и легче найти персонаж_ек, которые близки.

Но чем старше становится литература, тем чётче прорисовываются гендерные рамки. Помню, уже в университете каждый найденный эпизод гендерной игры, гендерного размытия я воспринимала как жемчужину. Я любила и до сих пор люблю поэму Байрона

«Лара», в которой девушка переодевается оруженосцем, чтобы защищать любимого. Хотя это скорее примета времени.

Мне были интересны переодевания Симплициуса из романа Гриммельсгаузена, хотя это был литературный приём, и превращенная в мальчика Озма — принцесса страны Оз.

Отдельной отдушиной стало аниме. В силу культурных традиций Японии гендерные игры здесь не редкость, что не отменяет трансфобии. Но для такого осмысления нужен глубокий анализ, а мне в подростковом возрасте хотелось близк_ую мне персонаж_ку, с котор_ой хотелось бы себя ассоциировать. И е_ю для меня стал_а Сейю Коу из «Сейлор Мун». В аниме Сейю в земном обликии — мальчик, а в звёздном – девочка. Этот момент никак не объясняется, а просто подается как данность. Эта личность многим сломала мозг (мальчик или девочка, гадали фанатки) и многим стала поддержкой. Сейю был_а моей любовью, потому что в этой персонаж_ке я находила ответы на свои вопросы. И это был первый случай, когда я узнала, что есть кто-то ещё, пусть это был_а лишь выдуманная геро_иня.

В кинематографе положение было не лучше. Хорошо я помню только фильм «Парни не плачут», который хоть и отвечает на некоторые вопросы, всё же рассказывает одну очень драматичную историю.

Мне кажется, я нуждалась в историях больше, чем кто-либо вокруг меня. И я уходила в них с головой, представляла себя частью этих историй. У других, более нормативных детей, такой потребности не было. Все сказки и детские фильмы были для них. В конце концов, в американских подростковых фильмах можно было встретить ответы на вопросы, как выбрать костюм на выпускной, что делать во время девичника, и о других проблемах взросления. Но никто не рассказывали, что делать мне, если я ни мальчик ни девочка.

Поэтому я любила каждую историю, в которой для меня было место.

С «Левой рукой Тьмы» Урсулы Ле Гуин я познакомилась, когда какое-то мироощущение и позиция у меня уже были сформированы. И всё равно это было открытием для меня. Это как Шоколадная фабрика для Чарли. Эта история вдохновила меня. Я слышала, что её называют «настольной книгой квиров».

«Левую руку Тьмы» часто критикуют за андроцентризм, в частности за использование местоимения «он». Да и сам мир планеты Зима не идеален. Но по сравнению со всей остальной литературой это бриллиант. Сложно описать, что испытываешь, когда находишь настольку близкую историю. Я была влюблена в Эстравена — героиню истории, в том смысле, что я хотела быть похожей на неё. Мне кажется, всю историю я пережила вместе с ней, как будто каждый её выбор был и мой тоже.

Когда я была маленькой, вокруг не было людей, в которых бы я находила ответы на свои вопросы. Но иногда я встречала таких персонажей. Я по-настоящему влюблялась в них. Иногда я стеснялась этой любви и некоторого погружения в выдуманные (да ещё и другими людьми) миры. Иногда я воображала себя близкими мне по духу персонажами. Иногда я часами разговаривала с ними в поисках поддержки и понимания. Эта часть меня, моё взаимоотношение с выдуманными историями, пожалуй, ещё более квирное, чем моя гендерная и сексуальная идентичность.

Сейчас я могу назвать намного больше небинарных персонажей и тех персонажей, что размывают гендерные границы. Я веду паблик «Мир сквозь сиреневые очки», где рассказываю о вдохновляющих трансгендерных персонах и персонажах. Сейчас я сама участвую в создании таких историй. Спустя столько лет дарю маленькой себе то, чего у меня не было в детстве.

ВСЕ МЫ - СУПЕРГЕРОИ!

Совсем недавно на мероприятии «Живой Библиотеки» меня спросили: «Скажите, а какие плюсы в вашем положении? Что хорошего в том чтобы быть транс-человеком?» Признаюсь, этот вопрос застал меня немного врасплох — я могу долго говорить о проблемах, с которыми мы все каждый день сталкиваемся, но плюсы и положительные моменты иногда бывает найти очень и очень непросто.

Тем не менее, я быстро нашла что ответить: «Могу прийти куда-нибудь и часами говорить о себе, и всем интересно меня слушать. Чувствую себя кем-то из «Людей Икс», уникальной и неповторимой».

И, честно говоря, я и вправду так считаю.

С одной стороны, когда ты очень сильно отличаешься от окружающих, начинаешь испытывать сильное давление общества — до боли хочется стать «нормальной» (что это значит и как это сделать — даже не задумываешься в такие моменты). И ещё больше к этому подталкивает то, что таких как ты почти никогда не показывают в «обычной» рекламе, например, или «обычных» передачах и фильмах, про них (нас) не пишут «обычные» книги. Про нас снимают «особые» фильмы, заикленные на теме перехода или дискриминации, а появление трансгендерного персонажа в книге делается, чтобы шокировать читателей. Не всегда, конечно, но очень и очень часто. До сих пор лицо трансгендерной модели на обложке журнала или появление транс-человека, скажем, в компьютерной игре — это повод для написания целого ряда статей, а то и для пары судебных разбирательств

с издательством.

Так вот — с одной стороны иногда очень хочется стать «обычной», «нормальной», даже «посредственной» и «заурядной», чтобы на тебя и таких как ты перестали показывать пальцем.

Но с другой стороны... когда в голову приходят эти мысли об «обычности», я всегда вспоминаю «Людей Икс», мутантов из фильмов и комиксов — многие из них ведь чувствовали себя точно так же! Некоторые из всех сил пытались скрываться и «теряться в толпе», а другие гордо принимали то, кем они являются.

Имея перед глазами такой пример, я понимаю, что я не хуже и не лучше окружающих — я просто другая. И одно то, что я отличаюсь от большинства людей, даёт мне возможность совсем чуть-чуть изменить мир: сломать шаблоны, разбить стереотипы, поставить под сомнение некоторые традиции и устоявшиеся представления о том, что «мужское» и что «женское», и наличие границы между этими двумя понятиями. Я одним своим существованием сейчас бросаю вызов то ли самой природе, то ли укоренившимся представлениям о ней. Ну вот как после такого можно не чувствовать себя героиней комиксов или звездой, сыгравшей эту героиню в фильме?

Поэтому я с радостью участвую в любых мероприятиях, где могу рассказать о себе и своём опыте. Это даёт мне повод для гордости. И это действительно, как мне кажется, самый главный плюс в том, что ты отличаешься от других.

Таки Берт. Про дисфорию и агендерность

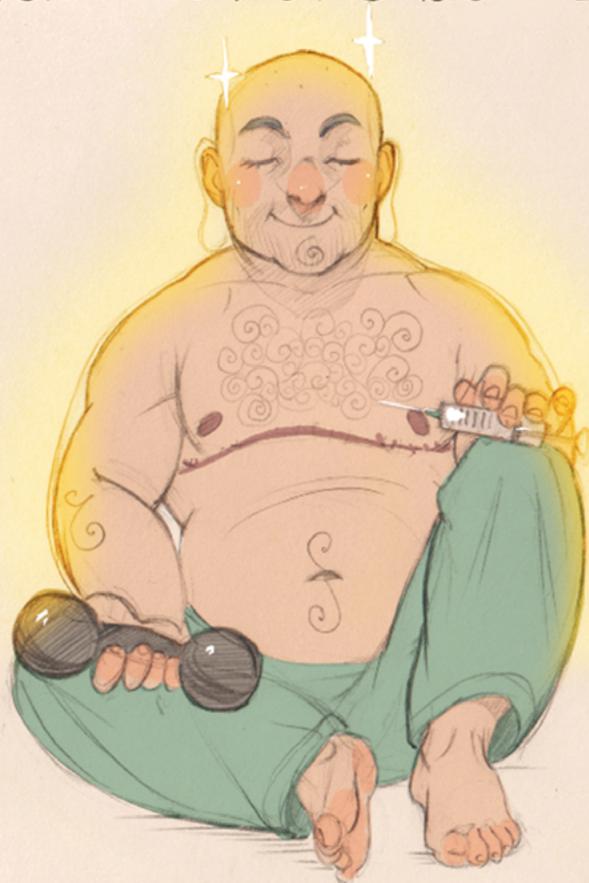
Nameless

✖001 УТРО

АНДРО♀ГИИ

Никс Нэмену

ПЕРЕХОД МОЖЕТ ПРОБУДИТЬ В ТЕБЕ
УМИРОТВОРЕНИЕ И ВНУТРЕННЕГО БУДДУ

ИЛИ ДАНЕ ВНЕШНЕГО

УМБА

КАК ПРОХОДИТ РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ

Когда я только начинала заниматься активизмом, мне всё было по силам, и впереди меня ждало только светлое будущее побед и свершений. Мне сложно было понять людей, которые уходят или давно ушли из активизма. Почему они сдались? Разве они не осознают, что за нашим движением будущее, и, сколько бы ни сопротивлялись консервативные силы, победа будет за нами, и в книжках по истории трансгендерного движения «напишут наши имена»? Они не выдержали, но я-то... я никогда не сдамся и пойду до конца! Три года назад я, познавшая освобождение от гендерных стереотипов, писала: «Я больше не пыталась втиснуть свою внешность в рамки женственности. Мне стало нравиться ходить по улице со своими женственными чертами лица и женской причёской, но со щетиной, и наблюдать, как прохожие безуспешно пытаются отгадать мой гендер» («Трансгендерность и трансфеминизм», стр. 142). Одним словом, мне нравилось провоцировать, а любой наезд на себя я воспринимала как желаемый, который мне поможет что-нибудь написать и потеоретизировать.

Как же много изменилось за эти годы! Теперь я и нос боюсь на улицу высунуть, если моя рожка не вписывается в какие-нибудь стереотипы. А поскольку я последние три года по независимым от меня обстоятельствам не пила гормонов (возобновила лишь недавно), то я уже практически не хожу в юбке, а если и хожу, то намазав рожу изрядным слоем косметики. Я больше не считаю нападение на себя чем-то, за счёт чего можно привлечь внимание СМИ — и обхожу подозрительных лиц подальше. И в целом мой основной принцип жизни теперь — чтобы все меня оставили в покое.

Что изменилось за это время? Объективно говоря, конечно, изме-

нилась политическая обстановка в России, но, скажем так, она и в 2013 году, когда я писала вышеприведённый отрывок, была не очень. Ещё меня в мае 2013 выгнали из партии, которая раньше мне давала символическую защиту (ну или мне так казалось). Также, не живя постоянно в России, я растеряла почти всех своих знакомых, а в других странах их так и не приобрела. Но больше всего на меня повлияло именно само время. Когда тебя один, два, три раза чем-нибудь обзовут или кинут яйцами или камнем, это даже интересно и прикольно (если, конечно, камень не попал в голову)... Но когда это происходит достаточно регулярно, это всё-таки сгибает психику.

Раньше я думала: какие дураки эти трансфобы и власти — чем больше они нас преследуют, тем мы становимся сильнее! Есть ведь такая фраза: «Всё, что тебя не убивает, делает тебя сильнее». Но это не так, и они не дураки, потому что один-два раза это всё пройдёт бесследно, а потом уже начинаешь опасаться, а потом уже начинаешь вводить самоцензуру, а потом уже и вовсе лишний раз из дома не выходишь и с людьми не заговариваешь... Когда меня выгнали из партии и из аспирантуры, я сначала тоже думала, что это сделает меня сильнее. Но восстановить самооценку я до сих пор не могу, хотя прошло уже много времени, и факт остаётся фактом: у меня нет работы. Вот так я из активистки с раздутым самомнением и далекоидущими планами превратилась в чёрт знает что, и только тексттики изредка пописываю, которые мало кто читает.

С теоретической точки зрения, тут есть два момента. Первый — это понятие микроагрессии. Никто тебя не бьёт, не насилует, а просто практически ежедневно называет не в том роде и не тем именем, высказывается о твоей внешности, не считает твой активизм важным... Как говорится, вода камень точит: и вот это всё постепенно, день за днём приводит к потере самооценки, уверенности в своей внешности, способности нормально коммуницировать с

другими людьми и в итоге — к изоляции. Другой момент — это ожидание насилия/угнетения. Даже если тебя лично никогда не били и никем не обзывали, ты знаешь, что другие трансгендерные люди с такой-то вероятностью этому подвергаются, и ты знаешь, что в какой-то момент это по законам статистики скорее всего случится и с тобой. Когда? Завтра? Через пять лет? Или, может, прямо сейчас вот этот тип, который на тебя подозрительно смотрит, набросится на тебя с криками «Пи-и-дор!»?

Лично я не очень боюсь собственно физического нападения, потому что считаю, что от среднестатистического человека, если он будет один, себя защитить смогу (хотя возможно, это устаревшие данные, так как я давно халтурую, занимаясь зарядкой, и совсем не бегая). Гораздо сложнее мне с психологическим давлением и словесными наездами, потому что с речью у меня и так проблемы, и внятно сформулировать ответ в подобных случаях мне бывает чрезвычайно трудно. Ещё хуже дело обстоит в заграничных, в которых люди говорят на иных языках, чем русский, потому что там я не только не могу ничего сказать, но часто и понять, чего от меня надо. В этом плане в России мне несколько комфортнее, потому что тут я хорошо знаю особенности местного населения, и, будучи доведённой до некоторой кондиции, начинаю орать матом, что, как показала практика, самый действенный метод, чтобы от тебя отстали (ну или наоборот, полезли в драку).

Раз уж зашла речь о сравнении между странами, то в России я ещё потому чувствую себя уверенее, что тут мой дом, и я всё знаю, тогда как в других странах у меня интернализированная мигрантофобия и ощущение, что там у меня меньше прав предъявлять кому-либо претензии. С точки зрения фактической безопасности, я не могу сказать, чтобы «западные» страны были прямо уж совсем безопасными для транс* людей: возьмите хотя бы статистику убийств в США. Однажды, когда я каталась на велосипеде в Германии, какая-то компания, на которую я сначала не обра-

тила внимания (вот цена потери бдительности в «толерантных» странах), запульнула мне в спину камнем. Так что я рекомендую этот момент учитывать тем, кто мечтает свалить из России.

Раз уж была затронута эта тема, то я лично не очень хочу жить где-либо за пределами постсоветского пространства. Как и словосочетание «смена пола», понятие «эмиграция» подразумевает необратимое движение из точки А в точку Б по прямой линии. И как в гендерно-половом, так и в физическом пространстве я нахожусь в неопределённой позиции, движусь то туда, то сюда по непонятным траекториям, не всегда по собственному желанию, не находясь полностью ни «здесь», ни «там».

Что касается ценностей, то они у меня в целом не поменялись, хотя я стала чуть менее радикальна и начала прислушиваться к разным мнениям, кроме своего собственного. Иногда, начитавшись разных позиций, поставив себя на место разных людей, я начинаю понимать, почему у этих людей такие разные позиции, а поняв их, я не всегда могу заставить себя принять какую-то одну сторону. То, что раньше мне казалось ясным как день — надо «разрушить», «деконструировать»... — теперь не кажется мне таким однозначным. Так что по некоторым вопросам я теперь предпочитаю промолчать, потому что у меня нет идеального решения, да его и вообще не существует. Хотя я продолжаю поддерживать радикальные акции, это можно назвать скорее «стратегическим радикализмом», который требуется для привлечения внимания к проблеме, чем искренней верой в то, что проблему можно решить, следуя лишь лозунгам, которые помещаются на одном плакате.

А что до светлого будущего, то я в него тоже больше не верю — более того, я больше не знаю, что именно считать «светлым». Но в той же мере я не верю и в то, что Россия катится в полное дерьмо, «где ей и место», как думают некоторые. Последние почти два года я почти ежедневно читаю историю — в основном, Китая, но

не только — и из истории я сделала вывод, который вряд ли кому покажется необычным, и тем не менее. Я поняла, что будущее не предопределено (фатализм), но при этом оно и не полностью «в наших руках» (исторический волюнтаризм). Со своей стороны, я пытаюсь делать то, что мне кажется правильным — исходя из моего мировоззрения, не отрицая, что альтернативные мировоззрения имеют право на существование. Но теперь я всё время сомневаюсь. У меня нет чёткой цели, нет чёткого мнения, всё относительно. Начав деконструировать всё вокруг, я не удержалась и деконструировала и себя саму, свою личность, свои принципы и идеалы. Привело ли это к освобождению, как я думала? Нет, это ещё одна из причин моего депрессивного состояния. Я пытаюсь продолжать жить по привычке, не задавая вопросов: «Зачем это всё нужно?», «Почему так, а не иначе?», но вопросы настигают меня всё равно...

P.S. Мне было непросто решиться на публикацию этого текста. От активистов_к постоянно ожидается, что они будут вести себя как ролевые модели, подавать пример, во всём быть уверенны, вести за собой сообщество... Я не раз встречалась с критикой за то, что не поддерживаю этот образ. И вот тут снова признаюсь в своей слабости и никчёмности, в своих сомнениях — зная, что кто-нибудь когда-нибудь использует этот текст против меня.

В ШАПКЕ И БЕЗ ШАПКИ

Расскажу еще такую историю. Но сначала — анекдот:

«Идёт рядовой, а навстречу два прапора. Один прапор подходит к рядовому, бьёт его по затылку:

— Почему в шапке? (Рядовой снимает шапку.)

— Почему без шапки? (Опять бьёт.)

Другой прапор говорит ему, что нельзя так глумиться. Надо с умом. Скажи, чтобы за газировкой сбежал. Если принесёт с сиропом — бей, если без — тоже бей. Идёт прапор этот дальше. Опять подзывает рядового и просит газировки. Рядовой отходит, но оборачивается:

— А вам с сиропом или без?

— Почему без шапки? Почему в шапке?»

А вот теперь расскажу, как был таким прапором самому себе. Друзья мои, православные, позвали на Пасху пойти с ними в церковь ко всенощной. И то ли Пасха в том году была ранняя, то ли зима долгая — то ли, как бывает в нашем городе, посреди разго-ревшейся весны вдруг нагрянула метель. Уже не вспомню, что там приключилось с погодой, но был я в тёплой куртке и в шапке. Шапка была синяя в серую полоску и с помпоном. В церкви людей много, стою рядом с друзьями своими, вокруг все православные, а я — католик, но мне всё равно, это дом Отца моего, мне здесь хорошо. Люди стоят, лица у всех уже как будто неземные, и они дышат, огоньки свечей колышутся, сверху голоса льются словно ангельские. И только один вопрос меня гложет, покоя не дает.

Вот как католик и мужчина, должен я шапку снять, да?

А как женщина в православном храме — надеть!

Но я же мужчина? И на исповеди в этом уже признался, признал себя перед Богом, так есть! Значит, надо шапку снять. И я снимаю шапку, успокаиваюсь, слушаю голоса, смотрю на свечи, на людей...

Но вокруг все православные, а я тут — с виду женщина и с непокрытой головой, смущаю их в такой светлый, чистый праздник. Надо бы шапку надеть, чтобы людей уважить и не смущать. В чужой монастырь со своим уставом — невежливо! И я шапку надеваю, чтобы людей в светлый праздник не смущать.

И оказываюсь перед господом в головном уборе, тоже ведь невежливо...

И шапку сдёргиваю.

И людей смущаю — а Бог-то, он видит меня как я есть, но люди-то здесь — его, ему за них, за их чувства разве не обидно?

Знаете, так и промаялся всю службу: то надену, то сниму. То сниму, то надену. Так и не пришёл к окончательному решению.

Почему в шапке?

Почему без шапки?

Не смешно, между прочим.

ИСТОРИЯ БИГЕНДЕРА ИЗ СИБИРИ

С чего же она началась? Следует, пожалуй, начать с самого начала. Моя семья с нетерпением ожидала появления на свет второго ребёнка, который, несмотря на все пощёчины судьбы (прогноз врача о возможном синдроме Дауна, рекомендации аборта, 3 петли пуповины вокруг шеи и перенесенная инфекция, повлекая после себя букет хронических заболеваний, кстати, из-за инертности врачей), в общем-то, появился на свет. Но вопреки ожиданиям отца, который всю готовился к появлению сына, он обзавёлся второй дочерью...

Ребенок рос с отставанием в физическом развитии от сверстников на четыре года и особо не тужил до того времени, когда у многих детей начинается половое созревание. Вот тут он явно ощутил своё физическое отставание и после того, как все сверстницы обзавелись пышными формами, то есть лет в четырнадцать, он стоял возле зеркала и видел мужской торс и кадык.

Множество раз он пытался представить свою жизнь, будь его биологический пол противоположным, пока в итоге не пришёл к выводу, что парень с этим телом едва ли подходит под те рамки, что общество навешивает на мужчин. К тому же в возрасте 18-19 лет он осознал что, ему нравятся девушки, а щуплые болезненные парни низкого роста редко пользуются у них популярностью.

Именно эти мысли, какими бы ужасными они не казались, стали первым шагом к тому, чтобы принять свое тело таким, какое оно есть. Понадобилось достаточно много времени и кардинальных мер, чтобы превратить все свои «недостатки» в достоинства и принять себя. В этом мне помог бодипозитив, причём принятие потребовалось как со стороны неполной феминности,

так и неполной маскулинности. Мне посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте, и я понял, что всё это время был не один. Я встретил людей, которые объяснили мне, что со мной всё в порядке. С ними я могу быть собой и чувствовать себя комфортно. Я очень благодарен им за это. Я смог открыться другим людям и прежде всего себе. Я очень рад, что всё сложилось именно таким образом.

МОИ МАЛЕНЬКИЕ ТРАНСГЕНДЕРНЫЕ РАДОСТИ

Меня радует, когда прохожие на улице или продавщицы в магазине обращаются ко мне «молодой человек». Меня радует, когда в отделах с мужской одеждой находятся небольшие размеры, когда на бирках покупок красуется желанный лейбл «мужская». Меня радует, когда люди, глядя на мои фотографии говорят: «Ты прям как андрогинная модель/томбой/парень». Меня радует, когда люди мне говорят, что им некомфортно использовать по отношению ко мне женское окончание. Меня радует, что людей удивляет род моих увлечений: они выходят за рамки гендерных стереотипов. Меня радует, когда металлическая стружка настолько въедается в кожу, что её трудно отмыть. Мне нравится, когда я помогаю отцу с ремонтом, когда мы ходим с ним по магазину стройматериалов. Меня радует, когда он дарит мне инструменты. Меня радует, что у меня с отцом есть секреты от матери, что мы можем выгораживать друг друга. Мне нравится, когда он смеётся, если я говорю ему: «Зачем тебе сын, когда у тебя есть я?» Меня радует, когда машинка мурлычет над ухом во время стрижки. Меня радуют шрамы на моём теле. Меня радуют волосы на моих руках и отцовские густые брови. Меня радуют мои отёкшие веки: они визуально опускают брови. Меня радует небольшой размер груди, который не нуждается в утяжках, радует, что, глядя в зеркало, я могу видеть мужчину. Меня радует мой достаточно низкий голос. Меня радует, когда одноклассник на курсах

случайно обращается ко мне «чувак» во время разговора. Меня радует, когда на мероприятии, организованном от школы моего племянника, меня путают с его братом, а потом исправляются на кузена. Но больше всего меня радуют мои друзья. Рядом с ними я могу быть собой. Это не может не радовать.

ОБСТАНОВКА В СЕМЬЕ

К сожалению, видимость благополучия в нашей семье уже несколько лет подряд держится на семейном счастье моей старшей сестры и на моём систематическом вранье. Враньё, в котором я завяз, как в болотной трясине, как в зыбучих песках, которые душат меня, из которых я боюсь не выбраться. Враньё, на которое я обрёл себя сам, замуравывая себя в склепе кирпичик за кирпичиком.

Если бы в то время, когда многие дети начинают понемногу выходить из-под контроля родителей, я начал бы делать то же самое, то, возможно, я не оказался сейчас в той ситуации, к которой пришёл. Я не сделал это по разным обстоятельствам. Я был домашним ребёнком, достаточно болезненным — несмотря на это, я был всегда занят в нескольких учебных заведениях и, возвращаясь домой, часто чисто физически не имел сил отвоёвывать свою свободу. Я был вторым ребёнком в семье и хорошо помнил все скандалы и истерики, которые закатывались вечерами в то время, когда моя сестра проходила этот период. У меня сложилось впечатление, что если я буду избегать подобных ситуаций, то уберегу нервы и свои и семьи, но вместо этого я оказался в изоляции. Отныне моя жизнь должна была вертеться только вокруг учёбы (учился я, кстати, всегда хорошо или отлично, но родители воспринимали это как должное и само собой разумеющееся, хотя это часто стоило мне немалого количества нервов и даже здоровья, но, несмотря на это, они временами умудрялись

попрекнуть меня и четвёркой). Все мои увлечения, будь то конная езда, косплей, пайка — воспринимались в штыки. По мнению матери, если бы я столько времени и сил уделял учёбе, то был бы золотым ребёнком, только я всё понять не могу, кому нужны эти красные корки, по которым зачастую едва ли можно судить о квалифицированности новоиспечённых выпускников.

Активизм — это ещё одно занятие, которое мне приходится тщательно маскировать враньём. С каждым днем закапываясь в него все больше, я постоянно вынужден поддерживать легенды, чтобы не вызвать подозрений и лишних вопросов. В семье всем управляет мать, ожидая от окружающих беспрекословного подчинения. Я вынужден постоянно поддерживать иллюзию, что мама держит всё под контролем, что она в курсе всех дел. Между тем я совершил двойной каминг-аут: сначала себе, потом сестре и некоторым друзьям. Я встречался с девушкой полтора года, я езжу на иногородние тренинги, и всё это украшает венец лжи. Я живу в постоянном напряжении и страхе, я боюсь допустить ошибку, я боюсь, что меня раскроют. Это будет ад на земле, который я сам для себя строил долгие годы...

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ИЛИ ПОИСКИ СЕБЯ

Когда речь заходит о работе и о заработке как таковом, то лучшим вариантом всегда представляется та работа, которая приносит тебе удовольствие, и та, что не имеет строгих рамок и не ограничивает дальнейшее развитие. Таким образом, лучшая работа — это то, чем человек увлекается. Работа, которая приносит деньги, не всегда приносит радость. У многих людей помимо основной работы имеется какое-то своё любимое дело, увлечение, будь то вязание, рисование, писательство, мыловарение, скрапбукинг, декорирование и многое-многое другое, всего не перечислить. Часто люди даже не задумываются над тем, что занимаясь любимым

делом, можно получать доход и даже полноценно зарабатывать. Главное — развивать и совершенствовать свои навыки и понять, в какой отрасли больше всего востребованы ваши умения.

Декорирование и скрапбукинг — незаменимые навыки при оформлении свадеб и многих других торжеств и праздников, мыловарение при этом может составить компанию этим навыкам, если виновники торжества или его организаторы захотят преподнести персональные подарки своим гостям. Рисование может стать дорогой в иллюстраторы, а те, кто предпочитает графический планшет бумаге, вполне возможно найдут себе место в game development. Главное — не ограничивать самих себя, потому что порою самой сложной преградой на пути к чему-либо являешься ты сам. Для трансгендерных людей, проживающих в сибирских реалиях, зачастую крайне сложно найти хоть какой-то заработок, не говоря уже о профессиональном устройстве. Причиной этому может послужить несоответствие «ожидаемого» для гендера внешнего вида с паспортными данными или просто фобные работодатели и рабочий коллектив. В подобных ситуациях возможность частного предпринимательства может стать выходом из данной проблемы.

Первый раз взять в руки паяльник меня сподвигло желание сделать подарок другу. Проанализировав процесс изготовления и список необходимых материалов, я решил изготовить что-то своими руками, а закупая материалы, я понял, что одним изделием дело не обойдётся: материалы продавались большими объёмами. Два года назад я бы подумать не мог, что смогу увидеть свои изделия в магазине или шоу-руме. Вначале потребовался неподъёмный на первый взгляд капитал, но постепенно и частями всё оказалось не так страшно, как виделось в начале. Главным было поверить себя и перебороть сомнения. Родители восприняли это занятие скептически, но как только дело начало приносить первый доход, они поддержали меня. В работе я решил использовать минералы, которые предпочитаю в природной

форме, так как природа зачастую искуснее любого ювелира в огранке. Я решил облагородить полудрагоценные камни в глазах людей и показать их истинную красоту.

Помимо кристаллов и природной крошки в изделиях можно также встретить полированные кабошоны и галтовку. Сейчас я практически исчерпал технику пайки и на пути к освоению гальваники и сварки. Собираюсь больше работать со сталью и методами её художественной обработки. Планирую начать работать с серебром... Возможно, первая серия украшений из драгоценного металла не так далеко, как сейчас кажется. Мне нравится совмещать разные техники. Мы смогли объединить свои силы с мастером, работающим с эпоксидной смолой.

Весной взял себе помощника в подмастерья: не всегда получается справиться с объемами работы в одиночку. Планирую устроить серию небольших мастер-классов в нашем городе... Ращу себе конкуренцию для стимула двигаться дальше.

Конечно, и на моем пути встречались люди, которые говорили, что моё место на кухне, а призвание — борщ. Не верили, что человек, акушерский пол которого «женский», может держать паяльник в руке да еще и работать с минералами. И сейчас встречается много людей, которые советуют мне работать с оловом «аккуратнее»... Эти люди — не повод даже задумываться о том, что ты что-то делаешь неправильно, не говоря уже о том, что ты должен это прекратить по чьей-то прихоти. Всегда найдутся те, кому понравится то, что ты делаешь, а ты будешь ощущать счастье, видя свои творения на этих людях.

Но ещё больше удовольствия ты будешь получать в процессе работы. С помощью любимого дела я смог выбраться из полугодовой депрессии. Любимое дело — это лекарство, это силы, это твоя вера в себя. А с верой в себя можно свернуть горы.

В МИРЕ ИМЁН

Мне было 13 или 14 лет, когда моя мама подключила мне интернет и в качестве имени пользователя написала «wedma». Возможно, она опиралась на мои книжные интересы. Так я узнал, что такое ник, и что можно представляться людям не паспортным именем.

С этим ником я существовал долго. Он скорректировал мои интересы. Написала бы мама это имя, зная, что оно доведёт меня до вампирской секты?

В старшей школе я любил мистику, вампиров, культ смерти и аниме. Поэтому сам себе выбрал в то время имя Шидо, по имени героя Шидо Татсухико из вампирского аниме. В анимешной тусовке я фигурировал под этим ником, и некоторые мои знакомые до сих пор меня так зовут. Шидо — имя мужское, поэтому знающие люди в универе называли меня «мальчик Шидо». С другой стороны, для непривычных людей оно звучит нейтрально, что меня уже тогда радовало.

Однажды мне надоело быть Шидо и мальчиком. Даже анимешным.

Я пошёл в Хогвартс. И мне нужно было имя. Кто я? Я взял имя Ина Лиддел в честь Лорины Лиддел — старшей сестры Алисы из Страны Чудес. Сокращенно — Инко. С этим именем я окончил школу и стал отличной волшебницей. Некоторые мои приятели по школе до сих пор зовут меня Иной. Вариант Инко получился случайно, но нравился мне за некоторую гендерную нейтральность.

Потом я искал имя, у которого не будет отсылок к каким-то героям, понятиям, явлениям. Что-то, что просто и приятно звучит. Так я стал Ешиком, через «е». Ешик — это не мужской и не женский ник. За Ешиком не прячутся истории и персонажи. Это просто я.

Ещё в Хогвартсе я помогал вести газету Дома Рейвенкло. А после выпуска мы видоизменили газету, и я взял псевдоним принцесса Алек. Я обожал Алека, потому что он может всё то, что не могу я. Тогда я ничего не знал о квир и небинарных людях. Я просто хотел быть мальчиком и принцессой одновременно. И своего дракона. Дракон у меня был.

Потом я «наигрался в эту чепуху». Я решил научиться любить женщину в себе и своё паспортное имя. Это было больно. Я крутил паспортное имя и так и сяк. Я пробовал разные сокращения и, наоборот, полный вариант. Я привык отзывать на это имя. Я никогда не ощущал его своим. Мне его дали. Я не сильно его хотел, но и не был сильно против. За неимением альтернатив я называл себя так. Я стеснялся куда более родных Ешика, Ины и Шидо. Я думал, что я либо должен выбрать какое-то одно более или менее нормальное имя, которое будет моим, либо перестать маяться дурью и привыкнуть уже к паспортному. Паспортное имя не режет мне слух, я откликаюсь на него. Просто в этом нет меня. Только маленькая моя частичка.

Потом я узнал про квир и небинарность и полюбил космических китов. Я долго думал над именем. Должно ли оно быть более маскулинным или максимально нейтральным? Я часто перебирал в голове имена персонаж_ек, которыми играл: Мэри, Саид, Лука, Аэн. Что-то из этого может стать моим?

Но мне по-прежнему нравятся киты и имя Алек. И мне понравилось быть Алеком Китом. Но когда я узнал о том, что я — Алек Кит или просто Кит, я не стал об этом говорить другим. Я побоялся, вдруг я однажды перестану быть Алеком Китом? Должен ли я жить с этим именем всегда, раз я его выбрал? И знаете что? Нет, не должен. Я и Шидо, и Инко, и Ешик, и Алек, и Кит тоже.

Я не хочу быть заложником имени, как не хочу быть заложником гендера. Я разрешаю себе менять имя столько раз, сколько захочу. Сегодня я подписываюсь — Кит.

Здравствуй, мальчик, которым я никогда не стану.
У тебя есть небо и корабли, и котёнок ползает по дивану.
У тебя есть меч, который не раз защищал в бою, —
Ты одним из первых стоишь в ролевом строю.
У тебя есть дом, в котором ты и любим, и свой.
У тебя есть те, кто всегда позовут с собой.
Ты успешен в учёбе, тобой дорожит семья.
Здравствуй, мальчик, который совсем не я.

Здравствуй, девочка, которой я никогда не был.
У тебя всегда на великие цели хватало сил.
У тебя была улыбка, тёплая, как плита.
Тебя всегда обходила холодная темнота.
У тебя родилась девочка, упрямая, как и ты.
Ты учила её творить заклęcia и торты.
Ты любила, и кто-то очень любил тебя.
Здравствуй, девочка, которая совсем не я.

Здравствуй, тот, кем зачем-то мечтаю стать.
Ты никогда не разучивался писать.
Ты никогда не терял все причины жить.
Ты всегда был достоин того, чтобы тебя ценить.
У тебя есть мать, которая всё поймет,
И отец, который не подведёт.
У тебя есть братья — защитники и друзья.
Здравствуй, счастливчик, который совсем не я.

Здравствуй, тот, о ком я мог никогда не знать.
У тебя есть ад, из-за которого ты не способен спать.
У тебя есть боль, раздирающая нутро.
У тебя есть страх, живущий с тобой давно.
Ты, не зная зачем, в этом всём научился жить.
Ты никому не желаешь этого повторить.
Но ты научился ценить свечу, не боясь огня.
Здравствуй, тот, кем, наверно, являюсь я.

Выйти из гандера

Я – транс* человек, сейчас мне 23 года. Под словом «транс*» относительно себя я подразумеваю наличие опыта выхода за пределы заданного гандера. Долгое время я определял_а себя как транс* мужчину, считая свою транс*гандерность ужасным проклятием, которое никогда не позволит мне жить. Со временем, с опытом активистской деятельности (к которой я приш_ла далеко не сразу) и с углублением в изучение гандерной теории моя идентичность видоизменялась. В какой-то момент (или в несколько таких моментов) моя маскулинность разрушилась. Вместе с этим мне открылись новые стороны себя, которые уже не характеризовались мной как феминные и/или маскулинные. И так, постепенно освобождаясь, я выш_ла из гандерности. Сейчас мне чувствуется, что внутри меня нет места гандеру и гандерной идентичности. А теперь мне хотелось бы отдельно раскрыть некоторые детали, сопровождающие процесс моего освобождения.

○ ПОСЛЕДНЕМ УДАРЕ ПО МОЕЙ МАСКУЛИННОСТИ

Этот удар был сокрушительным, болезненным и самым тяжёлым, в том числе по своим последствиям. Если до этого с меня просто спадали мачизм, отрицание феминности, желание быть сильным, воспринимаемым как «настоящий мужчина» и подобное, то в тот момент я оказал_ась напротив своего опыта бытия «мужчиной». А именно — перед плодами своей токсичной маскулинности, совершённым мной насилием. Это было внезапное осознание и множество флешбэков, всплывающих один за другим. В основном это было насилие в партнёрских отношениях: психологическое давление, принуждение к сексу, физическое насилие. Меня пере-

полняло и переполняет глубочайшее сожаление о том, что это было. Самое ужасное то, что это уже произошло, этого не изменить никогда и не исправить. Почему я это делал_а? Я не ищу себе оправданий, но пытаюсь лучше понять суть того, что лежит в основе насилия, то есть то, что происходит с насильником (что происходило со мной). В моём случае это было результатом невыносимой боли, злости на себя и весь мир за тотальную несправедливость этого мира ко мне, попыткой компенсировать через секс свою «неполноценность», неумением проявлять любовь, искажённостью этих проявлений. Когда я осознал_а всё произошедшее, я рыдал_а, месяц не мог_ла прийти в себя, задавал_ась вопросом «могу ли я с этим жить дальше?» Ответить на него утвердительно смог_ла не сразу, не с первого раза. Иногда мне кажется, что до сих пор не ответил_а. В общем, спустя какое-то время я решил_а, что мне нужно поговорить с каждой, которая пострадала от меня. Все эти разговоры состоялись, были очень разными, но все сказали, что простили меня. Остается только само_й себя когда-нибудь простить. Я не знаю, как закончить этот фрагмент. Могу сказать, что в этом процессе я многое переосмыслил_а и сейчас я по мере сил стараюсь делать что-то хорошее, противодействовать культуре насилия. Всё это в конечном итоге приводит к позитивным изменениям.

○ ТЕЛЕСНОСТИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ

Мой транс* опыт во многом про тело. Когда-то я чувствовал_а сильнейшую дисфорию, планировал_а делать все возможные операции, но даже мысли об этом меня не утешали: тело всё равно будет «не_таким». Я и представить себе не мог_ла, что спустя 2-3 года я буду прекрасно себя чувствовать в этом теле, смогу получать от него удовольствие, перестану его стыдиться. Если бы мне об этом сказали тогда, я бы, наверное, почувствовал_а только

очередной прилив боли. Но, тем не менее, это со мной случилось. Как мне кажется, у этого прогресса есть две основные причины: гормонотерапия и освобождение от гендерной идентичности. Под влиянием гормонов моё тело изменилось, мне нравились и нравятся эти изменения. Одним из ключевых моментов в принятии телесности были вопросы: «Я в самом деле ненавижу своё тело или просто привык его ненавидеть? Что если меня бесит моя грудь/моя вагина только потому что она — “женская”?» Когда я впервые задавал_а себе эти вопросы, я был_а ещё достаточно далек_а от телесной раскрепощённости. С волевыми усилиями я смотрел_а на себя и отделял_а значение от предмета, «женскость» от своих частей тела. Это был эксперимент. Мне казалось в какой-то момент, что это невозможно.

Оказалось, что возможно. Я приш_ла не просто к нейтрализации своего отношения к телу, а к эстетическому и, временами, сексуальному удовлетворению от него. Мне нравится его неклассифицируемость, я не воспринимаю его как гендерное тело. Другое дело, что мне повезло с другими, не гендерными его параметрами (я худ_ое и у меня маленькая грудь, например). Постепенный уход от гендерной идентичности позволял мне задавать себе новые вопросы и проявляться моей чувственностью. Я думаю, что этот процесс ещё рано считать завершённым, но промежуточные результаты впечатляющие.

Я люблю свою транс*гендерность и в самом деле горжусь ей.

Примечание. Этот текст — тоже своеобразный эксперимент: обычно я говорю о себе в мужском грамматическом роде, но в этот раз решил_а немного поменять формат. Внутренних противоречий в процессе написания обнаружено не было.

АНЖЕЛЕ ЛИКИНОЙ, МОЕМУ МИРНОМУ ВОИНУ, ПОСВЯЩАЕТСЯ

Для меня большая честь говорить об Анжеле Ликиной. В то же время один Бог видит, чего мне всё это стоит и как это больно. Это первая в моей жизни смерть близкого человека, и я очень надеюсь, что это единственное и последнее в ней убийство. Я берегу светлую память об Анжелочке и хочу, чтобы об этом замечательном человеке узнали и вы. А ещё я за публичность и против всех этих гендерных стереотипов.

Я знаю Анжелу как человека, бросающего вызов системе ложных ценностей. Я знаю Анжелу невероятно харизматичной, стойкой и привлекательной девушкой, уверенной в себе, своих желаниях и целях, прощающей своих обидчиков, волевой, и в то же время — ранимой и нежной. Анжела — пример отваги для меня. Вызовом было само её решение жить, жить интересной, наполненной всеми красками радуги жизнью. И какие бы гомофобные возгласы в её адрес не сотрясали воздух, свою победу Анжела одержала, и одержала достойно. Она вернулась домой победителем.

Анжела погибла 1 февраля 2016 года от насилия на почве трансфобии. Пять ножевых ранений в сердце.

Этот день, убивший каждую мою клеточку, я теперь уже никогда не смогу забыть. В официальной версии убийства, разумеется, обозначен «конфликт на бытовой почве с любовником бывшей жены». И всё. Будучи очевидцем боли Анжелы, зная историю конфликта, предшествовавшего убийству, историю вопиющей

несправедливости в отношении Анжелы, я хотела бы посмотреть в глаза её бывшей жены. Я верю, что можно было предотвратить разгорание конфликта любой ценой, понимая, куда это может привести. Я бы могла сказать больше, но сейчас намеренно не буду этого делать. При ином стечении обстоятельств убийства бы не произошло. Анжела спокойно уехала бы, как и хотела. А жители Уфы, а вместе с ними и определённая часть граждан России да и не только России, не получили бы очередную «сенсацию». Но Анжелы среди нас больше нет. Мы потеряли ещё одну добрую душу, Светлую Душу.

Знаете, я очень благодарна Высшим Силам за Анжелочку. Я по жизни восхищаюсь людьми-бунтарями, людьми, выходящими за рамки системы и догм, людьми широкой души, широкого полёта. Именно такой она была. Стоит ли говорить, что мне её не хватает? Анжела часто отмечала наше сходство в характерах, во взглядах на жизнь. К тому же в судьбе у каждой из нас достаточно испытаний и, несмотря ни на что, мы обе сохраняли доброе отношение к людям. Я слушала её, удивляясь и радуясь её словам, мы смеялись и грустили вместе, и раз за разом она становилась мне всё ближе, всё родней.

Мы познакомились незадолго до убийства Анжелы. И я определённо точно знаю — это было предначертано свыше. У Бога на всё свои планы. Просто так Он людей не сводит.

Когда совершенно неожиданно человек появляется в твоей жизни и с первых же часов вашего общения относится к тебе с такой неподдельной нежностью, с такой ласковостью, когда этот человек проявляет заботу о тебе даже в мелочах, день за днём, это поначалу смущает. Смущает потому, что этого нет в твоей жизни. Но постепенно появляется такое душевное тепло между вами. Вам важно поддерживать друг друга. Вы болеете друг за друга. Вы знаете, что вместе пройдёте через операцию по коррекции пола, и всё будет хорошо. Вы желаете добрых снов

друг другу и встречаете вместе новый день, новый рассвет, пьёте вместе новую чашку кофе, пусть и на расстоянии, по вайберу. И постепенно ты начинаешь это принимать, верить, согреваться в безусловном тепле.

И вдруг... Человека больше нет. Больше не позвонит, не появится, не напишет. Вы никогда уже не встретитесь, и ты не почувствуешь тепло объятий. Сознание отчаянно борется против тебя же самой, выставляя миллиарды защитных барьеров в психике. В голове взрываются любые мысли, какие угодно мысли, но только не те! И ты бьёшься, мучаешься, противостоишь этому шуму в своей голове! А потом пробивает... И вся эта невыносимая боль разом обрушивается тебе на голову. Я почувствовала себя такой внезапно осиротевшей.

Я помню всё. Помню её бережное ко мне отношение. У меня было ощущение, будто ради меня одной она все свои стрессы отбросила — вытягивала меня из депрессии. Самой больно, а обо мне заботилась... Я поражалась тогда. Я поражаюсь и сейчас. Зачастую людям своя рубашка ближе к телу, и я встречала немало таких.

Анжела делилась своими опасениями. Мы созванивались каждый день и могли говорить несколько часов кряду, поддерживая друг друга. Ей казалось — нет, она была уверена, что любовник её бывшей жены завидует ей и хочет всё отжать, вполне прибыльный бизнес Анжелы в том числе. Этот человек часто у них околачивался, пил алкоголь у них дома, что, конечно, Анжеле не нравилось. Она неоднократно просила бывшую жену найти хорошего и непьющего мужчину, всерьёз опасаясь за неё и за детей.

«Спасибо» всей этой шумихе в интернете, выставившей Анжелу на всеобщее обозрение! В ноябре 2014 года Анжелу остановил инспектор ГИБДД за непристёгнутый ремень безопасности... Через некоторое время сотрудники ДПС выложили в сеть — разумеется, без разрешения Анжелы — запись с видеорегистратора.

И весь интернет увидел, как инспектор оказался в замешательстве, когда при составлении протокола в документах Анжелы увидел мужское имя и фамилию, как он назвал её паспортные данные, как сотрудники ДПС смеялись над Анжелой... Эти видео набрали невероятное количество просмотров, и, конечно же, повлекли за собой аутинг со стороны журналистов, волну трансфобных оскорблений и угроз. Анжела требовала извинений со стороны сотрудников ДПС, а журналисты использовали это как повод для трансфобных шуток.

Анжеле нужно было лишь немного времени, чтобы заработать денег для семьи и себе на операцию, а потом она бы уехала. Она хотела отнестись к смене места жительства с умом. Не успела. Помню, она была очень подавлена всем этим лицемерием и ложью, сидела в машине и не спешила идти домой. Мы говорили до двух ночи. Помню, говорила ей тогда, чтобы хоть как-то поддержать: «Анжелочка, представь, что я рядом и держу тебя за руку... Ты не одна. Почувствуй меня рядом».

Как всё же важно, даже будучи в беде, оставаться нужным кому-то.

Анжела держалась, уж поверьте! Она была человеком невероятной внутренней силы. И то поплачет, то опять шутит и шлёт свои смешные фотки, пытаюсь поднять мне настроение. А когда рядом есть такой человек, понимающий и принимающий тебя — это чертовски большое везение!

Я верю в то, что не бывает гнилой души у человека, сознательно спасающего жизни другим. Анжела спасла, откачала нескольких человек. Случалось, она отдавала свой баллон с кислородом потерявшему ощущение реальности замечтавшемуся ныряльщику. Она была дайвером — спасателем. А узнав, что я не умею плавать, захотела научить меня и показать свой волшебный подводный мир, которым так восхищалась.

Сама Анжела смерти не боялась. Мы глубоко размышляли об этом где-то за неделю до её убийства, и меня поразило тогда, как спокойно и уверенно звучал её голос. Она говорила мне тогда так ласково и спокойно: «Лапка моя, Инессочка, люди боятся смерти, а смерти бояться не нужно. Это ведь всё равно как ты закрываешь глазки и засыпаешь. Нужно просто принять как данность».

Что ж. Как цисгендерная девушка с гомосексуальной ориентацией, я прохожу через coming-out и отстаиваю себя и свои права в нашем гетеронормативном обществе. Я хочу прожить ту жизнь, которую сама для себя выбираю. Это мой сознательный выбор и моё право. После убийства Анжелы меня уже неоднократно пытались «пооскорблять», называя то трансвеститом, то транссексуалом, наивно полагая, что подобные слова будут для меня оскорбительны. Только для меня это скорее честь, а не оскорбление, потому что я лично знаю невероятно отважную Анжелу Ликину. А ещё я лично знаю других прекрасных трансгендерных парней и леди, не побоявшихся открыто заявить о себе и отстаивать своё место под солнцем.

Очевидно, найдутся люди, которые ко мне прислушаются и согласятся, что каждый из нас уникален, каждый из нас — Творение Господне и каждый достоин счастья. И я хочу обратиться к тем, кто ещё заражен ксенофобией/трансфобией/гомофобией на случай, если вы прочтёте эти мои слова. Намеренно пишу «ещё», потому что верю — в ваших силах это в себе преодолеть. Анжела никому не навязывала себя и свой стиль жизни. Почему трансгендерный человек должен стесняться себя и бояться мнения окружающих? И по какой такой причине он или она должны жертвовать своей жизнью ради чьих-то ожиданий, зашоренности и стереотипов?

Трансгендерные люди — это те люди, гендерная идентичность которых в большей или меньшей степени отличается от той, что в нашем обществе традиционно ассоциируется с их «биологическим» полом. И это не болезнь и не патология. Трансгендерные

люди были всегда, сколько стоит мир, и всегда будут, и никто не в силах это изменить. Наш мир восхитителен и полон многообразия, поймите это уже, наконец. И может это не трансгендерный человек — странный, «белая ворона», не такой как все? Может, это твоё горе, может, это ты не способен расширить границы своего сознания и что-то новое для себя принять?

Хочу обратиться к тем, кому страшно. Позвольте мне поддержать вас. Я верю, что чудеса всегда ждут где-то рядом с отчаянием. Всегда по одну руку с человеком идут испытания, а по другую — вдохновляющие, невероятные чудеса! Несмотря на травлю, с которой сталкивалась Анжела, после волны дикого негатива и насмешек, отозвалось и много добрых, понимающих, желающих поддержать Анжелу людей. К тому же в Уфе знали об её золотых руках, и после случившегося к ней стали чаще обращаться как к профессионалу. Анжеле это было приятно, ведь её бизнес был основным источником дохода для семьи. Мужчины, приезжающие в её автомастерскую восхищались тем, как при таких сложных работах Анжеле удавалось всегда хорошо выглядеть и иметь такой шикарный маникюр и образ в целом! Всё это очень ее поддерживало.

12 июня 2016 года в Киеве состоялся первый открытый Марш Равенства. Я пришла с портретом Анжелы в руке. Несмотря на действия провокаторов, угрозы и прочее, я в очередной раз увидела, сколько всё же доброго в людях. Совершенно незнакомые мне люди, а среди них и несколько журналистов, бравших у меня интервью, отнеслись с сочувствием к гибели Анжелы и говорили слова поддержки и веры в лучшее для представителей ЛГБТ-сообщества. И если у кого-то стакан наполовину пуст, то у меня он наполовину полон. Хотите верьте, хотите нет, а наше общество меняется. Пусть не так быстро, как нам с вами хотелось бы, но оно всё же меняется. Мы сами его меняем. Наши погибшие друзья и подруги его меняют. Такие отважные люди, как Анжела

Ликина, его меняют. Отчаянные смельчаки, выходящие в знак протеста на улицы, его меняют. Спортсменка с мировым именем, совершающая coming-out, его меняет. Подросток, ежедневно противостоящий дискриминации в классе, а ночью от боли рыдающий в подушку, его меняет. Вы сами его меняете вашей сознательностью, принятием себя и отношением к людям вокруг.

В действительности, если мы хотим перемен — мы сами можем и должны стать этими переменами.

Я чувствую, скоро произойдёт много удивительных вещей.

И я не знаю, под какими небесами и где судьба бросит тебе вызов.

Я знаю только — мы воспарим!

Я знаю только — мы будем прекрасны!

Добра и мира всем нам. Берегите себя.

УКРАДЕННАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ

Ко мне внезапно пришла мысль о ещё одном вреде, который несёт концепция «транссексуализма» в её застывшей медикализованной форме. Пришла после прочтения одной весьма контроверсионной статьи о человеке, которому поставили этот самый диагноз, он прошёл почти все возможные вмешательства, но разочаровался и теперь винит врачей и чёрный рынок гормонов в том, что с ним произошло.

Концепция диагноза, который существует как бы отдельно от человека и его выбора, забирает у него субъектность, чувство ответственности за свою жизнь и действия, которое должно быть, даже если мы осознаём, что можем потом пожалеть. Это, собственно, то самое, что делает нас взрослыми субъектами принятия решений. Психиатрический диагноз превращает человека в некий объект — «транссексуала» — который должен быть таким, сяким и ещё вот таким, и самое главное — его можно сделать счастливым посредством «перехода», который представляется как метод лечения и избавления от страданий.

Человек строит свою самоидентификацию на соответствии диагностическим критериям, фактически сливается с диагнозом, проходит сквозь сито отбора, переносит все вмешательства, «идёт до конца», что особенно любят ретроградные постсоветские психиатры, но потом в какой-то момент понимает, что его жизнь всё равно сложна и полна стрессов, тело не начало казаться идеальным, депрессия тоже имеет место, плюс добавилась стигматизация и трансфобия в обществе — и всё это, мягко говоря, не радует. А раз мне плохо даже после всех пройденных кругов ада, думает человек, значит, я не настоящий транссексуал: о ужас, меня обманули! И это действительно трагедия, особенно

если человек уже успел пройти ряд необратимых медицинских вмешательств.

Действительно эффективная помощь трансгендерным людям (если она им нужна), как по мне, должна акцентировать внимание на самоанализе, индивидуальных потребностях и принятии ответственности за свою жизнь. А все эти комиссии и диагнозы приводят к установке, что кто-то со стороны знает лучше самого человека о том, кто он есть и что ему нужно, вместо того, чтобы дать ему возможность разобраться в себе, если есть необходимость — при помощи психотерапевта, причем компетентного, дружественного, выбранного добровольно и самостоятельно, а не навязанного «процедурой», и потом осознанно принять решение — нужен ли тебе медицинский транзишн, и в каком объёме, и почему, и так далее. Но у нас почти нет этой культуры — самоанализа и прохождения психотерапии, да и компетентных в этом вопросе терапевтов тоже очень немного, увы.

ДА, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, Я ЗАПИСАН К ГИНЕКОЛОГУ!

Причиной возникновения этой статьи стала увлекательная и богатая приключениями эскапада блужданий по поликлиникам и женским консультациям одного небольшого города. По врачам я не ходил достаточно давно, но всё хорошее имеет свойство перемежаться менее радужными полосами. Так вышло и в этот раз.

Я трансгендерный парень, на гормонотерапии уже около пяти лет, мастэктомия сделана 4 года назад, операций на органах репродуктивной системы не было и не планируется (ну, разве что по медицинским показаниям). Документы поменял, и теперь в паспортной графе «пол» стоит спасительная буква «М». Пасс хорош, то есть внешне определяюсь окружающими однозначно как парень.

С таким вот «набором героя» я отправился в поликлинику совсем не столичного города, имея в планах целый пул врачей, которых рассчитывал осчастливить своим визитом. Причина столь глобального желания посетить местных эскулапов была проста: я полностью игнорировал необходимость отслеживать состояние здоровья, не посещал серьёзно врачей со времени операции на груди, то есть года четыре как. В целом мы с организмом радуем друг друга грамотным балансом активного образа жизни, тренировок, отдыха и похвальной сопротивляемостью к ОРВИ. В таких случаях человек не идёт к врачу, пока у него что-нибудь не заболит (а в некоторых случаях даже если и заболит). Но для трансмужчины, проводящего многолетнюю гормонотерапию, с полностью сохранённой репродуктивной системой (пусть и находящейся в «спящем» режиме из-за воздействия тестостерона) есть определённые факторы риска, отсутствующие у цисгендерных людей с тем же анатомическим набором из матки, яичников и влагалища.

На данный момент нет однозначных свидетельств повышенных рисков возникновения онкологических заболеваний органов репродуктивной системы у трансмужчин на ЗГТ, но в любом случае следить за состоянием этой части организма стоит тщательно и неуклонно. Я же, как и многие другие мои коллеги по транзишну, не пылал желанием обследоваться, яростно прокрастинируя все поставленные для себя сроки и планы. Причина? У многих трансгендерных парней присутствует гендерная дисфория, при которой осмотр даже у дружественно настроенного гинеколога является сильным стрессовым фактором из-за концентрации внимания на «проблемной» части тела. Даже если гендерной дисфории у человека и нет, то сама по себе процедура осмотра всё равно может крайне тяжело восприниматься трансмужчинами, многие из которых не приемлют вагинальный секс/мастурбацию в пассивной роли. В моём случае именно этих осложняющих визит к врачу факторов не было, так как гендерной дисфорией я не страдаю, а вагинальный секс очень даже люблю. А отпугивал меня от окошка больничной регистратуры третий фактор: малая информированность по трансгендерной тематике населения в общем и врачей в частности.

Так и вышло, что ожидание непонимающих взглядов, плавно съезжающих в шокированные, а затем и в проповедно-вещающие, генерировало мощное желание уклониться от визита, и я откладывал свидание с гинекологическим креслом несколько лет. Аттракцион «надо, но боюсь — боюсь, но надо» длился, пока мой измочаленный мозг не высидел качественную ипохондрию на тему онкологии. Тут уж я сдался, решив, что будет проще устроить личный кастинг врачам и найти адекватного гинеколога, нежели мучиться круглые сутки вопросом: «У меня уже есть рак или ещё нет?»

Забавно, что обычно я спокойно обсуждаю с людьми тему трансгендерности, в том числе и конкретно свою историю. Да

что там, временами я с удовольствием и по-гусарски бравирую этим! Потому было удивительно и не особо приятно осознать, как сложно мне — в остальном уверенному в себе человеку — решиться пойти на приём к доктору, опасаясь всего лишь непонимания. К слову, во время перехода, когда я штурмовал кабинеты врачей в, так сказать, вынужденном режиме, подобной проблемы не возникало. Цель определяла необходимость действий, и потому переживаний о возможном неадекватном восприятии не было. А тут расслабился, социализировался, снял ментальную транс-броню за ненадобностью и... отвык от подобного настроения.

Пройдя то оперативное вмешательство, которое я счёл для себя необходимым, и поменяв документы, я осознал, что моя трансгендерность перестала быть значимым фактором хоть где-то. И впервые за всю свою жизнь я ощутил, насколько проще и удобнее может быть действительность. Цисгендерные люди не задумываются об этом, ведь их статус-кво всегда был таким с самого рождения. Человеку с прекрасным зрением трудно представить, каково это — плохо видеть. Цисгендерному человеку сложно понять, как это — быть в глазах окружающих не тем, кем ты являешься. И если находится выход, если получается исправить это положение, и мир становится чуточку дружелюбней, то чувство лёгкости жизни, отсутствие сложностей там, где ты привык их видеть и ждать — всё это ощущается как выезд с раздолбанной грунтовки на скоростную трассу. Поверьте на слово близорукому трансгендерному парню: контактные линзы, синтетические гормоны и современная хирургия — одни из лучших изобретений человечества. А вот невежество и предрассудки явно не в топе. Особенно невежество и предрассудки, касающиеся человеческой сексуальности. К сожалению, в настоящее время для транс-человека риск столкнуться с ними достаточно высок. И это возвращает нас к особенностям взаимоотношений врач — пациент, в которых пациент не является цисгендерным.

Будучи вынужденным открыть свою трансгендерность при обращении к врачу, человек оказывается в уязвимом положении: статус врача автоматически придаёт тому главенствующую позицию при общении с пациентом, что делает любые проявления трансфобии (вольной или невольной) несравненно болезненнее для того, на кого они направлены. В случае частной медицины есть факторы, нивелирующие проявление трансфобии и/или её негативное воздействие на пациента. Мой опыт лечения у платных специалистов в нескольких частных клиниках не содержит ни одного случая негативного отношения ко мне из-за моей трансгендерности. Это, конечно же, не исключает такой возможности в принципе, но сильно снижает её вероятность. Тем не менее, люди (и я в том числе) чаще обращаются не к частной, а к государственной медицине, руководствуясь обычно денежным фактором. И вот тут всё становится не так зефирно: государственные медработники не заинтересованы в пациентах, часто руководствуются устаревшей информацией, и далеко не все из них готовы повышать свою квалификацию как специалистов. На фоне определённой косности мышления, свойственной многим постсоветским людям, в сочетании с низкими зарплатами, большим потоком пациентов и отсутствием государственных образовательных программ по этике общения и повышению толерантности — всё это создаёт прекрасную питательную среду для культивирования предвзятого отношения к негетеронормативным людям и их дискриминации.

Рассматривая свой опыт общения с государственными медработниками, могу сказать, что в целом ситуация не столь плоха, как могла бы быть. Те врачи, которым было необходимо сообщить о своей трансгендерности (гинекологи, эндокринологи), вели себя весьма достойно, хотя явно были удивлены или даже шокированы. Конечно же, необходимо учитывать человеческий фактор: мне могло везти на адекватных людей — раз, я сам произвожу хорошее впечатление и могу грамотно ввести в курс дела — два.

Но, думаю, по первому пункту моя выборка вполне репрезентативна, так как я не выбирал врачей заранее по каким-то характеристикам адекватности персонажа, а просто брал талончик на ближайшее удобное время к случайному специалисту.

Второй пункт мог оказать большее влияние на результаты моего невольного врачебного эксперимента. Трансгендерный человек, менее соответствующий внешним видом и/или поведением бинарной гендерной модели, вполне вероятно столкнётся с гораздо большими сложностями в его восприятии врачом и установлении с ним контакта. Но в целом общение с медработниками меня вдохновило: все были заинтересованы в получении дополнительной информации о трансгендерности. Я заранее составил и распечатал «Краткий список вопросов и ответов по ТГ» со ссылками на адекватные ресурсы, где можно узнать больше. Также я записал несколько дисков с «Международными медицинскими стандартами помощи трансгендерным людям» под редакцией д.м.н. Бабенко А.Ю. и к.м.н. Исаева Д.Д., которые вручил при повторных посещениях наиболее заинтересовавшимся и потенциально полезным специалистам. Одна из них — эндокринолог поликлиники — сама нашла в сети и прочитала этот сборник до моего второго визита! «Я умею пользоваться интернетом, мне интересна моя специальность, и я хочу понимать тот вопрос, с которым ко мне обращается пациент. Конечно же, я занялась повышением своей грамотности в этой теме после вашего первого визита, а как вы думали?» — было заявлено мне с ироничным прищуром. Пусть я и обращался к ней всего лишь за рецептом на омнадрен, такое отношение дорогого стоит! Следующий трансгендерный пациент попадёт к уже подготовленному специалисту, обладающему необходимыми базовыми знаниями и адекватностью восприятия.

Кстати, с рецептом на омнадрен вышла забавная ситуация из разряда «Не было бы счастья, да несчастье помогло». В первое

моё посещение эндокринолог отказалась выписать мне рецепт на одну (ОДНУ!) ампулу омнадрена, побоявшись ответственности именно из-за нестандартности ситуации. Я был первым транс-пациентом в её практике, и она просто не могла решить, может ли она выписать мне рецепт, несмотря на наличие у меня бумаг, обосновывающих необходимость ЗГТ — заключения с диагнозом F 64.0 и справки о проведённой хирургической коррекции пола. Решив перестраховаться, она направила меня к главному эндокринологу города, который впечатлил меня профессионализмом, роскошным чувством юмора и повадками медведя-гризли. Его общая адекватность, рык: «Да какого чёрта они послали тебя ко мне?! Тут же всё кристально ясно! Перестраховщики, мать их!», бурчанье: «На, держи записку, передай им, и пусть не морочат мне больше голову с такими азбучными случаями» и явное обладание определёнными (пусть и недостаточными) знаниями в вопросах трансгендерности расположили меня и поставили этого специалиста первым пунктом в мысленном списке городских трансфрендли врачей. Затраченное время с лихвой компенсировалось столь полезным знакомством. С запиской главного городского эндокринолога рецепт у врача из поликлиники я получил без проблем, да ещё и вместе с извинениями.

Далее мне предстоял визит к гинекологу и, забегая вперёд, скажу, что сам приём у врача в поликлинике прошёл отлично. Даже весьма почтенный возраст гинекологини не сказался на корректности отношения, чего я, честно сказать, опасался: всё же в статистических опросах явно заметна обратная корреляция возраста и толерантности к вопросам ЛГБТ. Плюс частая заикленность врачей-гинекологов в наших странах на фертильности и репродукции как на святом Граале. Беспокоился, в общем. Но отношение врача порадовало.

А вот что не порадовало — так это процедура записи в регистратуре. Откровенно говоря, этот случай привёл меня в ярость и

вызвал сильный стресс. Диспозиция: прекрасное весеннее утро, тугая очередь в фойе поликлиники и зияющие как амбразуры окошки регистратуры. Шум, гвалт, глуховатые бабушки, нетерпеливые подростки с родителями, скандалящие женщины средних лет и вкрапления обречённо-отрешённых из-за вынужденного нахождения в этом спиральном водовороте лиц.

Очередь. Лимб местного масштаба, да ещё и предполагающий запись только от своего имени; записать другого человека (или сказать, что записываешь его/её) нельзя. Я скучаю, считаю плафоны на потолке, одёргиваю наглого старикана, пытающегося пролезть перед тихой женщиной с тоскливыми глазами. Наконец меня доносит до окошка, и я начинаю свою партию, мысленно сцепив зубы и укрепив нервы: «Добрый день, карта номер такая-то, запишите меня в 51 кабинет, пожалуйста». Вокруг люди, они прижаты ко мне и друг к другу, весь разговор с женщиной из амбразуры слышен ещё как минимум трём-четырёх стоящим рядом. Потому я говорю номер кабинета, а не «запишите меня к гинекологу». Уловка не срабатывает. Лоб морщится, на лице непонимание, в голосе раздражение: «В какой 51 кабинет, мужчина! Это же гинеколог!» Ну, понеслась. Соглашаюсь, что это гинеколог, и говорю, что мне нужно именно туда. Амбразурный цербер, следуя отработанному навыку «в любой непонятной ситуации — кричи», повышает голос, привлекая этим внимание окружающих: «Ну и зачем вам к гинекологу?! Это же женский врач!» И, как будто боясь обжечься о такую новость, если будет держать рот закрытым, начинает возбуждённо стрекотать внутри регистратуры остальным работницам: «Девочки, у меня тут мужчина к гинекологу!» Люди в очереди начинают с интересом прислушиваться, взгляды сводятся на меня как стрелки компаса.

Я сцепляю зубы — теперь уже во вполне буквальном смысле — в бешенстве от того, что не могу даже просто записаться к врачу. Умудряюсь, тем не менее, выдать обаятельную улыбку и говорю

мягким, чуть приглушённым баритоном, добавляя интимности: «Поверьте, мне именно к гинекологу. Если вам интересно узнать, почему, то я готов объяснить в более приватной обстановке». Как обычно, у меня — особенно на женщин в возрасте — срывает: цербер смущённо растягивает губы в улыбке, глаза шарят по моему лицу в поисках зацепок, способных дать объяснение загадке, руки начинают перебирать журналы записи.

Тут левым ухом я ощущаю чьё-то натужное сопение, прокисший запах большого дыхания и нездоровых зубов вцепляется в мои обонятельные рецепторы и мгновенно вызывает ком тошноты. Я поворачиваю лицо и вижу давешнего дедка... Что ему понадобилось здесь и сейчас именно у этого окна я не знаю: он давно прошёл по своей очереди на несколько человек раньше, костеря меня без перерыва за «неуважение к старшим» и отвратительно матерясь. На кой-то чёрт вернувшись и притулившись у моего окошка, он, конечно же, слышал весь разговор. Подёрнутые белесой мутью глаза мстительно забегали, и, как проявляется под воздействием реактивов фотография, проступила на его лице при подслушивании моего разговора упоённая злоба люмпена, «поймавшего» обидчика на чём-то неприличном и неприемлемом. Уставившись на меня, дед проклекотал с восторженным злорадством: «К гинекологу? Это ж бабский врач!» — и дальше уже, разворачиваясь к очереди за моей спиной: «Мужику – и к гинекологу! Е*анутый какой-то!»

Люди в очереди зашумели и зашептались, но сдавленно, опасаясь реакции. Сердце неожиданно и мощно бухнуло раз, другой, время замедлилось и растянулось, и я резко увидел всё вокруг с невероятной чёткостью, пусть и в слегка окрашенных розовым тонам (вот оно как значит: «кровь застлала глаза» и «кровавая пелена»). Вижу удивлённые, непонимающие лица, пылинки, бурлящие сверхновыми в солнечном потоке, и самого этого деда: его вислое, брюзглое лицо, всё в сосудистых звёздочках и чёрных

точках угрей, мутные водянистые глаза с полным отсутствием мысли, вижу с микроскопической резкостью каждый жёсткий перекрученный седой волос вытянувшийся щупом из его ноздрей, каждый болезненный бледный вырост на коже и каждое биение в дряблых венах, оплетающих шею. Если ты его ударишь — он может отдать концы прямо здесь. Спокойно, парень, подобное удовольствие не стоит возможных последствий...

Я резко смаргиваю. Звуки возвращаются, время снова заполняет свои берега, с кулаков спадает окостенение, пальцы, пусть пока подконтрольно и с усилием, разжимаются. Дед выглядит как перетянутый мешком с мукой поперёк хребта — резко сбледневший с лица, с отвисшей, мелко поддрагивающей нижней челюстью. Сработали ли инстинкты или просто не раз был бит по жизни за своё паскудство, но выводы он сделал верные и стремительные: каким-то крабьим движением скользнул вдоль стенки и обтёк угол, скрываясь из поля зрения. Больше я его не видел.

Дальше всё было более-менее хорошо. Талончик мне выдали на ближайшее время, в очереди у кабинета гинеколога я, естественно, поудивлял дам своим присутствием, но обошлось без вопросов. Ещё бы. Выражение физиономии, напоминающее литой обрезиненный блин для штанги, не располагает к беседам. Сам приём у врача я уже описывал, и он стал благословенной регрессией к среднему после локального инферно в фойе.

Был ещё стоящий упоминания случай в регистратуре женской консультации, в которую меня направила гинекологиня из поликлиники. Я оставил там заявку на заведение карточки, как всегда вынужденно проведя краткие объяснительные работы, зачем человеку с мужским полом в паспорте может быть нужен гинеколог. Вроде бы все всё поняли, но когда я пришёл записываться на приём, выждав нужный срок (по их правилам заведение каждой карточки должен верифицировать главврач), то на моём заявлении стоял штамп «Отказано».

Конечно же, это меня взбесило, и я начал разбираться. Надо сказать, что главную работницу регистратуры это тоже возмутило, и она стала куда-то звонить, выясняя причины отказа. С круглыми глазами и прижатой к уху телефонной трубкой, она повернулась ко мне и уточнила ещё раз: «Напомни, ты из жэ в мэ же? И что у нас на нижних горизонтах?» Я подтвердил, что таки да, female-to-male, а на нижних горизонтах (шикарная, кстати, фраза!) всё, как было при рождении, так и осталось. Тогда она перехватила трубку жестом профессиональной метательницы копья и выдала в неё тираду такой длины и сложности, что я заслушался и еле сдержал восхищённый присвист. В общем, заявление я написал ещё одно, а карту мне завели сразу же. Как потом сказала мне эта амазонка учёта и регистрации, главврач вообще не понял, в чём там со мной дело, а причиной отказа было абсолютно безумное: «Вот пусть сначала документы поменяет, а потом и карточку заведём». Быть может, он решил, что я трансгендерная женщина, ещё не получившая новый паспорт, но уже желающая попасть на приём к гинекологу? Но и в этом случае это не должно являться причиной отказа: гражданин имеет право на лечение вне зависимости от пола. Вопрос в наличии органов, которыми занимается профильный специалист. У трансгендерных мужчин обычно как раз присутствует полный или частичный комплект тех органов, которыми занимаются гинекологи. У трансгендерных женщин может быть неовульва и неовагина, с которыми опять же к кому, как не к гинекологу?

Выводы: в целом адекватность государственных медработников сильно порадовала. Идут на контакт, стараются общаться вежливо и корректно, не хотят задеть или обидеть. Часто ощущают себя скованно из-за недостатка или полного отсутствия у них информации о трансгендерных людях. Разговоры о трансгендерности им интересны, задают вопросы, с удовольствием берут информацию на бумажных или электронных носителях. Жаль, что у меня не было тогда при себе образовательных тематических буклетов

или брошюр. Приходилось верстать краткий ликбез-словарик «на коленке» и распечатывать в компьютерном центре. Красивые брошюры с понятными рисунками будут действовать лучше.

Во время первого посещения человек обычно не успевает отойти от шока и недостатка информации, что выдаёт определённую скованность его речи. Спокойная беседа с ответами на самые простые вопросы и оставленные для ознакомления материалы делают второй визит гораздо более плодотворным и комфортным в общении и для пациента и для врача. Человеческой психике необходимо определённое время, чтобы пересмотреть картину мира в соответствии с новыми данными.²

² Данный текст – сокращенная версия статьи Тангарра, опубликованной на сайте Транс*Коалиции на постсоветском пространстве. Полную версию статьи можно найти по ссылке: <http://www.transcoalition.info/articles/gynhelp>

ВАСЯ И АЛЕКС

С сыном мне повезло, это я точно знаю. Не каждому родителю так везёт в подобной ситуации.

Во-первых, он очень недолго звал меня мамой. Он вообще парень сообразительный и быстро заметил, что когда он маму зовёт, то мама может быть занята и не сразу подходит или отзывается. А вот когда взрослые меня зовут, они никакую маму не зовут, они зовут по имени — и я сразу откликаюсь. Так что ребёнок очень быстро стал звать меня по имени, хотя и отказался от этого ненадолго по настоянию бабушки и дедушки. Но к четырём-пяти годам он уже снова прочно обращался по имени, и это значительно облегчило дело.

Не представляю, как бы мне пришлось выкручиваться, если бы не это.

Потому что предложить ребёнку называть тебя одним именем вместо другого — это одно. А вот «папа» вместо «мамы» — это я не знаю. Быть «мамой» мне было тяжело и неприятно. Называть меня «папой» было бы тяжело и неприятно ему. Да он и не стал бы. Да и есть у него папа на самом деле.

Думаю, мы бы как-то справились. Но нам не пришлось. И на том спасибо.

Мне повезло. Ему, наверное, меньше.

Ему все-таки пришлось отвечать на вопросы приятелей, почему его мать ходит в берцах и с рюкзаком.

Он вообще был в невыигрышной позиции: его никто не спрашивал. У него была мать, которая в один не слишком прекрасный день решила, что больше не может называться женщиной, прак-

тически сошла с ума. Я не знаю, что было бы лучше для него — такая мать или никакая, то есть мёртвая. Жить по-другому я не мог бы. Нет, не так. Жить по-другому я не мог. И второй раз мне повезло, что ему в какой-то момент перестало нравиться его собственное имя, и он захотел имя, как у его лучшего друга. И когда я попросил его называть меня Алексом, он попросил меня называть его Васей. Думаете, мне сложно было это сделать? Легко!

Но Васей он стал не навсегда, пробовал и другие имена... Для него я по-прежнему Лекс, хотя в телефоне записан как «мама». Не знаю, как он говорит про меня, когда я не слышу, — но это его дело, я полагаю.

Я не знаю, как ему было жить с таким родителем. Я старался как мог, но этого, может быть, было недостаточно. Он замечательный. Мне действительно повезло с ним. Наверное, здесь можно было бы сказать, что я не заслуживаю такого сына. Но я не буду говорить вам заведомые глупости. Мы не заслуживаем своих детей, мы просто производим их на свет как получится, и растим как можем, и то же самое можно сказать про всю нашу жизнь. Как получится, как можем. По-другому не бывает.

Мне повезло.

Чувствовал ли я себя женщиной возле своего сына?

Матерью — да.

И сейчас я ему мать, это правда. Точно не отец, отец у него есть.

Я смог быть ему матерью, может быть даже достаточно хорошей.

И я очень рад этому, мне кажется, это было важно. Впрочем, мир не очень это приветствовал. Однажды, после очередного поэтического сборища, мы с друзьями-поэтами пили пиво в уличном кафе. Время было осеннее или весеннее — мы сидели за столиками на улице, уже стемнело, я начал прощаться.

— Да куда ты? — спросил меня один из присутствующих.

— Домой. У меня там сын, завтра делать с ним уроки утром, не хочу, чтобы болела голова.

— Вот и видно, что ты женщина. Мужчина бы остался пить пиво.

— Чего?

— Вот если не останешься, ты точно не мужчина.

— Ты хочешь сказать, что мужчина — это кому наплевать на своего ребёнка?

Нет, я ушёл, конечно. Попрощался и ушёл.

Сейчас ума не приложу, как меня могли так сильно ранить слова уже изрядно пьяного неблизкого знакомого, к тому же известного своей склонностью к провокациям и наездам. Но тогда — не сейчас. Я был замученный потерей любимого, смертью матери, перестройкой, безработицей и одиноким материнством в этом бардаке человек. Да, забыл упомянуть трансгендерность — тот ещё челлендж.

Там же, за этими же столиками, в тот же вечер — когда я прощался — одна красивая девушка сказала: «Как он прав! Ты больше женщина, чем все женщины, вместе взятые». Не поверите, когда я пересказал этот эпизод своей подруге, она с восторгом откликнулась: «Как она права!»

Иногда я чувствовал себя волком между красных флажков, хотя физически мне никто не угрожал. Но это пахло небытием. Это была угроза уничтожения.

Я не просил сына обращаться ко мне в мужском роде. Но он слышал, как обращаются ко мне друзья, и спросил об этом. Я ответил, объяснил. И он стал говорить со мной так.

Я же сказал: мне повезло.

Несколько лет я жил с моей подругой — той, что сказала «Как она права!» У нас на двоих было трое детей: мой сын и две её дочери. Им тоже пришлось как-то обходиться с моими «странностями». Они тоже справились. Они смеялись — не надо мной, а над ситуацией. Смеялись вместе со мной. Этого, может быть, не хватало нам с сыном — слишком мы серьёзные. Но невозможно не смеяться вместе с ребенком, узнавшим, что существует такое животное — «овцебык» и по созвучию составившим слово «отце-мать». Произносящим это слово с нежностью и уважением — и тут же заливающимся хохотом. Да ещё на два голоса! Вы только представьте себе весёлых симпатичных девочек-близнецов, которые растут и хорошеют у вас на глазах, которые и плакали у вас на руках, и рассказывали секреты, и сердились на вас, и ругались с вами — и смеются вместе с вами. Они смеялись, они дразнились: «дядя Лена — тетя Лёша!» От них это было необходимо. Это было так, как и бывает у детей: знакомство с новой, доселе неизвестной стороной мира, попытки освоиться с ней, обжиться. Не попытки игнорировать.

Однажды уже сын-подросток сдержанно выразил своё изумление по какому-то поводу:

— Мать моя женщина!

— Не факт! — тут же ответила ему одна из сестриц-красавиц.

Смеялись все.

Им было трудно, я думаю. Нам всем было трудно. Но мы справились.

Тело

Контекст телу придаёт освещение, осанка,
«Самец» ты или «самка» — тоже придаёт телу контекст.
Контекст телу придаёт мода,
И даже сама его природа:
Толстый ты или худой — добрый или злой соответственно.
Контекст телу придаёт то, что у него внутри:
Оно что-то там себе думает, а потом говорит,
Тело как будто меняет форму,
Оно также меняет цвет...
Я сегодня пробую
Смотреть в зеркало так, словно меня там нет,
И ничего нет, что видят, о чём что-то подумают люди.
Я вынимаю, будто пинцетом пули, из головы иллюзии.

Ты заслуживаешь того, чтобы быть белым,
Чистым от чужих прихотливых взглядов.
Ты заслуживаешь быть своим собственным, тело.

А я калека, я хочу убивать.

Тело без контекста говорит, иногда поёт.
Тело без контекста представляет собой полёт
Из невидимого мира в видимый
Слова, произнесённого в небытие.
Иногда приходится выйти, чтобы увидеть,
Есть ли кто-то ещё в тебе,
Есть ли кто-то вообще живой там,
Где положено быть мозгам,
Где расстроенный твой приёмник

Ловит ноты космических симфонограмм.

Ты заслуживаешь меня больше, чем я тебя.
Нет большей любви, чем та, где всё хорошо.
Должно же что-то быть настоящим,
Между несуществующим будущим
и омертвевшим прошлым.
Есть божественное, есть земное —
Что тебе надо ещё?
Есть связь между ними, и это не что иное,

Как я.

И меня не вычитать по телу,
По тому, что в моей голове, под каким я гляжу углом,
Как перо само себя не напишет чёрным по белому,
Оно всегда будет о другом.
Если вычленишь форму и суть из
контекста их обстоятельств,

Каждый из нас перестанет быть чередой предательств,
Наслоением травм на травму,
Белковой губкой, накопившей отраву,
Так что и я останусь лишь телом и тем, что вне,
Тем, что решает, что делать ему и мне...
Но всё-таки, видишь, люди предпочитают
Признавать только то, что принято,
То есть: воображать.

Это ведь нигде не прописано:
Люди! Тела не отождествляйте с мыслями.

ТАНЕЦ — МОЙ ГЕНДЕР

Когда 12 лет назад я приехала в Сан-Франциско, я будто бы оказалась в другом измерении, в том числе и гендерном. Я могу только воображать, как и в каком направлении моя гендерная идентичность бы развивалась, если бы я остался (далее в тексте я сознательно говорю о себе «он», «она» и «оно», но при этом использую феминитивы) в России. Может, с одной стороны, осознанное понимание себя как небинарного человека пришло бы гораздо раньше, как необходимое противостояние жёсткой российской гетеро-цис-нормативности. С другой, может, оно не появилось бы никогда, и вместо него было бы неопределённое вечное страдание.

Часто, когда я пишу и говорю о себе по-английски, я забываю, что у меня огромная привилегия — я могу провести всю жизнь, ни разу не упомянув свой гендер. Многие люди, особенно близкие, когда говорят обо мне в третьем лице, используют «they» (англ. «они»), опять же делая гендерную определенность неактуальной и ненасущной. Мой гендер как идентичность уходит на задний план, растворяется на фоне других, более важных для меня идентичностей, таких как танцорка, перформерша, учительница, студентка, иммигрантка или лесбиянка. Конечно, я не могу забыть, что мой биологический пол женский, но он находится вне моего гендерного самовосприятия, мое гендерное пространство — нейтральное. Я помню, один приятель спросил меня пару лет назад, к какому гендеру я себя отношу. И я, совершенно не задумываясь, сказала: процентов на 30 я — маскулинная женщина, процентов на 20 — мужчина, причем мужчина гомосексуальный и очень феминный, а на остальные 50 я — агендерное существо.

Я — немного чебурашка, не мужчина и не женщина, немного маленький принц, немного своё собственное creature (анг. «существо»), в которое я выросло и превратилось с годами, мыслями, фантазиями и опытом. Отдельные части моего тела, конечно, женские, например, мои вагина и матка. Я к ним очень нежно отношусь и люблю. Остальные части тела — нейтральные и воспринимаются мной вне гендера.

Очень важно, что моя гендерная идентичность определяется моим творчеством — танцем и театром. Когда я танцую, играю, выступаю, я обладаю особым свойством — свойством превращения. Образы промелькивают один за другим, и каждому я верю, некоторым полностью отдаюсь. Я нанизываю на себя разные гендеры, в зависимости от роли, персонажа, хореографии. Играть в гендеры таким образом очень классно и удобно. Они никогда не надоедают. И даже если надоели — их можно снять после долгого дня как костюм и повесить на вешалку до следующей репетиции или перформанса. Иногда я выношу своё гендерное превращение за пределы сцены и танцевальной студии — на улицу, в свой университет, на работу, на вечеринку. А что, если на час я буду стопроцентным мужчиной, или женщиной, или чебурашкой, или маленьким принцем. Но только на час, примерно столько, сколько длится соло-перформанс. Поэтому танец, способность тела танцевать — мой самый комфортный гендер.

Тем не менее, танец подразумевает полную связь со своим телом, важную с ним беседу. Такая связь мне дается нелегко, иногда болезненно — она ломкая и полная сбоев. К тому же, у меня давно появилась полезная привычка покидать своё тело. Моё тело много раз пугали, насильовали и по-всякому обижали — испаряться из него быстро и незаметно (даже для самого себя) стало делом, в котором я преуспел. В какой-то период жизни я регулярно исчезала из своего тела, улетаая в поднебесье, на другие, более справедливые и добрые планеты, когда стано-

вилось тяжело, больно или просто некомфортно. Происходило ощущение полного выключения из розетки — только что я был внутри себя, и вдруг внезапно вышел прогуляться в радужное пространство — а тело без меня как-то дышит и выполняет элементарные телесные функции.

При этом я, человек движения, с самого детства дергаясь, прыгая и бегая без остановки, получало огромное удовольствие от ощущения своих мышц и обожало танцевать. Я всегда возвращался в свое тело резко и набегам, чтобы почувствовать вкус движения, и потом, пугаясь, опять исчезал. Будто на меня действовали две противоположные силы: одна тянула меня в самую гущу тела, в танец, в движение, в этот вихрь, а вторая — как можно дальше от моего тела, в безопасное бестелесное пространство.

Когда примерно десять лет назад, уже в Сан-Франциско, я серьезно занялся танцами и театром, борьба между этими двумя силами сначала обострилась, потом притихла, но полностью никогда не ушла. Попытка сбежать случается, например, когда мне нужно разобрать сложную хореографическую связку, или когда я в большой группе людей, которых я не знаю. Тем не менее, с годами, перед тем как испариться, я научился прислушиваться к сигналам, предупреждающим о предстоящем побеге. Теперь я дышу, стараюсь детально рассмотреть мир вокруг себя и нежно предлагаю себе никуда в этот раз не уходить, а остаться. И иногда остаюсь. Это всегда маленькая победа. Кстати, когда я начало преподавать танцевальную импровизацию, это тоже помогло не уходить — моя ответственность за тех, кто, может, как и я, подвержены побегу, стала привязывать меня к телу.

Как это связано с гендерной идентичностью? Напрямую. Например, мне до сих пор привычно ускользнуть, когда меня объективируют в гендере моей биологии. Насилие, через которое прошло моё тело, напрямую было связано с восприятием его насильниками как женского. Это «женское» тело рассматри-

валось через ряд (сконструированных) характеристик, таких как «доступное», «уязвимое», «слабое», «глупое», «желанное», «уродливое», которые превращали его в объект и оправдывали насилие. Когда ко мне обращаются, апеллируя к моим «традиционно женским» качествам, я могу потеряться, забыть свой личный нейтральный гендер, спрятаться от своего тела.

С одной стороны, моё тело всегда было маркировано «женскостью», которая позволяла воспринимать его как девиацию от мужского, с другой, оно всегда было «недоженским», то есть недостаточно ухоженным, украшенным и привлекательным. Хотя лет в 14 или 15 у меня был период, когда феминный образ стал для меня самым безопасным, необходимым и желанным. Мне всегда казалось, что я в него играю и не очень успешно. Конечно, я старался, носил длинные волосы, каблуки, красился, но двигался слишком быстро, много и рывками, подворачивая ноги на каблуках, пачкая юбки и блузки, размазывая тушь и карандаш для глаз. Девочки в школе оттягивали меня в сторону, начинали рассматривать, дёргать и обсуждать мой неумело наложенный макияж и подобные штуки, на которые у меня не хватало терпения.

Помню, пришел момент, и вместо красной помады я нарисовала синей, вместооднотонных капроновых колготок я надела колготки в красную полоску, вместо блузки с барахолки — какую-то растянутую кофтенцию из секонд-хэнда. Период «правильной» феминности закончился, так и не успев вполне реализоваться. Ощущение себя как «неудавшейся девушки» тоже закончилось, и я вздохнул с облегчением, когда вдруг принял образ неформального существа в ярких красках. Конечно, в то время я не обладал ни пониманием, ни риторикой квинности, небинарности или трансгендерности.

Мне, подростку из провинции, было достаточно того, чтобы начать разбираться в своей запутанной сексуальности и влечении

к женским телам.

Когда я провела в России, в Петербурге, почти полгода, первый раз за 12 лет, вопросы собственной гендерной идентичности, которые до этого меня мало занимали в комфортной квирной среде в Сан-Франциско и Окленде, стали насущными и важными. В России границы моей выбранной гендерной нейтральности постоянно нарушались, даже занятия по танцам — самая безопасная для меня среда — вдруг стали гендерированными. Выйдя из зоны комфорта, я стал говорить о гендере, внутреннем и общественном его восприятии, сначала неуверенно и тихо подбирая русские слова, а потом громче и яснее. И это только начало. Я чувствую, что это важно, и мне, и таким, как я. У кого гендер танцующий. Флюидный. Утопичный. Сказочный.

НАЙТИ СЕБЯ

Мне 41. Я часто говорю о своём возрасте. И не потому, что горжусь им, а потому что сам не верю, что мне уже 41. Мне 41, и только сейчас я понял, что могу достичь многого, что есть множество путей, по которым можно идти, и что эти пути просто пустовали до того момента, пока я не понял, что они вообще есть.

Я трансгендерный мужчина, но предпочитаю называть себя «трансквиром», потому что во мне нет желания встраиваться в ту социальную модель «настоящего мужика», что сплошь и рядом отрабатывается вокруг. Мне нравится быть собой. И я вечно забываю, что я «мужчина», потому что внутри меня живёт просто человек, а любое гендерное отнесение вызывает одно лишь недоумение.

Обычно, когда я рассказываю о своем восприятии собственного гендера, на меня сразу обрушивается куча вопросов, суть которых можно свести к одному: «Зачем ты тогда пол сменил, раз так?» Если честно, я и сам до конца не смогу ответить на этот вопрос. Ведь к «ядерным транссексуалам», как это раньше называлась в отечественной науке, я точно никогда не относился: с детства не именовал себя в мужском роде, тело своё относительно терпел и в социуме какое-никакое место занимал в женском гендере... Однако, как по мне, страдал я ничуть не меньше — от непонимания себя и того, что со мной творится.

С детства я жалел, что не родился мальчиком. Будучи умным ребёнком, с ранних лет я понимал, что являюсь девочкой просто потому, что у меня вот такая физиология. С детства я стыдился своего тела, и сводить меня в туалет «на корточки в кустиках»

для мамы было сущим испытанием, так как даже тогда я жутко боялся, что моё тело кто-то увидит. Посещение бань в пионерлагере и душевых в бассейне было для меня практически пыткой, уколы в ягодицу — просто насилием, а (чуть позже) приём гинеколога — настоящим унижением.

Вспоминаю свои детские игры: да, я играл с машинками и паровозиками, обожал пистолеты и военную форму (но при этом ненавидел игру в «войнушку»), гонял в «казаки-разбойники» по всем окрестным дворам, обдирая локти и колени. Но точно так же я любил играть в «школу», рассаживая по кругу кукол и зверей, прыгать в «резиночки» и шить одежду игрушкам. В школе я был идеальной «примерной девочкой» с косичками, тихоней и отличницей, по крайней мере, до старших классов. В общем-то, в своем прошлом не вижу ничего интересного и необычного: так растёт большинство детей. И мне бы точно не хотелось «под запрос» сознательно нивелировать одну часть своей жизни и выпячивать другую. Я помню и люблю ту девочку, точнее, того небольшого, но очень ранимого и взрывного маленького человека, которым рос. Мне очень ценны мои воспоминания, одним из которых (всего лишь одним из ряда!) является моё дикое желание хоть денёк побыть мальчиком! Проснуться, как в сказке, пацаном, и пожить пацанской жизнью.

...Когда мне было лет 20, в моей жизни появился интернет. В этом возрасте я ужасно интересовался гомосексуальностью, читал о ней всюду, где только мог найти (тогда это было не так просто), и первое место, куда я залез, обретя доступ ко всемирной паутине, был гей-чат. Можно сказать, своего рода каминг-аут лично для себя я совершил именно там, заведя себе почему-то именно мужской ник и придумав мужскую историю. За полгода жизни в этом пространстве я обрёл множество друзей, потом сделал каминг-аут, признавшись, что я «девочка», обрёл лучшего друга и первую серьёзную любовь — гомосексуального мужчину из Риги,

с которым потом дружил восемь лет ровно до того момента, пока он не узнал, что я когда-то обманывал его, «притворяясь» парнем в Сети. Этот чат встроил меня в жизнь и проблемы ЛГБТ, я всё больше интересовался сообществом, читал и узнавал, мне хотелось об этом думать и писать, но было негде и непонятно, как...

Здесь я пропущу серьёзный кусок своей жизни длиной в десять лет, в котором для меня нет ничего особенно яркого, кроме пары переездов и смен рабочих мест. Это довольно мрачный кусок, когда я ощущал себя серостью, посредственностью, но меня ценили на работе, и это немного грело. Но в целом я не понимал, что со мной творится. Я одевался в «унисекс» и меня часто принимали за лесбиянку, но это смешило и даже раздражало, ведь я считал себя геем. Точнее, думал, что считаю себя им в шутку... О трансгендерности тогда я даже и подумать не мог, так как лет в 16, прочитав статью о том, что «транссексуализм» — болезнь, что живут такие люди максимум года три и гормоны их убивают, даже не начал мечтать об этом. Жизнь я всегда ценил.

И вот однажды, когда судьба закинула меня в абсолютно чужой большой город, в котором не было ни одной родной души, с тоски я залез в лесби-чат. Цель была скорее исследовательской: «Меня так называют, да кто они такие-то хоть?» Ну и, если честно, было ужасно одиноко в это чужом городе. Парням я немного нравился, но отчасти отпугивал отсутствием вычурной женственности и братским поведением, а ещё самому мне вечно претило быть «отдающимся» по причине тела. Женское тело на тот момент вызывало у меня лишь отвращение. Но почему-то казалось, что лесбиянкам, возможно, тело не особенно нужно. А вдруг я кому-то понравлюсь? Так хотелось быть любимым и важным! Я залез в этот чат... и не прошло и недели, как «вляпался» всерьёз. Влюбился в прекрасную женщину-буча, с которой был самый яркий роман в моей жизни, длившийся всего-то полгода... Эта история достойна отдельного эссе, поэтому упомяну её лишь

вскользь, но после неё я повесил на себя основательно и крепко идентичность лесбиянки и гордо носил её на себе года три.

Хотя нет, вру... Не «основательно» и не «крепко». Просто было удобно и в принципе комфортно. Впервые я был среди тех, кто нравится, и это нравилось мне. Но на душе было беспокойно... После расставания с любимой я впервые узнал, что такое клиническая депрессия. Зарабатывал я на тот момент копейки, погряз в долгах и обратился за помощью к психологу ЛГБТ-организации. Все бы ничего, да я, такой запутавшийся, пытаюсь сформулировать что-то вроде: «Я не знаю, кто я: мальчик? девочка?.. я не знаю, с кем мне быть дальше и как объяснить им, кто я», видимо, так криво всё сформулировал, что посыл психолога вышел примерно в ключе: «Успокойся, ты лесбиянка». Увы, после попытки принять этот факт я рухнул в такую пропасть депрессии, что выползть из неё пришлось с помощью антидепрессантов. Выполз не только благодаря лекарствам, но и во многом благодаря самому себе, решив: кем бы я ни был, что бы со мной ни творилось — я человек. Уважать себя. Пытаться ценить... жить.

Первый мой шаг в сторону выздоровления был странным: я решил, что раз моей «мужской стороне» так тяжело внутри, надо ее экстернализовать — вытащить в наглядное поле. И я вытащил — завёл блог в ЖЖ, который на тот момент пользовался ещё изрядной популярностью. Завёл блог для парня по имени Егор и писал туда короткие и ёмкие фразы. Честные. Отражающие меня. Картинки постил, стихи... Придумал, что Егор живёт в Амстердаме (мечтал всегда побывать там). И что он бисексуал. Собственно, взял и вытащил из себя Егора вовне. И надо сказать, тот Егор мне до сих пор чертовски нравится, хоть и не похож он на меня нынешнего полностью! С Егором в ЖЖ произошла странная история любви и разоблачения: на него как-то вышла и влюбилась одна довольно милая дама-поэтесса, и мне снова пришлось врать и играть... что меня и бесило и радовало одновременно.

После разоблачения дама, отказавшись что-либо слушать в моё оправдание, прекратила общение. Ты женщина, обманщица — и точка! А я принял это уже как должное. И даже сейчас, когда меня все воспринимают и принимают в качестве мужчины, я не устаю повторять, что моя жизнь — во многом ложь для других. Пытаясь что-то утаить, я невольно лгу. Но простите уж меня, дорогие мои. Это мой способ быть в безопасности. И увы, я уверен, что лгать мне придётся и в будущем...

История с женщиной-поэтессой вернула меня к лесбиянкам. Что я ещё мог придумать после того, как снова вляпался? И я вернул свою жизнь в виртуальное пространство женского лесби-форума, где прожил два долгих года до того момента, как неожиданно не натолкнулся там на трансгендерного парня. Этот момент можно считать поворотной точкой моей жизни. Именно в этот день встречи и сразу после него всё стало раскручиваться по нарастающей, именно он — Ярослав — помог мне, наконец, понять, что со мной творится, и найти тех, кто примет меня таким и поговорит со мной о том, что меня волнует...

Трансгендерный переход не был для меня болезненным. Мне было только очень страшно. Особенно вначале... Главный страх касался смены документов – больше всего на свете я не люблю чиновничьи кабинеты и сбор справок. Но оказалось, что всё преодолимо, если ты в адеквате, умеешь улыбаться чиновникам и слушать. О тонкостях перехода рассказывать не хочу, всё было примерно как у других, разве что мне удалось сменить документы до операций, но в целом всё получилось, и где-то через два года после обращения к психотерапевту я вертел в руках новенький паспорт.

Однако это обращение изменило мою жизнь не только в смысле трансгендерности. В лице психиатра, возглавлявшего мою комиссию, я нашел своего учителя, наставника, а потом и близкого друга, изменившего очень многое в моих взглядах,

давшего и дающего постоянно новые знания, помогающего мне расти профессионально. Теперь я и сам психолог — на момент написания этого эссе мне осталось всего 5 месяцев до защиты выпускной работы.

Звучит как-то банально: психолог... Но для меня это та дорога, вдоль которой я шёл много лет, но почему-то не решался на неё ступить. Но, однажды ощутив её широту и мощь, я уже уверен, что не сойду. Для меня психология — не просто наука. Я открываю её во взаимосвязи с философией, социологией, филологией, искусством; я понимаю, что проблема многих специалистов, работающих с психическим здоровьем — это поиск отклонений и нарушений, а работать надо прежде всего с самим человеком, его переживаниями и историями; я отчётливо понимаю, как работать с идентичностями и постоянно думаю о том, как улучшить эту работу, как сделать её максимально помогающей и безболезненной. Теперь длинными вечерами я не сижу в чатах, а пишу, читаю, учусь, помогаю клиентам. А в этом году я решил повысить квалификацию и поступил на вечернее отделение и учусь ещё и на клинического психолога. Я мечтаю защитить кандидатскую по гендерной идентичности и преподавать, хотя и понимаю, что имею очень слабые шансы на это в российском научном пространстве. Но мечтать и писать мне запретить пока не может никто.

Теперь я очень многое знаю и понимаю о себе, без отвращения смотрю на своёотражение в зеркале, без страха вхожу в кабинеты и без уныния смотрю в будущее. Я верю в то, что когда-нибудь сбудутся мои мечты о маленьком психологическом бизнесе и большой меценатской деятельности, что я смогу заниматься наукой, находя на это время; что я смогу учиться и преподавать, не мечась в поисках российского вуза, в котором мне разрешат использовать в названии научной работы слово «трансгендерность». Мне нравится смотреть вперёд и верить в себя.

Да, и ещё. Я очень люблю людей. Я бываю жутко неудобен им,

но, тем не менее, продолжаю видеть внутри каждого маленький уютный мир с мечтами, желаниями, любовью и милыми слабостями. И мне бы очень хотелось, чтобы мы смотрели друг на друга именно так: как на маленькие яркие миры, которым иногда бывает солнечно, а иногда дождливо; которым есть что сказать, но иногда надо помолчать и позлиться. И очень не хочется, чтобы эти маленькие вселенные встраивались в определённые кем-то гендерные, социальные, долженствующие рамки... Ведь каждая рамка ограничивает такой мир, не даёт ему выйти вовне и познать другие, непохожие на твой, миры и закрывает возможности. По крайней мере, так было у меня.

Меня знают под множеством разных имён. Кто-то читал обо мне, как о Йоланте, и в моём паспорте действительно написано «Йоланта». А ещё в этом документе стоит буква Ж, что, как можно догадаться, совершенно не отражает. У меня была мысль о том, чтобы скрывать своё имя, но с учётом множества моих особенностей это кажется бессмысленным — все, кто могут меня узнать, узнают меня и без имени, так что я выбираю говорить. Я — незрячий небинарный трансгендер, полисексуал, а значит представитель ЛГБТ+. И, конечно, это не полный список моих идентичностей.

Мне было сложно написать эту историю, потому что я мастер в том, что касается самообесценивания. Мне долго казалось, что мой трансгендерный опыт — не опыт; что никакой особой истории у меня нет, и писать тут не о чем. Но чем больше я задумывался об этом, тем больше находил, что сказать.

Судя по моему опыту, трансгендеров довольно часто (едва ли не чаще всего) спрашивают о том, как они «пришли к этому» — самоопределились, поняли, что они транс*персоны. И я, пожалуй, не буду обходить этот вопрос относительно себя.

У меня не было «внезапного осознания», мыслей о том, что со мной что-то не так или что я куда-то не вписываюсь. Я не просыпался в один прекрасный день с криком: «О, я трансгендер!» Думаю, этому способствовало то, что до определённого времени я прекрасно вписывался в ту социальную гендерную роль, которая предлагается нормативным большинством «для женщин». Только женщиной я никогда себя не чувствовал. Или девочкой. Или мальчиком. Я не был всеми этими людьми, я был собой. Гендерная бинарность была не для меня, хотя на низком

уровне осознанности и рефлексии я не чувствовал, что мой опыт конфликтует с идеями этой бинарности. Я всегда ощущал себя небинарным, у меня долгое время просто не было термина, чтобы определить себя.

В какой-то момент мне стало тесным это «женское платье», которое мне предлагали и которое я носил. Я думал о том, кем я являюсь, кем хочу являться, кого во мне видят случайные зрители и кого я хотел бы им показать. И тут рассуждения плавно поворачивают в сторону самопрезентации.

Не то, чтобы я сильно конфликтую со своим телом — в этом, я считаю, нам повезло. Я конфликтую скорее со своим образом, со своей самопрезентацией — это довольно сложная и неоднозначная тема для меня. Я ценю своё тело и имею хороший контакт с ним. Но у меня довольно феминная внешность, у окружающих никогда не было трудностей с определением приписанного мне при рождении пола, и большинство людей автоматически пытается «пронзать» мою гендерную идентичность по тому, что видят. Скорее всего, они просто не думают об этом, не догадываются, что бывает ещё кто-то кроме «мужчин» и «женщин». И то, что меня однозначно соотносят с «женщинами» заставляет меня чувствовать себя печальным, непринятым и непризнанным, чувствовать себя невидимым, даже если этого и не предусматривали те, кто занимается определением гендера по фото. При рождении мне приписан женский пол; я был социализирован как женщина; сталкивался с дискриминацией, с которой сталкиваются женщины. У меня «женское» тело и прочие доступные для восприятия признаки. Только они на самом деле не женские. И опыт этот — он не женский. Он мой. Я — небинарный, и это опыт небинарного человека.

Меня задевают сексистские стереотипы, транслируемые обществом. Мне не нравится, что от меня требуют поведения, «как у женщины». Но это не связано с моим гендером. Это возмущает

меня потому, что никто не вправе определять, как вести себя женщинам, а не потому, что я женщиной не являюсь. Мне хочется сказать: «Оставьте в покое женщин, оставьте в покое вообще всех людей. Они имеют право быть собой и быть свободными, пока не нарушают чужой свободы и чужих личных границ». Каждая конкретная личность сама решает, кем ей быть, как себя определять. Не общество, не коллектив и не совет старейшин. Сам человек определяет себя там и таким образом, где и как хочет.

В области моего гендерного самоопределения меня беспокоит мисгендеринг — попытки определять гендер человека по тому, «какую видно картинку», предугадывать и думать за человека. Это может показаться мелочью, но я думаю, это заслуживает упоминания — мне ужасно не нравится, когда знакомые и незнакомцы говорят обо мне «девушка». Я, чёрт возьми, не девушка. А вон тот «молодой человек», может быть, совсем не мужчина. Или мужчина. Никому неизвестно, пока он_а сам_а не скажет об этом. На самом деле я думаю, что стоит прекратить это обращение к незнакомцам по их половым признакам — дело не только в возможном мисгендеринге, мне просто кажется это невежливым. Как будто в первую очередь определяет человека то, что у него между ног — это очень узкий взгляд на вещи. И, конечно, мне бы хотелось иметь больше маскулинных черт в своей внешности (ну, или меньше феминных), чтобы выглядеть более андрогинно. Не думаю, что у меня есть шанс пройти с этим желанием специальную комиссию и получить разрешение на гормональную терапию, но пока этот вопрос меня не очень волнует. Если ситуация изменится, будет новый план действий.

У меня не так уж много трудностей, связанных с моим гендером. Мне хотелось бы кое-что изменить, но я думаю, что всё принципиальное я когда-нибудь изменю, а всё менее значимое пройдёт стороной. Но пока я писал об этом, я понял, что мне в целом не нравится картинка, которую видят вместо меня окружающие.

И я не могу не сказать о ней, если это моя история.

Я чувствую себя человеком, находящимся на пересечении множества дискриминаций. Я сталкиваюсь с ней как незрячий человек, как транс*персона, вообще как представитель ЛГБТ. Я сталкиваюсь с ней также и как женщина, потому что общество пытается требовать с меня как с женщины. Далеко не все могут принять меня со всем множеством моих идентичностей, поэтому я ценю каждый раз, когда мне дают понять, что меня принимают, что я видимый. Но чаще люди видят вместо меня другого человека.

Судя по тому, что они говорят, я склонен думать, что они видят несчастную, беспомощную и слабую незрячую девушку, которой нужно покровительство, опора, опека и благодеяние, за которую нужно говорить, потому что сама она ничего не может. Люди, видящие это, не ошибаются только в одном — я действительно не могу пользоваться зрением. Этот прочно укоренившийся стереотипный образ людей с инвалидностью не так-то просто выбить из голов людей, но подлинный гнев во мне вызывают попытки донести до меня представление о том, кем я являюсь по чьему-то чужому мнению. В этих попытках зачастую очень много неуважения. Уважающий (или пытающийся, учащийся уважать) других людей человек будет пытаться связывать то, что он видит с тем, что ему говорит собеседник, вторая сторона. Уважающий человек будет видеть в собеседнике другого субъекта социального взаимодействия, будет понимать, что в этом взаимодействии участвует не он один, и беседа с картинкой в своей голове совсем не обязательно является беседой с настоящим, реальным человеком, для которого была создана эта картинка. И, полагаю, довольно естественно испытывать гнев, когда тебе говорят: «Ты — картинка, ты вот такой», не давая возможности это опровергнуть. Нет, я не картинка, я не та, кого можно себе представить, если бросить на меня случайный (или неслучайный) взгляд. Но эти стереотипные представления обо мне стоят между мной и

множеством, казалось бы, неплохих людей почти непробиваемой стеной.

И в какой-то момент я стал менять себя не только внутри, но и снаружи. Я стал экспериментировать со своей внешностью и одеждой, со своим поведением, чтобы хоть где-то пробить брешь в этой стене, хотя бы начать разрушать картинку, которая не даёт другим людям воспринимать действительно меня. Сначала это было довольно сложно в связи с нарушенным зрением — эта особенность накладывала определённые ограничения и порой тянула меня назад. Но чем меньше у меня получалось, тем больше усилий я прилагал. И мне кажется, что я наконец начал чего-то добиваться в плане видимости действительно себя. Это не может не радовать.

В конце хочу немного сказать, почему я активист: я делаю всё, что у меня получается, чтобы бороться с ЛГБТфобией и другими видами дискриминаций, в том числе и с дискриминацией персон с инвалидностью. Вокруг меня много людей, в том числе и представителей ЛГБТ, которые считают активизм очень показательным, гротескным, уродливым. Я часто встречаюсь с мнением, что действовать нужно «осторожно, маленькими шагами» или не нужно действовать вообще — и так есть уже равные права, возможности и доступность. Но я знаю, что это не так: ещё очень далеко до равных возможностей и доступности.

Я активист за права людей с инвалидностью, потому что я не хочу, чтобы в меня тыкали пальцем, задавали бестактные вопросы, смотрели с брезгливостью, презрением, отвращением или жадным любопытством. Я не хочу, чтобы детей с инвалидностью травили сверстники, а родители этих детей были изгоями. Я не хочу больше слышать формулировки «они тоже люди», потому что она оскорбительна. Я не «тожечеловек».

Я учусь быть ЛГБТ-активистом, потому что я хочу быть собой,

использовать свои местоимения, презентовать себя так, как мне комфортно, и быть принятым. Я хочу, чтобы люди могли, если хотят, любить, быть вместе, создавать семьи и воспитывать детей, не оглядываясь на то, кто из них какого пола; и я хочу, чтобы общество не напоминало им ежесекундно, какие они неправильные и некачественные. Я хочу, чтобы негетеросексуальные и/или ненуклеарные семьи не сталкивались с отторжением и не отвергались. Мне хочется, чтобы в этом мире можно было любить кого угодно и быть в безопасности. Мне бы хотелось самому со временем создать постоянный союз и не думать о том, с какой стороны ждать беды. В этом и состоит моё понимание справедливости.

Из личного дневника

Ну вот и моё «безумие» взяло слово. Что ж, немного понажимаю на кнопки — что-нибудь да напишу. Данный текст — о том, на что я никогда не пойду из-за своего страха, закомплексованности и скромности. Рассказ о том, кто я, и почему всё так, как есть.

Для начала, дальнейший текст будет от женского лица. То есть от меня. Разрешите представиться — Жанна, данное имя я выбрала уже давно. В детстве — да и сейчас это так — я частенько засыпала, загадав желание: проснуться в женском теле. В своём настоящем теле. Но наступает утро, и я всё равно биологически мужчина. Что ж, не фартануло.

Ещё в детстве я начала понимать, что со мной что-то не так. Но напрямую узнать было не у кого. Было иногда непонятно, почему нельзя носить те же вещи, что и сестра. Но нельзя — значит нельзя. Я до сих пор помню, как меня уговаривали родители снять девчачий халатик, что был куплен сестре. Я тогда была маленькая, и скорее всего родители думали, что по принципу старшинства я хотела владеть новой вещью, но он мне просто нравился. Мне, наверное, и шести не было. Но с того возраста я запомнила, что женскую одежду с моим телом мне нельзя. А как я хотела... Хотя если вспоминать рассказы родителей, то в детстве сторонние люди меня считали девчонкой, а сестру — братом.

Помню, как-то во время очередного ремонта (ремонт в доме родителей продолжался всегда) у меня была простуда, губы трескались часто. И когда закончился какой-то крем для губ, мама нанесла помаду сестре. Я, хоть мои губы и зажили, разорвала ранку, чтобы и мне была оказана первая помощь. И на мои

губы легла помада. Я помню её вкус даже сейчас. Цвет — коричневый, выглядело очень прикольно... Но отец был недоволен. Он не сказал при нас, но маме явно влетело. Больше такой «оплошности» она не допускала.

Это я сейчас понимаю, что родители наверняка знали, что со мной что-то не так, и старались меня перевоспитать. При этом отец даже боялся меня ударить, чтобы не видеть моих слёз. И я до сих пор немного на него в обиде: если он хотел видеть во мне мальчика, то почему не воспитал меня более жестоким и суровым?

А я пряталась как могла, но при этом выпросила у сестры её нелюбимую куклу. И она была моей. Иногда мечтала, что она оживёт, превратит меня в девчонку, и мы убежим в мир мечты и будем жить долго и счастливо. Я помню эту куклу с короткой стрижкой, коричневыми волосами, голубыми глазами, платьем в синий горошек. Я мечтала о барби, мечтала научиться шить и вязать. Всё это было пресечено отцом. Да что там пресечено, на меня были повешены обязанности по уходу за хозяйством (животины мы тогда держали много), топка печей и даже готовка ужина. Плюс в школе задавали так много, что вечера уходили на литературу, и было не до вязания.

В школе учителя часто доводили до слёз. Но однажды меня похвалила классная руководительница. Не парня, а меня, хоть и косвенно. Писали изложение контрольное в одиннадцатом классе, без фамилий. Проверял другой учитель. И она сказала моей классной, что парень не может такое написать, а классная сказала: этот — может. Не помню произведение и тему. Но помню сюжет: там какой-то подлец обошелся с девушкой плохо. Про это я и написала, что он сволота. Да, тогда я была счастлива. В школе я жила учёбой: знания давали власть, и я не дралась. Кто будет обижать того, кто даёт списать?

И тогда я жила, и сейчас живу словно в стане врага. Я всегда

должна контролировать поведение, мысли, речь. Я всегда должна быть осторожна, чтобы не раскрыть себя. Вся жизнь — ложь. Пытаюсь контролировать свою женскую часть, поэтому и не могу быть с кем-то — опять мужскую роль тащить сил не хватит. Нервы изматываются. Нагрузки возрастают. И годы тоже крадут силы.

...

Почему бы не сознаться, не признаться? Как по мне, время не то. Если раскрыться и поверить людям, будучи наивной дурочкой, то сожрут. Да и кому признаться-то? Кто готов нести груз ответственности? Проще сдать человека и насладиться зрелищем его казни. В детстве я пыталась узнать, что будет, «если», но все попытки показывали, что нельзя. Помню, я как-то раз специально затеяла спор с сестрой. Ради одной цели — сказать не «я сказал», а «я сказала». Буква «а», женское окончание. У сестры появился повод для победы в споре, а мне уже и не важна была победа, я получила ответ на более важный вопрос — и сделала вывод, что нужно и дальше скрываться. Мне очень хотелось жить, жить обычной жизнью. Но убить свою женскую часть, свое желание жить как женщина — означало смерть для меня. Да, мысли о суициде были, и я их гнала прочь. Сейчас говорю себе — спасибо, что не дала слабину. Хотя до сих пор манит покойем смерть — года полтора назад даже неожиданно застала себя на желании выброситься в окно. Трудно было совладать с собой, словно не я была в своём теле. Хотя и так не в своём.

Передачи, информация из газет, третий ряд книг из книжного шкафа родителей — не полное собрание сочинений Ленина, на тот момент оно были неактуально, уже шла Перестройка — а ряд книг по сексологии, педагогике... Читая эти книги, я обзавелась необходимыми знаниями. Я строила свои теории — и проверяла теории из книг. Помню, была теория в одной из книг: если

ребёнок недоношен, то возможна данная «патология» — диагноз F64.0. Помню, как читала свою карточку в больнице на приёме у тогда еще детского врача. Мама грубо спросила, что я там хочу найти, а я промямлила что-то в ответ и отложила карточку. Книжки подготовили меня к так называемому трудному возрасту, когда шалют гормоны, когда жизнь бьёт ключом (разводным!). Да, я влюблялась в девчонок — так положено. Кроме простых свиданок это ничем не заканчивалось: не могла я обманывать, не хотела всё строить на обмане. А жить и любить хотелось, я понимала, что жизнь проходит. Помню, послушала на восемнадцатилетие «Иванушек Интернешенел» — «Безнадёга точка ру» — и пошла в универ. Помню восемнадцатую весну. Май, конец сессии, ночь — окна были открыты, и где-то шумела свадьба. Весело, с песнями. За окном пахло черёмухой, запах дурманил... Это был один из немногих раз, когда я сорвалась — слёзы бежали сами. Я не могла перестать плакать, да и сильно не хотела. Я знала, что оплакиваю свою юность...

Очень трудно одной. Мало кто знает, кто я.

...

Скоро день рождения. Недавно я выполнила своё давнее желание: побрила ноги. Это жуть — очень долго и неудобно. Ещё разок приведу себя в порядок на Новый Год, и лучше пусть уж волосатые ноги, чем столько усилий. Я устала, хочу спать — думаю, лягу пораньше, хотя, может, и посмотрю «Гарри Поттера». Ногти как всегда покрашены корявенько — ну ничего, зато приятно: для себя же, а не для народа. Смотрю на свои ножки. Жуть, сколько на них следов оставила жизнь...

...

Потихоньку удаётся чаще переодеваться. Даже сейчас у меня покрашены ногти на ногах. На руках пришлось стереть — прия-

тель приходил, и, чтобы его не шокировать, как в прошлый раз, решила перестраховаться.

Усталость. На работе срывается мужская часть меня, это плохо. Охота отдохнуть и выспаться — но тревога не даёт. Снились омерзительные кошмары, это, наверное, мозг шалит. А ещё скоро корпоратив... Прикольно было бы завалиться на него в женском образе — челюсти бы у всех отвисли. И меня бы, наверное, сразу же уволили, но от зависти точно психанули бы многие: их жирные жопы с моей попкой и рядом не стояли (вот, немного похвасталась себе). На работе коллега пытается на философские разговоры меня раскручивать — болезнь выручает, кашель забивает весь разговор... Думаю, всё будет хорошо. Новый Год встречу в фиолетовом цвете, и, думаю, мне станет фиолетово на мнения других.

...

Новый Год, как и хотела, встретила в одежде фиолетового цвета. День был рабочий, я пришла уставшая, и на макияж толком не было времени. К тому же, по скайпу родственники звонили, так что накрутилась я после разговора, буквально за 10 минут до Нового Года. Встретила его в интернете. Была в женском, была одна. Но было не грустно. С балкона минут сорок наблюдала за фейерверками.

Сейчас просто стараюсь держаться, несмотря даже на то, что по весне в мою голову приходили подобные мысли: «Каждый день нужно начинать со слов — ты сильная девочка и мы со всем справимся. Но я сама уже не верю, не знаю, за что держусь и живу... Я не знаю, почему я цепляюсь за эту жизнь, в которой кроме боли ничего нет. Вот она — её величество Отчаянье. Когда все демоны души срываются с цепей, и творят безумие в моём разуме.

Я немного пессимистична, но продолжаю цепляться за жизнь.

Почему — ответа не знаю. Полагаю, что не мне ставить точку. Да и в мире столько всего интересного. А аниме сколько ещё не пересмотренного, и манги непрочитанной, и много-много разных идей... Поэтому нужно выживать, а для начала — хотя бы выспаться. Так что я — спать. Возможно, ещё свидимся.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛГБТ-ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА «ВЫХОД»

«Выход» работает с 2008 года для поддержки ЛГБТИК-сообществ и развития движения за равные права в Санкт-Петербурге. В рамках нашей инициативной группы работают несколько программ. Мы предоставляем бесплатную психологическую и юридическую поддержку ЛГБТИК-людям и их близким, занимаемся просветительской деятельностью - проводим встречи, семинары, круглые столы, выпускаем информационные материалы по ЛГБТИК-вопросам и смежным с ними темам, ведем мониторинг дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, инициируем культурные события в Петербурге, создавая площадки для диалога между различными частями общества.

- **Если вы нуждаетесь в консультации психолога:**

Запишитесь через форму на сайте (<http://comingoutspb.com/poluchit-konsultatsiyu>), по электронной почте psych@comingoutspb.ru, или по тел. +7 (812) 242 54 69

- **Если вы нуждаетесь в консультации юриста по вопросам, связанным с нарушением прав по признакам сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности:**

Запишитесь через форму на сайте (<http://comingoutspb.com/poluchit-konsultatsiyu>), по электронной почте pravo@comingoutspb.ru, или по тел. +7 (812) 242 54 69 и +7 (950) 020 39 60

- **Если вы – трансгендерный человек и нуждаетесь в консультации по типу «равный-равному» от других трансгендерных людей, активистов Транс*миссии «Выхода»:**

Напишите по электронной почте trans@comingoutspb.ru

Страница, посвященная дискуссионному пространству «Квир-среда» для транс*квир людей и нашим встречам:
<https://vk.com/queerday>

- Если вы столкнулись с дискриминацией (насилием, оскорблениями, угрозами, отказами в предоставлении услуг или другим нарушениям ваших прав) по признаку сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности:

Пожалуйста, сообщите об этом случае в программу мониторинга дискриминации через форму на сайте (<http://comingoutspb.com/soobshchit-o-narushenii/>) или по электронной почте monitoring@comingoutspb.ru

- Если вы или ваша инициатива нуждается в площадке в центре Санкт-Петербурга для проведения мероприятия, связанного с ЛГБТИК-вопросами:

Вы можете провести ваше мероприятие в комьюнити центре «Выхода», предварительно связавшись с нами по электронной почте contact@comingoutspb.ru или по тел. +7 (812) 242 54 69

О ДРУГИХ ПРОГРАММАХ «ВЫХОДА» И О НАШЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫ МОЖЕТЕ УЗНАТЬ ЗДЕСЬ:

COMINGOUTSPB.COM

[HTTPS://VK.COM/COMINGOUTSPB](https://vk.com/comingoutspb)

[HTTPS://WWW.FACEBOOK.COM/COMINGOUTSPB](https://www.facebook.com/comingoutspb)

ДРУГИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ТРАНСГЕНДЕРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И ЛГБТ-ПРОЕКТЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ УСЛУГИ И ПОДДЕРЖКУ ТРАНСГЕНДЕРНЫМ ЛЮДЯМ

- **Проект правовой помощи трансгендерным людям (Россия):**
<http://pravo-trans.eu>, https://vk.com/pravo_trans,
<https://www.facebook.com/groups/pravo.trans>,
Pravo.Trans@gmail.com
- **Транс*Коалиция на постсоветском пространстве:**
<http://transcoalition.info>,
<https://www.facebook.com/transcoalition>
- **Инициативная группа «Т-Действие» (Санкт-Петербург):**
https://vk.com/t_action
- **Группы поддержки для трансгендерных и квир людей «Queer Haven» (Москва):** https://vk.com/queer_haven
- **Квир, интерсекс, транс* инициатива «КИТ» (Самара):**
https://vk.com/qit_initiative
- **Транс-феминистский проект для трансгендерных и квир людей «ЛАВЕРНА» (Омск):**
<https://vk.com/club101963619>, laverna.omsk@gmail.com
- **Сервисный проект для трансгендерных людей и их близких «Т9Nsk (Новосибирск)»:**
<http://t9nsk.org>, <https://vk.com/t9nsk>, t9nskproject@gmail.com
- **Сервисный проект для трансгендерных людей «Т-Реверс» (Краснодар, Ростов-на-Дону):** https://vk.com/t_revers,
<https://vk.com/club130696692>
- **Транс*феминистическая инициатива «АдаманТ*» (Украина):**
<http://adaman-t.org.ua/about-us>, <https://www.facebook.com/adamant.trans>, contact@adaman-t.org.ua

- **Центр социально-психологических и культурных проектов «Ресурс ЛГБТКИА Москва» (Москва):**
<http://resourcerus.org>, <https://vk.com/resurslgbtmsk>,
resurs.moscow@gmail.com, +7 (929) 521 4951
- **Самарское общественное ЛГБТ движение «Аверс»:** <http://www.avers-samara.com>,
<https://vk.com/lgbtsamara>, samaralgbt@gmail.com
- **ЛГБТ-инициативная группа «Радужный Мир» (Пермь):** <https://vk.com/radugamirperm>
- **Региональная общественная инициатива «Радужный дом» (Тюмень):** <https://vk.com/club10612556>
- **Ресурсный центр для ЛГБТИ (Екатеринбург):**
<https://vk.com/club69550573>
- **Региональная инициативная группа «Максимум» (Мурманск):** <https://vk.com/club6061728>
- **ЛГБТ-организация «Лабрис» (Бишкек):**
<http://www.labrys.kg>, <http://www.facebook.com/LabrysKG>,
- **Проект «Queer Home» (Украина):**
<http://upogau.org/ru/qh/about-queer-home>
- **Горячая линия Российской ЛГБТ-Сети:**
 8-800-555-7374 (15.00 - 21.00), <https://chat.lgbtnet.org/chat/chat.html> (онлайн-чат с 10.00 - 14.00, 18.00 – 00.00)

ЛГБТ-ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА «ВЫХОД»

Санкт-Петербург, 2017